

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
МЕЖКАФЕДРАЛЬНЫЙ СЛОВАРНЫЙ КАБИНЕТ
им. проф. Б. А. ЛАРИНА

СЕВЕРНОРУССКИЕ ГОВОРЫ

Издается с 1969 года

В ы п у с к 11

Межвузовский сборник

Ответственный редактор
профессор А. С. Герд

Филологический факультет СПбГУ
Санкт-Петербург
2010

УДК 800.87
ББК 81.2 Рус-67я5
С28

Редакционная коллегия: д. ф. н. проф. А. С. Герд (отв. редактор, С.-Петербург), к. ф. н. доц. Л. П. Михайлова (Петрозаводск), д. ф. н. проф. Л. А. Ивашко (С.-Петербург), к. ф. н. доц. И. С. Лутовинова (С.-Петербург), д. ф. н. проф. С. А. Мызников (С.-Петербург).

Ответственный секретарь: к. ф. н. Е. В. Пурицкая (С.-Петербург)

Редакционный совет: д. ф. н. проф. Н. В. Богданова (С.-Петербург), д. ф. н. проф. В. В. Колесов (С.-Петербург), к. ф. н. доц. Н. В. Маркова (Петрозаводск), д. ф. н. проф. И. И. Муллонен (Петрозаводск), д. ф. н. проф. Е. А. Нефедова (Москва), д. ф. н. проф. Н. С. Сергиева (Сыктывкар), д. ф. н. проф. Г. В. Судаков (Вологда), д. ф. н. проф. В. И. Трубинский (С.-Петербург), д. ф. н. проф. О. А. Черепанова (С.-Петербург).

Рецензент: д. ф. н. проф. В. И. Трубинский.

*Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
филологического факультета
С.-Петербургского государственного университета*

С28 Севернорусские говоры : межвуз. сб. Вып. 11 / отв. ред. А. С. Герд. — СПб. : Филологический факультет СПбГУ, 2010. — 168 с.

ISBN 978-5-8465-1077-7

Сборник (вып. 10 вышел в 2009 г.) продолжает традиции сборника «Слово в народных говорах Русского Севера», издававшегося под редакцией Б. А. Ларина. За прошедшие годы у сборника сложился прочный коллектив авторов из Петербурга, Мурманска, Вологды, Кирова, Новгорода, Петрозаводска, Пскова. И сегодня авторитет, признание и нестарение сборнику приносят тематическое единство, стабильность названия и оформления, авторский коллектив, свежесть материалов и идей.

Для филологов-русистов, финно-угроведов, диалектологов, этнографов.

ББК 81.2Рус-67я5

ISBN 978-5-8465-1077-7

© Коллектив авторов, 2010
© Филологический факультет СПбГУ, 2010
© С. В. Лебединский, оформление, 2010

СОВРЕМЕННАЯ ДИАЛЕКТОЛОГИЯ В КРУГУ ДРУГИХ ДИСЦИПЛИН¹

В статье обсуждается место диалектологии в кругу других дисциплин (этнография, археология, антропология, география, социология). Определяется предмет диалектологии.

Ключевые слова: диалект, региолект, наречие, национальный язык, метод, диалектология, история языка, историческая диалектология, этнография, археология, историческая география, этнолингвистика.

Некоторое время назад мы уже касались вопроса, вынесенного в название статьи². И все же с каждым днем вопрос о том, что такое современная диалектология, все более запутывается. Первый, едва ли не основной этап в истории русской диалектологии — этап этнографический. Еще в XVIII в. русские академики-естествоиспытатели П. С. Паллас, В. Ф. Зуев, С. Г. Гмелин, И. Георги, И. И. Лепехин, Н. Я. Озерецкевский в своих путешествиях по России впервые собрали огромное количество местных названий рыб, зверей, птиц, растений, явлений природы, особенностей ландшафта, предметов народного быта³. И так, в целом первый и наиболее прочный союз

¹ Работа выполнена при поддержке Аналитической ведомственной целевой программы «Развитие научного потенциала высшей школы (2009–2010 годы)», проект № 2.1.3/271 «Параметры семантической характеристики слова в толковом словаре».

² Герд А. С. Несколько замечаний касательно понятия «диалект» // Русский язык сегодня / под ред. Л. П. Крысина. М., 2000. Там же см. обзор некоторых спорных мнений.

³ Кутина Л. Л. Формирование языка русской науки (терминология математики, астрономии, географии в первой трети XVIII в.). М.; Л., 1964; Герд А. С. Формирование терминологической структуры русского биологического текста. Л., 1981;

у диалектологии (за пределами языкознания) на протяжении XVIII–XX вв. — союз с этнографией⁴.

В наши дни диалектология настолько слилась с этнографией, что многие диалектологические работы, в особенности связанные с духовной культурой, с описанием картины видения мира, представляют собой детальные этнографические описания. Прочная уния, правда, частично более односторонняя, связывает диалектологию и археологию. В десятках работ археологов для доказательств тех или иных гипотез историков приводятся данные диалектологов. Обращение диалектологов к выводам археологов носит более редкий характер⁵. К чести географов надо сказать, что сегодня они все чаще обращают свои взоры на данные разных диалектов, заключенные в словарях, атласах и монографиях⁶.

Так, с первых дней в России диалектология стала едва ли не основной вспомогательной дисциплиной, с одной стороны, для истории языка, а с другой — для истории народа. Постепенно на основе описательной диалектологии в XIX — начале XX в. выросло особое направление — диалектология историческая.

И здесь нельзя не вспомнить, что все видные историки русского языка вышли из диалектологии (И. И. Срезневский, Н. М. Каринский, Н. Дурново, П. С. Кузнецов, Н. П. Гринкова, Б. А. Ларин, Ф. П. Филин, С. И. Котков, Л. П. Жуковская, В. В. Иванов, К. В. Горшкова).

Предмет русской исторической диалектологии — история формирования русских диалектов и региональных форм речи на разных этапах их эволюции. Это история языковых форм, включая данные письменности, и история лингвистического ландшафта, ареала. Именно с описанием истории диалектных форм связаны основные достижения русской исторической диалектологии. Вторая половина XX в. ознаменовалась небывалым прогрессом в диалектной лексикографии и в изучении истории и этимологии диалектных слов.

Герд А. С., Попов И. А., Матвеева О. А. Роль Русского географического общества в развитии лингвистической географии в России // *Лексический атлас русских народных говоров* / под ред. И. А. Попова. СПб., 1998.

⁴ *Гринкова Н. П.* Этнография и диалектология // *Всесоюзный географический съезд*. Т. 3. М., 1949.

⁵ *Герд А. С., Булкин В. А., Лебедев Г. С., Седых В. Н.* Основания регионалистики. СПб., 1999; *Очерки исторической географии. Северо-запад. Славяне и финны* / под ред. А. С. Герда и Г. С. Лебедева. СПб., 2001.

⁶ *Гуманитарная география*. Вып. 1. М., 2004.

История лингвистического ландшафта разработана гораздо меньше. Во многом это связано с тем, что такая история не может быть вскрыта чисто лингвистическими методами или же на основе отдельных языковых явлений. История лингвистического ландшафта неотделима от реконструкции историко-культурных зон и культурных ландшафтов. Она может быть воссоздана только на базе творческого содружества специалистов таких наук, как география, историческая география, этнография, археология, антропология, лингвистическая география и картография⁷.

В то же время переход к созданию лингвистических карт и сводных атласов заставил диалектологов России более пристально взглянуть и на теоретические проблемы картографии и географии в целом⁸. Методы классической диалектологии породили американскую антропологию и этнолингвистику, позднее, с 20-х гг. XX в., — диалектологию социальную, тогда же возник острый интерес к языку города, к жаргонам⁹.

Начиная с 30-х гг. появляется большое число работ о языке советской деревни, в которых сначала робко, а затем все сильнее зазвучали идеи об изменении старых крестьянских диалектов под влиянием как внешних исторических причин, так и иноязычного окружения¹⁰.

⁷ Чайкина Ю. И. История лексики Вологодской земли (Белозерье и Заволочье). Вологда, 2005; Аванесов Р. И. Вопросы образования русского языка в его говорах // Вестник МГУ. 1947. № 9; Ларин Б. А. Историческая диалектология русского языка в курсе лекций акад. Шахматова и наши современные задачи // Очерки истории языка. Л., 1960; Герд А. С. Очерк исторической диалектологии Верхней Руси (История ландшафта). СПб., 2001.

⁸ Вопросы теории лингвистической географии / под ред. Р. И. Аванесова. М., 1962; Лингвоэтногеография / под ред. М. А. Бородиной. Л., 1983; Лексический атлас русских народных говоров (Проект) / отв. ред. И. А. Попов. СПб., 1994.

⁹ Ларин Б. А. О лингвистическом изучении города // Русская речь. Новая серия. III. Л., 1928; Поливанов Е. Д. Задачи социальной диалектологии русского языка // Родной язык и литература в трудовой школе. 1928. № 2. В литературу 80-х гг. XX в. проникает новое, более глубокое и сложное понятие «региолект». Так, по мнению В. И. Трубинского, региолекты — это «новые диалекты», новые достаточно крупные территориально-системные образования, которые не повторяют классического диалектного членения русского языка МДК и ДАРЯ: Трубинский В. И. Современные русские региолекты // Псковские говоры и их окружение / под ред. Л. Я. Костючук. Псков, 1991.

¹⁰ Гринкова Н. П. Изучение языка колхозной деревни // Изв. АН СССР. Отд. литер. и яз. 1948. Т. 7, вып. 5.

Насколько далеко от классической диалектологии ушла социальная диалектология, хорошо видно на примере многих работ Т. И. Ерофеевой¹¹. Так постепенно диалектология стала одной из основных частей современной социалингвистики¹². Сегодня диалектология — основное звено этнолингвистики, в самых разных ее направлениях и проявлениях¹³. Изучение разных форм разговорной речи — одно из наиболее крупных направлений современного языкознания¹⁴.

В конечном счете диалектология более всего послужила другим наукам совершенством своих методов. Преимущественное внимание к речи индивида, к его социальным характеристикам, к конкретной ситуации записи текста, стремление к экспликации максимума текста от каждого отдельного информанта, к точной записи этих текстов с учетом не только всех фонетических и грамматических особенностей, но и пауз, повторов, интонации — все это прочно вошло в методы современной фольклористики, социологии и этнолингвистики, дискурсивной лингвистики.

Фундаментальное таксономическое описание отдельных диалектов по специальным программам послужило не только основным материалом для создания в будущем лингвистических атласов, но и, в свою очередь, позволило по-новому взглянуть на такие понятия, как национальный язык, региональный язык, литературный язык, диалект, арг, койне, языковой союз, билингвизм, языковая ситуация.

И сегодня этнография и этнолингвистика не могут развиваться в стороне от проблем диалектологии. Современный мир, и в част-

¹¹ *Ерофеева Т. И.* Современная городская речь. Пермь, 2004.

¹² Языки народов России. Красная книга / под ред. В. П. Нерознака. М., 2002; *Павленко А. Е.* Региональный язык и его статус. СПб., 2003; *Марусенко М. А.* Франкофония Северной Америки. Т. I. СПб., 2007; *Образ России извне и изнутри* / под ред. Е. Ф. Тарасова, Н. В. Уфимцевой. М., 2008.

¹³ *Черепанова О. А.* Мифологическая лексика Русского Севера. Л., 1983; *Толстой Н. И.* Язык и народная культура: очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М., 1995; *Мифологические рассказы и легенды Русского Севера* / сост. О. А. Черепанова. СПб., 1996; *Проценко Б. Н.* Заговоры, обереги, народная медицина, поверья, приметы. Духовная культура донских казаков. Ростов н/Д., 1998; *Славянские древности. В 4 т.* / под ред. Н. И. Толстого и С. М. Толстой. М., 2008; *Толстая С. М.* Полесский народный календарь. М., 2005 (издано РАН в серии «Традиционная духовная культура славян»).

¹⁴ *Земская Е. А., Китайгородская М. В., Ширяев Е. Н.* Русская разговорная речь. М., 1981; *Разновидности городской устной речи* / под ред. Д. Н. Шмелева. М., 1988. *Живая речь уральского города.* Екатеринбург, 1995.

ности мир европейский, характеризуется ярко выраженными тенденциями к полиэтничности и многоязычию. На наших глазах на разных основаниях, в разных условиях требуют своего национального места под солнцем все новые и новые языки — вчерашние наречия и диалекты: боснийский, черногорский — на территории бывшей Югославии, астурийский — в Испании, корсиканский, бретонский — во Франции.

Оборотная сторона этого процесса — трансформация отдельных языков в новые формы речи (суржик на Украине, трастянка в Белоруссии), отмирание языков, креолизация языков.

Рассмотрим, однако, предмет настоящей статьи в свете основных определений понятия «диалект».

Неоднозначный и внутренне противоречивый характер понятия «диалект» нашел яркое отражение и в последних зарубежных лингвистических энциклопедиях. Так, в одном из таких обобщающих и авторитетных трудов после пространных замечаний о сложности самого объекта приводится следующее определение диалектологии: «Диалектология — ветвь лингвистики, которая имеет дело с описанием природы и дистрибуцией вариантов языка»¹⁵. Нетрудно заметить, что здесь предметом современной диалектологии являются как традиционные крестьянские диалекты, так и социальные диалекты.

Весьма расширенное понимание диалекта и предмета диалектологии находим и в Оксфордском словаре, где указывается, что диалект — это одна из форм, вариаций языка, отличающаяся местными особенностями в словаре, произношении и фразеологии и далее, с пометой *спец.*: «в современном языке это вариант речи, отличающийся от стандартного или литературного языка»¹⁶.

В одном из последних изданий Словаря Вебстера отмечается, что диалект — это: 1. Региональный вариант языка, обычно отличающийся по произношению от стандартного языка. 2. Вариант языка, который выделяется по негеографическим факторам (например, социальная группа, класс)¹⁷.

Все сказанное выше свидетельствует о том, что применительно к понятию «диалект» следует различать, во-первых, широкое по объему общенаучное понятие «диалект» и, во-вторых, понятие более узкое.

¹⁵ International encyclopedia of linguistics, 1992. Т. I.

¹⁶ The Oxford English Dictionary, 1989.

¹⁷ Webster's New Encyclopedia Dictionary, 1994.

Первому, более широкому общенаучному понятию соответствует его определение: «разновидность, вариант языка, текста».

Второму, более узкому, соответствует определение: «Диалект — это разновидность языка, употребляемая в качестве общения лицами, связанными географически, территориально. Исторически с точки зрения социальной — это прежде всего язык крестьян».

Соответственно первому определению к диалектам относятся любые разновидности, варианты языка, текста, выделяемые по тем или иным признакам. Это:

- территориально ограниченные и профессиональные диалекты и региолекты;
- городские, так называемые социальные диалекты (профессиональные языки, жаргоны и т. д., разные виды литературной разговорной речи).

Сюда же по первому определению относятся подъязыки разных наук, литературных школ, идиолекты ученых и писателей.

Соответственно второму определению к диалектам относятся территориально ограниченные типы языковых состояний, а именно:

- традиционные диалекты,
- наречия,
- говор,
- полудиалект,
- региолект.

Таким образом, основными различительными характеризующими признаками для определения диалекта и его типа являются:

- 1) наличие совокупности дифференциальных языковых признаков;
- 2) территориальная ограниченность, ареальность;
- 3) социальная принадлежность, положение его носителей. Для надтерриториальных форм п. 2 — нерелевантен.

Таким образом, если следовать за этими определениями диалекта, то следует признать, что предметом диалектологии являются не только территориальные диалекты, но также и устная речь различных социальных групп городского населения, в том числе и устная литературная и профессиональная речь, жаргоны, тайные языки (арго), разные формы билингвизма.

Насколько правомерно такое расширение предмета диалектологии?

Например, диалектология много способствовала успехам развития этнографии, исторической географии и современной социолин-

гвистики, однако эти науки пошли своими путями и не стали предметом диалектологии. Не всякое расширение числа объектов науки ведет к кристаллизации и уточнению ее предметного содержания. В таком случае не лучше ли вовремя остановиться и признать, что диалектология — это наука, предметом которой являются территориально ограниченные региональные формы речи? Объект диалектологии — речь крестьян в их эволюции. Предмет диалектологии кончается там, где крестьянский диалект перерастает в социолект. Социолекты и, шире, городское просторечие — в принципе формы речи территориально не закрепленные.

В этом отношении и сегодня диалектология — неисчерпаемый резервуар материалов, фактов для изучения истории национальных языков, этимологии, функционирования современных языков, билингвизма, проблем этнолингвистики, географии, истории, этнографии и социологии. Диалектология — одна из немногих гуманитарных наук, обладающая уникальным едва ли исчислимым фондом монографических описаний отдельных диалектов, говоров, их словарей и атласов.

Современная диалектология — одна из важнейших вспомогательных источниковедческих дисциплин, и в этом ее непреходящая актуальность.

A. Gerd. Modern dialectology in the range of other disciplines

This article discusses the place of dialects in the range of other disciplines (anthropology, archeology, geography, sociology). The object of dialectology is defined.

Keywords: dialect, regiolekt, adverb, the national language, a method, dialectology, history of language, historical dialectology, ethnography, archeology, historical geography, ethnoinguistics.

СООТНОШЕНИЕ ТИПОВ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ЗНАЧЕНИЙ И СПОСОБОВ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ В СЕВЕРНОРУССКОЙ ЛЕКСИКЕ ТВЕРСКОЙ ОБЛАСТИ

В статье рассматриваются типы словообразовательных значений в соотношении со способами словообразования. Объектом исследования стали производные модификационного типа в окружающих тверских говорах.

Ключевые слова: севернорусская лексика, деривация, типы словообразовательных значений (мутационный, модификационный, транспозиционный).

Тверские говоры — явление уникальное с точки зрения диалектного членения, так как включают в свой состав говоры севернорусского наречия (Бежецкий, Краснохолмский, Сандовский, Весьегонский, Сонковский, Молоковский районы), говоры южнорусского наречия (Западно-Двинский, Нелидовский, Оленинский, Бельский районы), основную часть составляют среднерусские говоры, которые подразделяются на акающие западные (Торопецкий, Андреапольский, Торжокский, Вышневолоцкий, Удомельский, Максатихинский, Бологовский, Осташковский, Кувшиновский, Спировский, Старицкий, Зубцовский, Ржевский районы и западная часть Калининского района) и акающие восточные (Рамешковский, Кимрский, Кашинский, Калязинский районы и восточная часть Калининского района). На карте 1915¹ года все акающие говоры на территории Тверской области отнесены к севернорусскому наречию по ряду признаков: оканье; [г] смычно-

¹ Дурново Н. Н., Соколов Н. Н., Ушаков Д. Н. Опыт диалектологической карты русского языка в Европе. М., 1915.

взрывного образования; различие гласных неверхнего подъема после мягких согласных и др.

Объектом исследования в данной статье являются производные модификационного типа в окаящих тверских говорах. При модификационном словообразовании основу лексического значения производного слова составляет входящее в него полностью лексическое значение производящего слова, осложненное некоторым семантическим «довеском», который чаще всего можно выразить одним словом, например, *дэвница* — ‘увеличительное от девы’, т. е. «большая дева»: *Така девница. Настоящая девница* (Весьегонский р-н, ОСГКО², 54); *деввь* — ‘собирательное от девушки’: *А раньше-то народу со всех сторон, девья с разных деревень найдут* (Молоковский р-н). *Девья собралось* (Калининский, ОСГКО, 55); *отбуздать* — ‘отколотить кого-нибудь’: *Здорово ёво отбуздал, долго будет помнить* (Калининский, ОСГКО, 166); *улить* — ‘много налить, залить’: *Взяла краватёнку бензином фсю улила. Школьники все грядки улили* (Калязинский, Сонковский районы, ОСГКО, 268).

Два морфологических способа словообразования — префиксация и постфиксация — относятся полностью к сфере модификационного словообразования. Отличие этих двух способов словообразования от суффиксации заключается в том, что любой вид префиксации и постфиксации представляет собой присоединение префикса и постфикса к целому слову (лексеме), выступающему в качестве базовой части производного слова.

При суффиксации формант, состоящий из суффикса и окончания, присоединяется к основе (полной или усеченной) слова.

Это различие между префиксацией, постфиксацией, с одной стороны, и суффиксацией — с другой, находит выражение в характере словообразовательного значения: при суффиксальном способе словообразования, которое обычно сопровождается переоформлением слова, могут быть представлены все типы словообразовательного значения: мутационный, транспозиционный, модификационный; при префиксации и постфиксации — только один тип — модификационный.

Суффиксация модификационного типа, в свою очередь, отличается от суффиксации мутационного и транспозиционного типов, так как словообразовательное значение двух последних предопределя-

² Кириллова Т. В., Бондарчук Н. С., Куликова В. П., Белова А. А. Опыт словаря говоров Калининской области. Калинин, 1972.

ется либо системой валентностей производящего глагола (реально-го или гипотетического), либо условиями транспозиции.

Примерами реализации семантико-синтаксических валентностей глагола являются производные: *ворошáлка* — ‘деревянные двухрожковые вилы’: *Ворошáлкуй уддают снопы при молотьбе* (Кимрский р-н). *Ворошáлкуй оцо ворошут сено* (Калининский р-н, ОСГКО, 40). Словообразовательное значение ‘орудие, средство действия’ реализует «орудийную» валентность реального производящего глагола *ворошить* ‘то, чем ворошат’; *ка́шник* — ‘горшок, в котором варят кашу’: *Кашник — маленький горшочек с ручкуй, ребенку кашу варить* (Весьегонский р-н, ОСГКО, 87). Словообразовательное значение ‘места действия’ реализует пространственную валентность гипотетического глагола *варят*.

Транспозиционный тип подразделяется на два вида. Первый — это транспозиция действия: *осмóтрины* — ‘осмотр чего-либо перед приобретением’: *Долго-то осмотрины делают, потом покупают* (Кашинский р-н, ОСГКО, 164) — со словообразовательным значением ‘отвлеченное действие по глаголу *осмотреть*’. Второй вид — это транспозиция признака: *та́лина* — ‘оттепель’: *Эн кака талина сёвонни, нады калошы надёвать, а то промочишь сыпоги* (Калининский р-н, ОСГКО, 260) — со словообразовательным значением ‘отвлеченный признак по прилагательному *талый*’.

При мутационном и транспозиционном типах словообразовательных значений возможно использование нулевых и уникальных суффиксов: *пáчесы* — ‘отрепанный лен, который чешут щеткой’: *Я пряла пáчесы* (Бежецкий р-н, ОСГКО, 174); *óморозь* — ‘заморозки’: *Оморози-то утром хорошо, воду подождет* (Кимрский, Ржевский районы, ОСГКО, 159); *синю́га* — 1. ‘василек’ (Кимрский р-н), 2. ‘синий картофель’ (Торопецкий р-н), 3. ‘человек со слабым здоровьем’ (Торопецкий р-н, ОСГКО, 236).

По степени обобщения словообразовательная семантика соотносится с тремя типами языкового значения: частеречным, лексико-грамматическим и лексико-тематическим³. Предельным является обобщение на уровне частеречных значений, когда происходит определение предмета по действию, признаку или другому предмету, действия — по признаку, предмету или другому действию. В значениях данного вида находят проявление лишь самые общие осно-

³ Янценецкая М. Н. Семантические вопросы современного словообразования: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Днепропетровск, 1983. С. 36.

вы номинации, показывающие возможные направления связей между явлениями действительности. Частеречный уровень абстракции характерен для синтаксической деривации, которая связана с преобразованием сигнификативных компонентов мотивирующей семантики, позволяющим представить одну и ту же денотативную основу в разных частеречных рамках. Значения опредмеченного процесса, опредмеченного признака и т. п. по существу являются более грамматическими, чем словообразовательными, и потому могут быть названы грамматико-словообразовательными⁴.

Словообразовательное значение модификационного типа представляет собой сумму лексического значения производящего слова и значения форманта-модификанта (суффикса, префикса, постфикса). Значение форманта-модификанта не может быть предопределено семантическими особенностями производящего слова. Оно должно быть обязательно материально выражено. Суффиксы-модификанты обладают не только общекатегориальным значением, но и конкретным словообразовательным значением, обязательно повторяющимся в ряде слов с этим суффиксом⁵. Поэтому при суффиксации модификационного типа не могут быть использованы ни нулевые, ни уникальные суффиксы.

Словообразовательные значения модификационного типа представлены в тверских говорах широко разветвленной подсистемой так называемых слов с суффиксами субъективной оценки, образующих многочисленные модификации производных мутационного и транспозиционного типов. Например: *брод* 'временная межа покосного пая в лугах'. «Межа покосного пая, обозначенная следом по траве (утром по росе) или срезанной травой» → *брóдец* 'маленький брод': *Бродец бродить* — *межу прокладывать* (Жимрский р-н, ОСГКО, 35); *вязка* 'горсть соломы, которой перевязывают сноп, соломенный жгут' → *вязочка* 'маленькая вязка': *Соломы не хватило, маленькую вязочку сделали* (Молоковский, Вышневолоцкий районы, ОСГКО, 42); *ка́шник* → *ка́шничек* 'маленький кашник': *Кашничек — это для маленьких, а для нас в кашнике варят* (Весьегонский р-н, ОСГКО, 87); *ко́мель* 'нижняя часть снопа' → *комелёк* 'уменьшит. к комель': *Сноп упал, комелёк маленьким был*;

⁴ Там же. С. 37.

⁵ Пастушенков Г. А. Два плана членения языка и проблемы структуры русского слова. Тверь, 1995. С. 127.

ку́кла ‘вязанка льноволокна в 20 фунтов’: *Кукла льняная* → *кук-люшка* ‘маленькая кукла’: *Вязанка маленькая, не кукла, а кук-люшка* (Молоковский р-н, ОСГКО, 113); *кут* ‘передняя часть избы’: *Проходи на кут* → *куто́к* ‘уменьшительное к кут’: *Изда у нас ма-ленька, про куток и говорить нечего* (Весьегонский р-н, ОСГКО, 115); *наби́руха* ‘корзина, в которую высыпают ягоды (из набирки), набирают грибы’: *Наконец-то я набрал целую набируху малины* → *наби́рка* ‘маленькая корзина’: *Я быстро набрала набирку черники* (Бежецкий р-н, ОСГКО, 132). *С набиркуй лофчия. Большую корзину поставишь, а с набиркуй ходишь, наберешь, высыпишь, пока цела не будет* (Сандовский р-н, ОСГКО, 132).

Особенностью структуры слов с суффиксами субъективной оцен-ки является то, что суффикс включается внутрь производящего слова между его основой и флексией и выполняет модифицирую-щую функцию, изменяя в том или ином отношении предметно-понятийную основу лексического значения слова или его экспрес-сивно-стилистическую окраску⁶. Это находит свое выражение в том, что при образовании производных модификационного типа сохраняется без изменения родовая принадлежность имени суще-ствительного.

Такой характер словообразовательной структуры свойствен и формам оценки имен прилагательных. Но окончания прилагатель-ных не связаны с какими-либо частными грамматическими разря-дами внутри этой части речи, поэтому принадлежность флексии прилагательных не к форманту, а к словообразовательной базе не является ярко выраженной: *жирный* → *жире́нный*, *жирю́щий* ‘очень жирный (о человеке)’: *Мужа-то раскормила, вон жирю́щий какой* (Сандовский р-н); *чуточный* ‘малый, капельный’ → *чутинный* ‘очень маленький’: *Огородик у неё чутинный совсем, где ж там картошку сажать* (Сонковский р-н); *хвилкий* ‘больной, слабосиль-ный’ → *хвилистый* ‘очень больной, очень слабый’: *Девчонка после болезни совсем хвилистая, еле на ногах стоит* (Краснохолмский р-н); *удóбитый* ‘пригодный, способный, удобный’ → *удóбистый* ‘очень удобный, пригодный’: *Удобистое место выбрал для строи-тельства дома — река и лес рядом* (Молоковский р-н); *упорный* → *упо́ркий* ‘очень последовательный в достижении цели’: *Он упоркий такой, если возьме́тся за что, обя́зательно доведёт до конца* (Бе-жецкий р-н).

⁶ Там же. С. 128.

Нередко модификационное словообразовательное значение возникает как сопутствующее мутационному при образовании прилагательных от других частей речи, например от глаголов: шататься → *шатущий* ‘любящий шататься’: *Парень у ей непутевый, шатущий, всё без дела шатается* (Сонковский р-н); затевать → *затевущий* ‘изобретательный на выдумки, затейливый’: *Как свадьба — здесь люди затевущие нужны, без них никуда* (Краснохолмский р-н); завалывать → *завалющий* ‘очень плохой, худой, дрянной’: *Одежонка на нем бедненька, завалюща, вся порвана* (Бежецкий р-н); хватать → *хвátчивый* ‘имеющий страсть до чужого’: *Парнишка вырос нехороший, хватчивый, так и норовит что-нибудь утащить* (Весьегонский р-н)⁷.

При образовании наречий с суффиксами субъективной оценки своеобразие этих суффиксов выступает наиболее ярко. Оценочные суффиксы-модификанты вставляются внутрь производящего слова между основой и грамматическим суффиксом: *развязкой* ‘с непокрытой головой’ → *развязочкой*: *Куды понеслась развязочкой, надует в уши-то* (Кимрский, Калининский районы, ОСГКО, 217). *Бегают развязочкой девьё* (Молоковский р-н); *раздétкой* ‘без одежды’ → *роздеточкой*: *Сёводни тёпло, пусть роздеточкуй побегает* (Калининский р-н, ОСГКО, 217); *Пришла бедненька, вся роздеточкуй* (Бежецкий р-н); *разуткой* ‘без обуви’ → *разуточкой*: *Бывало как чуть растает, все ребятишки розуточкой бежут* (Краснохолмский р-н, ОСГКО, 218). *Посмотри, разуточкой пошла* (Молоковский р-н); *сбочка* ‘сбоку’ → *сбочóчка*: *Торба у ково за плечам, у ково збочочка висит* (Молоковский р-н, ОСГКО, 218). *Так и притулилась сбочочка* (Сандовский р-н); *скусно* ‘вкусно’ → *скусненько*: *Как скусненько все приготовлено* (Сандовский р-н). *Ну и пироги, скусненько, пальчики облизешь* (Сонковский р-н, ОСГКО, 240). *Всё скусненько, справненько* (Молоковский р-н). Иногда суффикс-модификант присоединяется к финали производящего наречия: *начистóк* ‘начисто, полностью, без остатка, совершенно’ → *начистóчек*: *Начисточек сгорели в двадцатом году* (Калининский р-н, ОСГКО, 139).

К модификационному словообразованию относится также образование женских соответствий к названиям лиц мужского пола.

Данный вид словообразования подразделяется на несколько подтипов. Первый находится как бы за пределами словообразо-

⁷ Примеры из картотеки полевых записей, хранящихся на кафедре русского языка филологического факультета Тверского государственного университета.

вания — это образование наименований лиц женского пола от существительных, обозначающих лиц мужского пола, прибавлением окончания, например: *едух* ‘сварливый человек’ → *едуха* ‘сварливая женщина’: *Мужа своего заела, ну и едуха она* (Краснохолмский р-н); *жа́день* ‘скупой человек’ → *жа́дня* ‘скупая женщина’. *У жадни зимой снега не выпросишь, не то что муки* (Молоковский р-н); *завáрих* ‘сварливый человек’ ↔ *завáриха* ‘сварливая женщина’: *Её в деревне не любят, завариху-то, никто не связываца с ней, заговорит кого хочешь* (Сандовский р-н); *зави́рал* ‘человек, который лжет’ ↔ *зави́рала* ‘женщина, говорящая неправду’: *Ох и завирала она, стыда у неё нет, врёт что захочет* (Бежецкий р-н); *зарéз* ‘пьяница (о мужчине)’ ↔ *зарéза* ‘пьяница (о женщине)’: *Мать у него совсем спилась, зареза такая* (Сонковский р-н); *елóх* ‘пройдоха’ ↔ *елóха* ‘пройдоха, чаще о женщине’: *Молодая, а такая уже елоха, непутёвая, и обманывает, и врёт* (Сандовский р-н).

В представленных парах направление производности часто определяется точно, поскольку вполне допустимо образование наименований лиц мужского пола от существительных, обозначающих в говорах лиц женского пола, которые часто соотносятся со словами общего рода.

Этот тип находится как бы за пределами словообразования. В этих примерах мы имеем дело с оформлением непроизводного слова как существительное женского или мужского рода для обозначения соответствующих лиц мужского и женского пола. Словообразовательная структура в данном случае представляет собой сочетание «базовой части производного слова» (основы), связанной с выражением «вещественной» части лексического значения, и «форманта» (флексии), который оформляет слово как имя существительное, дополняя его вещественное значение категориально-грамматическим значением предметности, и одновременно модифицирует вещественное значение слова, придавая ему дополнительный оттенок значения: «лицо мужского пола» или «лицо женского пола»⁸. По существу, здесь можно говорить о явлении равнопроизводности, и только «рекомендации» системы («производство имен лиц женского пола от однокоренных имен лиц мужского пола») определяют направление производности⁹.

⁸ Пастушенков Г. А. Указ. соч. С. 130.

⁹ Земская Е. А. Современный русский язык. Словообразование. М., 1973. С. 254.

Второй подтип представлен суффиксальными производными модификационного типа, обозначающими лиц женского пола, образованными от существительных мужского рода, которые являются названиями лиц мужского пола. При этом производные слова могут находиться в отношениях привативной или эквиполентной оппозиции.

Привативный характер оппозиции представлен в примерах, отражающих включенность наименований лиц женского пола в значение производного имени, обозначающего лицо мужского пола, например: *зыбáло* ‘человек высокого роста, чаще мужчина’ → *зыбалиха* ‘женщина высокого роста’: *Девка у них вымахала, зыбалиха уже в четырнадцать была* (Молоковский р-н); *ёрзалка* ‘тот, кто постоянно ёрзает, непоседливый человек’ → *ёрзалиха* ‘женщина, которая постоянно ёрзает, непоседливая’: *Ёрзалихой обычно суетливую бабу называют* (Сандовский р-н); *живёц* ‘живой, подвижный человек’ → *живчѣха* ‘подвижная, ловкая женщина’: *У неё все получается, всё в руках горит, таку называют живчиха* (Сонковский р-н); *залóм* ‘несговорчивый, упрямый человек’ → *залóмщица* ‘несговорчивая, упрямая женщина’: *С ней никто не связывацца, она никого не слушат, одним словом, заломщица* (Молоковский р-н); *заспа* ‘тот, кто много спит, ходит с заспанным видом’ → *засыпа* ‘женщина, которая много спит’: *Засыпа она и есть засыпа, любит поспать* (Весъегонский р-н).

Эквиполентный характер оппозиции отражают примеры производных, в которых в основе модификации «мужской пол — женский пол» лежат имена существительные, образованные от основ существительных и глаголов и имеющие поэтому, наряду с модификационным, и мутационный компонент в составе словообразовательного значения: *зýбель* ‘холод, стужа’ → *зýблик* ‘мужчина, чувствительный к холоду’ → *зýблица* ‘женщина, чувствительная к холоду’; *зы́кать* ‘кричать, горланить’ → *зы́кала* ‘кричащий, грозный мужчина’ → *зы́калка* ‘легкомысленная, не в меру бойкая женщина’.

Таким образом, модификационный тип словообразовательного значения играет важную роль в системе диалектного словообразования, давая разветвленную сеть производных в севернорусских говорах Тверской области, характеризующих важную сферу жизни человека — эмоциональную, оценочную, давая представление о нравственных ориентирах диалектоносителей.

L. Novikova. The Parity of types of word-formation values and ways of word-formation in northrussian to lexicon of the Tver region

In article are considered types of word-formation values in the ratio with ways of word-formation. Derivatives of modification type in окающих the Tver dialects became object of research.

Keywords: northrussian lexicon, a derivation, types of word-formation values: mutational, modification, transitem.

ФУНКЦИОНАЛЬНО-ТИПОЛОГИЧЕСКАЯ ДИНАМИКА СОБИРАТЕЛЬНЫХ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В СОВРЕМЕННЫХ ВОЛОГОДСКИХ ГОВОРАХ

В статье на материале вологодских собирательных существительных рассмотрены структурно-семантические свойства диалектного слова как проявление динамических свойств диалектной системы. Данный подход позволяет выявить специфику диалектного слова в функционально-типологическом отношении.

Ключевые слова: русская диалектология, структурно-семантические свойства слова, собирательные существительные.

Система русских народных говоров, совокупность функциональных разновидностей национального языка обладает специфическими чертами и особым образом реализует динамические свойства языковых систем, развивающихся в пространственном и временном отношениях с точки зрения функциональной обусловленности употребления языковых знаков¹. В нашей работе вопросы динамики системной организации русских говоров исследуются с точки зрения лексико-грамматических свойств слова. Предмет наблюдения — структура, семантика и специфика функционирования собирательных имен существительных в современных вологодских говорах.

Данная группа слов обладает специфической семантикой ‘обозначение нерасчлененного множества’ (ЛЭС, 473), имеет характер-

¹ Аванесов Р. И. О двух аспектах предмета диалектологии // Общеславянский лингвистический атлас (материалы и исследования). М., 1965. С. 26–42; Калынин Л. Э. Значение трудов Р. И. Аванесова для теории диалектологии // Аванесовские чтения: Международная научная конференция 14–15 февраля 2002 г.: тезисы докладов. М., 2002. С. 128–129.

ные черты морфемной и словообразовательной структуры, особенности употребления в диалектной речи². Лексико-грамматические особенности имен существительных могут быть интерпретированы как проявления динамических свойств диалектной системы в функционально-типологическом отношении.

Семантика собирательных имен обусловлена коммуникативной необходимостью экспликации особого количественного значения, а именно значения нерасчлененной множественности, совокупного именованя группы однородных предметов, определяемых как нечто важное, ценное, значимое для языкового коллектива³.

Специфика региональной системы собирательных имен существительных проявляется, во-первых, в том, что именно с точки зрения говорящих представляется важным, ценным, значимым. Семантика собирательных имен существительных отражает такое их свойство, как большое количество (для говорящего не актуально количество объектов, составляющих совокупное множество, а важно, что объектов, входящих в совокупность, много). По нашим наблюдениям над материалами «Словаря вологодских говоров», это, во-первых, обозначение множеств людей с точки зрения степеней родства или свойства его приобретения (*деверьё, сыновьё, братьвьё, посторонница, родина*), во-вторых, обозначение множеств животных, рыб, птиц, преимущественно домашних или актуализированных в диалектной языковой картине мира сельского жителя (*гусьё, коровьё, грачьё, пескарьё, налимьё, тетеревьё*), в-третьих, обозначение совокупности деревьев одной породы (*березняк, сосняк, мяндак, дубьё, ивняк* и др.), в-четвертых, совокупность предметов, необходимых в хозяйстве (*звондьё, коробьё, прутьё, жердяник, батожьё, кольё, колодьё, долготьё, клубьё* и пр.). Собирательные существительные в современных вологодских говорах входят в самые разнообразные лексико-семантические группы: помимо уже перечисленных, это совокупности растений и их частей (*колосьё, бруньё, дидельё*), совокупности насекомых (*клоповьё, комарьё, гад, гнус*), множества предметов

² Романовская Г. А. Суффиксальное словообразование имен существительных в говорах Тотемского района Вологодской области: автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 1972; Ипполитова Н. В. Собирательные существительные в говорах Мордовии // Лексика, словообразование и фонетика среднерусских говоров Поволжья. Саранск, 1992. С. 50–51.

³ Высоцкая И. А. Русское собирательное имя в лингвопрагматическом аспекте: автореф. канд. дис. Ростов н/Д., 2002. С. 7.

одежды различного качества (*труньё, дрянью, ремонью, тряпью, трюнина*) и пр. В результате развития категории собирательности в истории языка известны случаи терминологизации собирательных имен существительных, закрепление их в качестве ремесленных терминов⁴. Можно сказать, что вологодские говоры в полной мере отражают этот процесс: достаточно обратить внимание на различные признаки наименований совокупности деревьев, растущих вместе. Это и порода деревьев (*пихтяк, сосняк, дубью*), и характеристика места произрастания, существенно влияющая на его потребительские качества (*болотняк* ‘лес, растущий на болоте’ — как правило, слабый, гнилой, непрочный; *боровина, бортина* ‘лес, растущий на возвышенном месте’ — наоборот, отличающийся высоким качеством), это и качественные признаки деревьев, определяющие возможность или невозможность употребления леса для строительных работ (*пресняк, преснина, мяндак* ‘молодые деревья с неокрепшей, неплотной непрочной древесиной’ — ср.: *ровняк* ‘стройные, прямые деревья одинаковой высоты’, *конда* ‘сосновый строительный лес высокого качества’), это и производственное назначение леса (*оглобельник* ‘молодой лес, пригодный для изготовления оглобель’, *палочник* ‘молодой лес, который обычно рубят на жерди, палки’).

Семантическая специфика собирательных имен существительных реализуется на различных уровнях их структурной организации. «Типичные» собирательные имена с морфемными показателями собирательного значения имеют преимущественно суффиксально-корневую основу (*робят/ј/е, дет/в/а, иль/няк*) с преобладанием предметных корней (*батож/[ј/о], болот/няк, глѣб/[овј/о], губ/ин/а, пер/[ј/о], осин/ник*), но в структуре основ таких слов есть процессуальные (*дран/[ј/о], рван/[ј/о]*), и признаковые корни (*мелк/от/а, стар/[ј/о], суш/ин/а*).

Региональная специфика здесь проявляется с нескольких сторон. Во-первых, она обнаруживается с точки зрения инвентаря морфем, образующих данную основу. В структуре диалектных собирательных имен отчетливо обнаруживаются диалектные корни (*мянд/ак* ‘лес, растущий на болоте’ (СВГ, 5, 17) — *мянд/а* ‘сосна’ (Волог., Олон., Арх., Белом., Коми, Костр. (СРНГ, 19, 85); *бун/[ј/о]* ‘старая

⁴ Дягтерев В. И. Диахроническая грамматика русского языка. Древнерусские имена собирательные в сравнительно-историческом изложении. Ростов н/Д., 2007. С. 203.

поношенная одежда' (СВГ, 1, 49) — ср. *бунн* 'грязное белье, грязная одежда' (Вож.) (СВГ, 1, 49), *бунн* 'одежда' (Волог.) (СРНГ, 3, 276); *лок*/[асj/о] 'рослая здоровая, но ленивая молодежь' — ср. *локас* (К-Г, Межд., Гряз.) (СВГ, 4, 44); *лок*/ас 'большой высокий человек' (Костр., Пермск.), 'лентяй, бездельник' (Костр., Вят.) (СРНГ, 17, 113); *локаса* 'обманщик' (Сев.-Двин.); ср. *лык*/ас 'лентяй, бездельник' (Пск., Твер., Новг.) (СРНГ, 17, 220). Также это локально маркированные аффиксы, к примеру, суффикс *-няг-*, являющийся собой диалектный вариант общерусского суффикса *-няк-* (*олиш*/*няг*, *ив*/*няг*). В исследованиях Ю. С. Азарх отмечается, что этот суффикс имеет новгородское и псковское происхождение⁵. В Вологодской области зафиксированы лишь отдельные ареалы с этим суффиксом (Гряз., Волог., Вож., Верх., В-У., У-К., Тарн., Межд., Сок., Кир. районы.).

Во-вторых, региональная специфика может проявляться в области фонематической репрезентации общерусских корней и аффиксов, а также их дистрибуции в составе основы диалектного слова (*олеш*/*няк*, *олиш*/*няк*, *олош*/*няк*, *ольш*/*няк*, *лонш*/ак; *дид*/елj/е, *дуд*/ел/j/е; *муег*/а / *мул*/ег/а, *клоп*[/j/о], *клоп*/[овj/о], *мянд*/ак, *мянд*/ач).

В-третьих, региональная специфика характеризует семантическое взаимодействие компонентов морфемной структуры слова. Это, например, семантическое согласование различных морфем, так или иначе маркирующих в структуре словоформ значение множественности (*люд*[/j/о], *брат*/[овj/о]), или, наоборот, семантическая противоположность морфем основы, маркирующих количественную семантику (*вал*/еж/ин/а, *трун*/ин/а, *дров*/ин/а), либо освоение в морфемной структуре словоформ семантически разнородных морфем (например, признакового корня с аффиксами различных значений: *рван*/ин/а, *трун*[/j/о] и др.).

В структуре диалектных собирательных существительных отразились исторические изменения, свойственные категории собирательности в целом. Это возможность образования собирательного имени от любого конкретного существительного (*баба всё стерпит*), это также расширение словопроизводственной базы собирательных существительных за счет включения процессуальных и признако-

⁵ Азарх Ю. С. Словообразование и формообразование существительных в истории русского языка. М., 1984; *Он же*. Русское именное диалектное словообразование в лингвогеографическом аспекте. М., 2000. С. 133.

вых корней (*гол/[j/o]*, *молод/няк*, *с/дел[jo]*, *об/дер/ник*, *о/мел[j/э]*), это тенденция к семантической редупликации в структуре собирательного имени, реализующая стремление говорящего к морфемной характеристике в слове собирательного значения: *дор* ‘отходы от зерна’ — *дор/[j/o]* ‘собр. отходы от зерна’ (СВГ, 2, 49), *живот* — *живот/[j/o]* ‘собр. имуществ’ (СВГ, 2, 85), наконец, это синкретичность суффиксов «вторичных» собирательных. Последнее из названных свойств может быть обнаружено в севернорусских говорах при анализе собирательных существительных, к примеру, с суффиксом *-ин-* (*валеж/ин/а*, *дров/ин/а*, *лотон/ин/а*, *губ/ин/а*, *сухопосто/ин/а*, *льн/ин/а* и т. д.). Этот полисемантический формант, восходящий к праславянскому **-in* со значениями ‘выделенности из множества, единичности, пейоративности, уменьшительности’ был отмечен В. И. Дягтеревым в древнерусских собирательных именах⁶. В вологодских говорах можно обнаружить примеры с суффиксом *-ин-*, где в пределах одного слова совмещаются значения единичности и собирательной множественности: *дровина* ‘1. полено. 2. *собр.* дрова’ (СВГ, 1, 56).

В вологодских говорах значение собирательности может быть выражено не только так называемыми «типичными» собирательными, но и употреблением форм единственного числа в специфических контекстах (*мужик злой пошёл*). Такое контекстное употребление поддерживает возможность образования форм множественного числа как у конкретных существительных в собирательном значении, так и у «типичных» собирательных: *одно бабьё в колхозе робят*, *карасьё вон как шастают*, *локасьё нажрутся до отвала*, *робятьё вырастут* — *разъедутся*.

С точки зрения синтаксических особенностей собирательных существительных на материале вологодских говоров можно наблюдать некоторые явления, свойственные древнерусскому языку, а именно противопоставление лично-собирательных и предметно-собирательных имен, выраженное употреблением сказуемого при лично-собирательных именах во множественном числе (*девья всё ткут*, *зятьё приехали*) и, соответственно, единственного числа при предметно-собирательных именах.

Таким образом, на примере структурно-семантических свойств собирательных имен существительных могут быть обнаружены динамические свойства вологодских говоров северного наречия.

⁶ Дягтерёв В. И. Указ. соч. С. 122–124.

Это группа говоров реализует генезис системы древненовгородского диалекта в сочетании с многочисленными локальными новообразованиями, в том числе обусловленными междиалектными языковыми контактами.

Сокращения

СВГ — Словарь вологодских говоров. Вып. 1–12. Вологда, 1983–2007.

СРНГ — Словарь русских народных говоров. Т. 1–36. М.; СПб., 1965–2002.

ЛЭС — Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В. Н. Ярцевой. М., 1990.

A. Krylova. Functional and typological dynamics of collective nouns on modern vologda dialects

The article deals with the problem of structural and semantic characteristics of dialect word as explication of dynamic features of dialect system. This approach allows to reveal the peculiarities of dialect word in functional and typological aspects.

Keywords: Russian dialectology, structural and semantic characteristics of a word, collective nouns.

ДВУСОСТАВНЫЕ ОТРИЦАТЕЛЬНЫЕ БЫТИЙНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ В ОДНОМ СОВРЕМЕННОМ СЕВЕРНОРУССКОМ ГОВОРЕ

В статье рассматриваются двусоставные отрицательные бытийные конструкции, которые составляют своеобразие диалекта д. Кузаранда, принадлежащего говорам Заонежья. Сопоставив единицы разного уровня (*надо коса; косить трава*), автор приходит к выводу, что функционирование оборотов типа *коса не было/нет* тесно связано с другими диалектными различиями этого говора, как в отношении субъекта (преобладание форм на *-а*), так и предиката (неизменяемые и некоординирующие формы).

Устанавливается количественное соотношение по частоте употребления двусоставных и односоставных отрицательных конструкций в идиолектах избранной частной диалектной системы. Семантическая близость двусоставных и односоставных отрицательных предложений позволяет автору статьи рассматривать эти диалектные различия как грамматические варианты предложений типа *косы не было/нет*.

Ключевые слова: двусоставные отрицательные бытийные конструкции; семантика конструкции; субъект; предикат, частная диалектная система.

Несомненный интерес представляет функционирование диалектных синтаксических конструкций разного уровня — предложения и словосочетания — в отдельно взятом говоре. Установление связей и отношений разных синтаксических диалектных различий внутри частной диалектной системы должно способствовать более точному определению их семантики.

Двусоставные отрицательные предложения не относятся к числу активно употребляющихся в современных диалектах, с чем

связана и ограниченность лингвогеографических сведений о них. Вместе с тем, будучи синтаксическим архаизмом, сохраняющимся в части русских говоров, двусоставные отрицательные конструкции давно привлекают внимание исследователей¹.

А. Б. Шапиро к середине прошлого века определил подлежащно-сказуемые отрицательные предложения как севернорусские². Однако исследования В. И. Собиной в области южнорусских говоров внесли некоторые коррективы в вопрос о территории распространения оборотов типа *казаки у нас не были*³.

В отдельных севернорусских говорах отмечаются двусоставные отрицательные предложения с предикативом *нет*. Достаточно частотными конструкции типа *мешок-от нет* являются в говорах на территории Республики Коми⁴, Удмуртии⁵, в колымских русских говорах⁶. Поскольку говоры на этих территориях находятся в постоянном контакте с говорами финно-угорских языков, то было высказано предположение о возможном их калькировании из иноязычных говоров⁷.

Однако нам представляется более убедительной точка зрения И. Б. Кузьминой, предположившей, что обороты *мешок-от нет* появились «внутри одной парадигмы» по аналогии с двусоставными бытийными глагольными предложениями прошедшего и будущего времени⁸.

¹ Богораз В. Г. Областной словарь колымского русского наречия // Сб. ОРЯС. Т. 68, кн. 4. СПб., 1901. С. 14; Селищев А. М. Диалектологический очерк Сибири. Иркутск, 1921. С. 129; Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. Л., 1941. С. 132.

² Шапиро А. Б. Очерки по синтаксису русских народных говоров: строение предложения. М., 1953. С. 197.

³ Собиной В. И. Простое предложение в русских народных говорах: по материалам Воронежской области. Воронеж, 1961. С. 101.

⁴ Михеева М. С. Русский старожильческий говор с. Сергеево Железнодорожно-го р-на Коми АССР: дис. ... канд. филол. наук. М., 1960. С. 233–234; Сергеев Э. С. Синтаксические особенности русского говора п. Ньючим. Сыктывкар, 1963. С. 8.

⁵ Барашков В. Ф. Русский говор северной части Краснояйского района Удмуртской АССР: дис. ... канд. филол. наук. М., 1957. С. 227–223.

⁶ Шатунова Л. В. Синтаксис простого предложения говора с. Марково на Анадыре // Строение и функционирование синтаксических единиц. Иркутск, 1983. С. 126.

⁷ Барашков В. Ф. Об одной разновидности отрицательных предложений в севернорусских говорах // Учен. зап. Глазов. гос. пед. ин-та. Вып. 4. Ижевск, 1957. С. 253.

⁸ Кузьмина И. Б. Синтаксис русских говоров в лингвогеографическом аспекте. М., 1993. С. 123.

Если материалы «Диалектологического атласа русского языка»⁹ вовсе не предусматривали соответствующего явления, то «Общеславянский лингвистический атлас» содержит вопросы об отрицательных бытийных предложениях в настоящем и прошедшем времени (3117, 3119). Материалы ОЛА позволили И. Б. Кузьминой уточнить вопрос о распространении этих конструкций в современных русских говорах: «Примеры, имеющиеся в лингвогеографических материалах (хотя они и единичны), относятся к территории разных южнорусских говоров; один пример зафиксирован в южной части территории восточных среднерусских говоров (Пензенская область). Факт же почти полного отсутствия примеров типа *самовары не были* в материалах ОЛА, относящихся к севернорусским говорам, противоречит представлению о рассматриваемом явлении как общей черте севернорусских говоров. Против такой квалификации явления говорят и личные наблюдения автора — в частности, отсутствие соответствующих примеров в его достаточно обширных записях по ряду населенных пунктов из Ленинградской области. Но для какой-то части севернорусских говоров положение А. Б. Шапиро о высокой частотности двусоставных отрицательных конструкций с бытийными глаголами нельзя не признать справедливыми (см. материалы по деревням Малетино и Типиницы¹⁰)»¹¹.

Подводя итог изучения диалектных двусоставных отрицательных конструкций, И. Б. Кузьмина в своей монографии «Синтаксис русских говоров в лингвогеографическом аспекте» указала на очевидную необходимость в пополнении материала по двусоставным бытийным отрицательным предложениям¹².

Наблюдения над синтаксической системой говора д. Кузаранда Медвежьегорского района Республики Карелия¹³ позволили обратиться к двусоставным отрицательным конструкциям типа *коса не была/нету*, которые здесь являются живой чертой диалектного

⁹ Диалектологический атлас русского языка (Центр Европейской части СССР). Вып. 1: Фонетика. М., 1986; Вып. 2: Морфология. М., 1989. Вып. 3: Лексика. М., 1989.

¹⁰ Названные деревни относятся: первая — к Пинежскому району Архангельской области, вторая — к Медвежьегорскому району Республики Карелия.

¹¹ Кузьмина И. Б. Указ. соч. С. 122.

¹² Там же. С. 123.

¹³ В настоящей статье использованы материалы двух диалектологических экспедиций студентов филологического факультета Петрозаводского государственного университета 2008 г.

синтаксиса, безусловно уступая в количественном отношении односоставным отрицательным предложениям.

В двусоставных бытийных отрицательных глагольных предложениях прошедшего времени главные члены могут координировать и не координировать между собой: *мы во время войны дома не были, нас выгнали; при мне ведь она не была, умерла она уже давно;*

а теперь какие не стало, померли все, нету уж никаких; у нас деревянная кадушка не было; в Медгору привезли да там, там уж все жители не было, все эвакуировали нас.

В связи с приведенными примерами необходимо отметить, что отсутствие координации — характерная особенность синтаксиса данной частной диалектной системы, ср.: *а раньше бывало тут праздники; учеба было; школа было.*

В говоре зафиксированы двусоставные отрицательные предложения настоящего времени, как и в других диалектных материалах, только с предикативом *нету* (не с глаголом *бывать*)¹⁴: *наша деревня теперь нету, нашей деревни, видишь, там только одна березка стоит для памяти; дак коса-то нету, коса надо; вот такая наша группа была большая, все шутили, все такие веселье, а нету половина; невеста еще, верно, нету, где невеста? тоже выкуп сделан, дак придет, привезут; и сколько лет, как нету у нас ферма, лет девять уже как фермы нету; а теперь ведь искусственно всё едим, вплоть до того, что и колбаса, вот только что хлеб, наверное, неисккусственный, а так всё нету; все подружки в живых нету; время нет; сказали, что нет работа; вот у меня деда нету; много молодежи нету.*

Все зафиксированные единицы принадлежат индикативу настоящего и прошедшего времени. В предложениях с глаголом в сослагательном наклонении замечены лишь формы родительного падежа имени, например: *здесь чтоб ноги твоей не было; а то того дому не было б дак.*

Определить однозначно своеобразие семантики двусоставных оборотов не представляется возможным. Нередко в непосредственной близости оказываются двусоставные и односоставные обороты, что позволяет говорить о смысловой тождественности, а следовательно — о формальной вариативности. Например: *Брата нету живого, Николая тоже живого нету, ну папы, мамы нету, вот у меня деда нету. Это сколь уж там похоронено?* (ср.: *Лес-то доро-*

¹⁴ Кузьмина И. Б. Указ. соч. С. 121.

гой теперь, у меня деда был, дак мы не выписывали); у нас деревянная кадушка не было — собаков не было.

Обращает на себя внимание доля примеров с формами им. п. существительных на *-а*: 10 из 16. Заметим, что в изучаемом говоре форма им. п. на *-а* отмечается в глагольных конструкциях в функции объекта (*корова надо закрыть; думаю, надо печка затопить; стали платить деньжонка*), в предложениях с формой существительных на *-а* и предикативным наречием (*коса надо, если уж вам надо ряпушка*). В целом для кузарандского говора наметилась тенденция на использование формы на *-а* в позиции косвенных падежей после предлога (*в Кумса -2; вот даже на кассета у меня у брата была* [о записи юбилея]; *мы все в Толвуя теперь приходим*).

Можно предположить, что преобладание форм на *-а* в предложно-сказуемых отрицательных конструкциях говора обусловлено влиянием со стороны других синтаксических явлений уровня словосочетания и предложения.

Уместно, на наш взгляд, заметить, что в говоре д. Кузаранда наряду с двусоставными отрицательными предложениями употребительны генитивные глагольные предложения, близкие к бытийным, в которых семантика формы род. п. не всегда связана с количественной идеей¹⁵, ср.: *дак было подружек у нас было, а щас нету, все подружки уже в живых нету*. Таким образом, в говоре утвердительные и отрицательные предложения могут быть представлены следующими вариантами: *есть жители / есть жителей — нет жителей / нет жители; есть дедка / есть дедки — дедки нет / дедка нет*.

Не все наши информанты используют двусоставные отрицательные конструкции в своей речи. В записях же диалектоносителей, употребляющих обороты такого рода, количественное соотношение односоставных и двусоставных отрицательных бытийных предложений составляет примерно 1:15.

В значительно более обширных записях онежских говоров, сделанных автором настоящей статьи в 80-е гг., встретились только четыре отрицательные глагольные двусоставные конструкции: *еще не было война; у ней мать не было; там еще химикаты не были* (Пудож); *не была свадьба дак* (Шуньга Медв.). А также был зафик-

¹⁵ Маркова Н. В. Глагольные конструкции с родительным падежом субъекта и объекта в онежских говорах // Севернорусские говоры. Вып. 9. СПб., 2008. С. 146–155.

сирован единственный пример двусоставной конструкции с предикативом *нет*: *п'исьма нет* (Шуньга Медв.). Как видно из географических помет, примеры относятся к Заонежью и близкому к этому району территориально и в языковом отношении Пудожью. В подавляющем большинстве случаев в записях 80-х гг. отрицательные предложения односоставные, ср.: *у меня не было сапогов; финнов у нас не было* (Пудож); *плиток не было, обуви не было* (Вытегра Волог.); *не было мануфактуры; не было детей* (Шуньга Медв.); *у нас праздника не было; никакого горя у нее не было* (Ладва Прионеж.).

Однако еще в начале 60-х гг. двусоставные отрицательные предложения, видимо, не были редкостью в онежских говорах, во всяком случае на части соответствующей территории. В монографии И. Б. Кузьминой приводятся предложения из текстов ДАРЯ (хотя соответствующие конструкции программой и не предусматривались) и из личных записей автора. Прочитируем этот материал: *разница не была никакая* (Деревянное Прионеж.). (ДАРЯ); *мука-то не была, а нонь привезена, верно; там-то финны не были; в этом году не было пшено; у меня-то не был чепчик; никогда не были у нас лапти; у меня не бывал повойник; у нас не бывали кролик; девять ден как и крошка хлеба во рте не бывала* (Типиницы Медв.) (К);

нету конопля (Ладва Прионеж.) (ДАРЯ); *картошка сейчас нету* (Деревянное Прионеж.) (ДАРЯ); *сода нету* (Вороний Остров Медв.) (К)¹⁶.

Как видно из приведенных примеров, во всех глагольных конструкциях подлежащее и сказуемое координируют друг с другом. Не выделяется количественно и форма на *-а*. Существенно, однако, что основное число примеров приходится на д. Типиницы, как и Кузаранда, принадлежащую Заонежью.

Примечательно, что в диалектологических материалах XIX в., в записях А. А. Шахматова, встретился единственный, заонежский, пример без координации главных членов: *мороз-то не было* (Фоймогуба)¹⁷.

И в текстах былин, записанных в XIX в. на этой территории, зафиксированы единичные примеры двусоставных отрицательных

¹⁶ Кузьмина И. Б. Указ. соч. С. 121.

¹⁷ Архив АН РФ. Диалектологические записи А. А. Шахматова. Ф. 134. Оп. 1. № 225. С. 21.

предложений, причем в двух случаях из шести члены предикативной основы не координируют друг с другом: *И кого ён возмет за ногу, — У того нога да бытто не было. И кого ён возьмет за руку, — У того рука да быто не было* (Типиницы)¹⁸.

А й на горы их рыба не бывала (Пудога)¹⁹; *Как не будут к тебе письма и грамоты, Как не будут ерлыки скорописчаты, Хоть вдовой живи...* (Водлозеро Пудога)²⁰.

Конечно, сопоставление соотношений двусоставных и односоставных отрицательных предложений в записях разговорной речи и былин не совсем корректно, однако укажем здесь, что в текстах былин, записанных А. Ф. Гильфердингом, всего выявлено 22 безличных глагольных отрицательных предложения и 111 отрицательных безличных конструкций с предикативом *нет*. При этом не учитывались предложения с глаголом *быть* и одушевленным именем в им. п. в тех случаях, когда бытийный глагол выступает в значении глагола действия, например: *Не бывали вы туры да на святой Руси, не видали вы туры да свету белаго!* (Толвуя)²¹.

Обращение к более ранним материалам, отражающим местные особенности разговорной речи, не позволяет существенно пополнить число примеров. В сборнике «Карелия в XVII веке»²² отмечены всего пять случаев употребления двусоставных отрицательных предложений, приведем их: *Послать великого годударя грамота, велеть те денги, собрав с уездных людей, взять в государеву казну, чтоб те денги в доимке не были.* (с. 203); *...а те де у них рыбные ловли самые малые и скудные и против Птиновлих ловель не будут.* (с. 239); *чтоб ваше тягло в доимке не было* (с. 346, Олонек); *...чтоб в ызылых никто не был* (Шунгск. п., с. 175) *...чтоб де прежней указ и жалованная грамота... в нарушенье не было* (Новг. пр., с. 204).

При этом отметим, что в остальных 137 случаях отрицательные конструкции односоставные, причем из них в 70 случаях род. п. использован при словах *нет* и *нету*.

Как свидетельствует история русского языка, двусоставные отрицательные глагольные конструкции употреблялись наряду

¹⁸ Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1971 года. М.; Л., 1949–1951. Т. 1. С. 403.

¹⁹ Там же. Т. 1. С. 563 и 689.

²⁰ Там же. Т. 3. С. 121.

²¹ Там же. Т. 1. С. 387.

²² Карелия в XVII веке / ред. Р. В. Мюллер. Петрозаводск, 1949.

с односоставными вплоть до XVIII в.²³ Однако в памятниках письменности эти предложения отражены слабо. В. И. Борковский объяснял почти полное отсутствие в древнерусских грамотах отрицательных личных предложений различием в семантике односоставных и двусоставных отрицательных конструкций, то есть тем, что «в грамотах отрицательные предложения содержат указание на условия, вытекающие из отсутствия данного действия, а не отрицание действия»²⁴.

Такое наблюдение В. И. Борковского над семантикой конструкций представляется верным применительно к отдельным нашим примерам, в которых двусоставная отрицательная конструкция оказывается в составе полипредикативной единицы, ср.: *сказали, что работа нет; и сколько лет, как нету ферма; в Медгору привезли да там, там уж все жители не было; И кого ён возмет за ногу, — У того нога да бытто не было. Как не будут ерлыки скорописчаты, Хоть вдовой живи..., ...чтоб те денги в доимке не были...*

Как показывает наш материал, к числу синтаксических диалектных различий говора д. Кузаранда нужно отнести двусоставные отрицательные предложения с бытийными глаголами и предикативом *нет*, которые составляют своеобразие, возможно, не только избранной частной диалектной системы, но и других говоров Заонежья. Функционирование оборотов типа *коса не было* и *коса нет*, на наш взгляд, тесно связано с другими диалектными различиями этого говора, как в отношении субъекта (преобладание форм на *-а*), так и предиката (неизменяемые и некоординирующие формы). Отсутствие явных семантических отличий у двусоставных отрицательных бытийных предложений позволяет рассматривать эти диалектные различия как грамматические варианты предложений типа *мануфактуры не было, дорог нет*.

²³ *Потебня А. А.* Из записок по русской грамматике. Т. 3. М., 1968. С. 481; *Толсон А. И.* К вопросу о возникновении родительного падежа в славянских языках: Приглагольный родительный падеж в праславянских языках // Изв. ОРЯС. 1908. Т. 13, кн. 3. С. 299–301; *Карский Е. Ф.* Наблюдения в области синтаксиса Лаврентьевского списка летописи // Изв. АН СССР. ОЛЯ. 1929. Т. 2, кн. 1. С. 28; *Борковский В. И.* Синтаксис древнерусских грамот: простое предложение. Львов, 1949. С. 19; *Стеценко А. Н.* Исторический синтаксис русского языка. М., 1974. С. 85; Сравнительно-исторический синтаксис восточнославянских языков: Типы простого предложения / под ред. В. И. Борковского. М., 1968. С. 274–277; *Савельева Л. В.* Отрицательно-безличные предложения в истории русского языка. Л., 1988.

²⁴ *Борковский В. И.* Указ. соч. С. 19.

N. Markova. **The nominative negative existential constructions in one north-russian private dialect system**

In the article discusses the nominative negative existential constructions, which constitute the peculiarity of the dialect village Kuzaranda owned Zaonezh'ja dialects. Comparing levels of government (nado kosa/ kosit' trava), the author concludes that the operation speed type kosa ne bylo/net linked to other dialectal differences of dialect, both in respect of the subject (the predominance of forms on-a), and a predicate (immutable and uncoordinated form). We establish a quantitative ratio of the frequency of use of negative two-part and one-composite structures in selected private idiolect. The semantic proximity of two-part and one-composite negative proposals allows authors examine these dialectal differences as the grammatical variants of the type proposed type kosa ne bylo/net.

Keywords: two-part negative existential constructions; the semantic of the design; subject, predicate, private dialect system.

О СТЕПЕНИ ВЛИЯНИЯ ИНОЯЗЫЧНОЙ ФОНЕТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ НА РУССКУЮ ЛЕКСИКУ СЕВЕРА И СЕВЕРО-ЗАПАДА

В статье дается анализ как одиночных слов (типа *кура́бли* — *гра́бли*, *блвенка* — *во́лвенка*), так и целых корневых гнезд (типа *гверста́* — *верста́* — *говерста́* — *дверста́*), в которых содержатся признаки воздействия соседних неславянских языков на диалектную русскую лексику. Данные материалы дают возможность постановки вопроса о переходе несистемных явлений в говорах в системные.

Ключевые слова: языковые контакты, диалектология, лексикализация.

Длительные этноязыковые контакты на Севере и Северо-Западе России привели к изменениям на разных уровнях русского языка, функционирующего в качестве средства бытового общения на данной территории. Особенно ярко это отразилось на фонематическом составе русской по происхождению лексики, на ее внешнем облике.

Ученые, исследовавшие этноязыковые контакты на лексическом уровне, пришли к несомненному выводу о давнем взаимовлиянии русского и прибалтийско-финских языков, о проникновении «сильных» языковых признаков одной системы в другую (как правило, на синтагматическом уровне). Относительно подробный обзор литературы по данной проблематике содержится в работе С. А. Мызникова¹.

¹ Мызников С. А. Лексика финно-угорского происхождения в русских говорах Северо-Запада: Этимологический и лингвогеографический анализ / Ин-т лингв. исслед. СПб., 2004. С. 40–50.

Сопоставление характерных признаков финно-угорской и прибалтийско-финской фонологической системы² с русской дает возможность выявить отличительные черты северной и северо-западной русской лексики, изменившей внешний облик в сравнении с общеизвестной или более широко распространенной диалектной лексикой (например, *гáлый* < *гóлый*, *персетóл* < *престóл*, *лепóй* < *слепóй*, *бадрáк* < *батрáк* и др.). Изменения, в результате которых появились подобные варианты, не обусловлены внутренними законами развития русского языка. Конкретные факты внешнего воздействия на фонемный состав слова называем *экстенциальными признаками*.

Аналізу подвергается лексика, зафиксированная в имеющихся диалектных словарях, известная прежде всего севернорусским, а также тем среднерусским говорам, которые в недавнем прошлом соприкасались в прибалтийско-финскими языками. На значительной территории северной части России полиэтнические контакты продолжают в настоящее время.

Фонетическая система прибалтийско-финских языков воздействовала на звуковой состав русской лексики в нескольких направлениях, а именно: характер ударения, строение начального слога, в консонантной системе корреляция согласных по твердости-мягкости, глухости-звонкости и др. К настоящему времени выявлены экстенциальные признаки, возникшие в результате прибалтийско-финского воздействия³.

Одна из ярких особенностей северо-западных говоров русского языка — наличие лексем, фонемный состав которых несколько отличается от обычных, то есть известных общеупотребительных или диалектных слов, что в значительной степени обусловлено многовековым соседством русского и прибалтийско-финских народов, взаимовлиянием языков.

Например, для прибалтийско-финских языков, как и для других финно-угорских, характерно отсутствие сочетаний согласных

² *Лаанест А.* Прибалтийско-финские языки // Основы финно-угорского языкознания (прибалтийско-финские, саамский и мордовские языки). М., 1975. С. 5–122; *Лыткин В. И.* Сравнительная фонетика финно-угорских языков // Основы финно-угорского языкознания (вопросы происхождения и развития финно-угорских языков). М., 1974. С. 108–213.

³ *Михайлова Л. П.* Ареальная характеристика лексики с экстенциальными признаками // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследование) 2007 / Ин-т лингв. исслед. СПб., 2007. С. 62–69.

в начале слова⁴. При усвоении русской лексики в этих языках происходит сокращение анлаутного сочетания согласных до одного звука, например: карел. диал. *tarssi* ‘начальник рыболовецкой бригады’⁵ < русск. *старший, тройка* < русск. *тройка, рокопа* ‘прогонная плата; прогоны; заработная плата’ < русск. *прогоны*, ср. *прогоны* ‘поверстная плата на почтовых лошадях в России’ (БАС 11: 1001), фин. *raamattu*, карел. *roamattu*, эст. *raamat* ‘книга’ < др.-русск. *грамота* < греч. *grammata* и др. Указанная особенность отразилась и на фонемном составе многих русских диалектных слов.

При сопоставлении слов с одинаковой семантикой в таких соотносительных парах, как *ру́дный* — *гру́дный*, *во́я* — *хво́я*, *гарблoвiщe* — *граблoвiщe*, *охлeв* — *хлeв*, *баратáн* — *братáн*, становится понятно происхождение каждого первого, в котором отсутствует сочетание согласных в анлауте, от второго, начинающегося с консонантной группы. Надо заметить, что не в каждой из этих пар лексемы вступают в отношения вариантности, обычно отмечаемой словарями. В частности, в первой паре из указанных слово *ру́дный* функционирует как совершенно самостоятельное, и для установления его этимологии, безусловно, требуется дополнительный поиск. Способность или неспособность подобных вариантов превращаться в независимые от исходной лексемы слова, образовывать свое словообразовательное гнездо может служить показателем степени освоения экстенциального признака в русской языковой среде, глубины его проникновения в чужую систему, возможности превращаться в системный элемент. Немаловажным в решении вопроса о глубине проникновения экстенциального признака в то или иное корневое гнездо является и ареальный показатель функционирования такого рода слов.

Данные словарей русских говоров Севера и Северо-Запада⁶ ярко свидетельствуют о том, что на территории северных и северо-западных говоров одно и то же слово может функционировать в нескольких фонетических вариантах, возникших в результате разных процессов. Укажем некоторые из них.

⁴ Лыткин В. И. Указ. соч. С. 119.

⁵ Примеры прибалтийско-финских слов даются по SKES (с. 1240, 823, 829, 703).

⁶ Используются общепринятые сокращения лексикографических источников, см., напр.: Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследование) 2001–2004 / Ин-т лингв. исслед. СПб., 2004. С. 381–389. Географические пометы, приводимые в словарях, сохраняем без изменений.

1. Изменение анлаутных сочетаний согласных до одного звука, представленное в исследуемой лексике, произошло четырьмя путями: упрощение группы согласных, эпентеза, метатеза, протеза.

1.1. Упрощение начальной группы согласных: *выль* < *гвыль* 'утолщение, выпуклость, припухлость', *лопать* < *хлопать*, *ля'нуться* < *гля'нуться*, *довёц* < *вдовёц*, *сень* < *ксень*.

1.2. Эпентеза: *воперё'д* < *вперё'д*, *гавы'ль* < *гвыль* 'прыщ, угорь', *шаты'ны* < *штаны*, *сómород* < *смóрод* 'удушьё, смрад', *сокуми'ться* < *скуми'ться* 'вступить в кумовство', *суплошь* < *сплошь*.

1.3. Метатеза: *ма́рмер* < *мрамор*; *жантьё* < *жнатьё* 'время уборки зерновых, период жатвы'; *барты'нь* < *браты'нь* 'большая чаша для пива', *портвёжка* < *прóтвешек* 'противень', *герба́ть* < *гребать* 'грести', *горбу́лка* < *грабу́лка*, *карпи́ва* < *крапи́ва*; *керж* < *кряж*, *вермя'нка* < *время'нка* 'маленькая железная печка'.

1.4. Протеза: *искосу́риться* < *скосу́риться* 'рассердиться', *агра́бли* 'грабли', *оглу́шно* < *глу́шно* 'жарко, душно'; *окро́шки* 'крошки от хлеба'; *о́страда* < *страда́* 'уборка хлеба, жатва; страда', *опре́жде* < *пре́жде*.

2. Помимо этих явлений в ряде говоров отмечается изменение начала слова, не связанное с сочетанием согласных.

2.1. В частности, встречаются случаи усечения начального слога за счет согласного в позиции перед гласным звуком типа *о́лвенка* < *во́лвенка* 'гриб волнушка', *ода́* < *вода́*, *иро́к* < *ви́рок* и т. п. Такое явление может быть объяснено тем, что выпадение *υ* в начале слова перед гласными *о*, *и*, *й* характерно для всех прибалтийско-финских языков⁷. Данная особенность распространилась на русскую диалектную лексику и с другими начальными согласными в позиции перед разными гласными и согласными: *а́лаки* < *ла́лаки*, *алто́ра* < *полто́ра*, *укотё'рка* < *рукотё'рка*, *абле́та* < *табле́тка* и др.

2.2. Появляются гласные звуки перед слогом, состоящим из одного согласного и гласного звуков: *або́сый* < *бо́сый*, *акули́ца* < *кули́ца* 'кулич', *арахма́нный* < *рахма́нный* 'вялый, хворый' и т. п.

3. Мена твердых и мягких согласных. В некоторых прибалтийско-финских языках или диалектах палатализованные согласные отсутствуют как фонемы. Эта особенность нашла отражение в замене мягких согласных твердыми в русских словах, а также в обратном явлении, возникшем в результате гиперкоррекции.

⁷ Лаанест А. Указ. соч. С. 33.

3.1. Твердый на месте мягкого: *бáчкaть, крáтaть, грáнка, дáй-нушка, тáпнуть, накарáпать*, на *крúкишах, закотбмки* и др.

3.2. Мягкий на месте твердого: *гряд, вяв'ливaться, накр'япы-вaться, гнюсúть, крjúча, ню'жник, козюнок, н'ёготь*.

Имеющиеся сведения четко обозначают псковско-обонежский ареал данных замен с незначительными отклонениями.

4. Мена глухих и звонких согласных, отраженная в севернорусских памятниках письменности⁸, является яркой чертой псковских⁹ и севернорусских говоров: *зúгреб < сýгреб 'сугроб', дрездá < трестá, жáрнуть < шáрнуть 'ударить', кизét < кисét*. Данное явление возникло как результат взаимодействия «русского языка с западнофинскими, именно в этом взаимодействии мена глухих и звонких согласных находит непротиворечивое объяснение»¹⁰.

5. В области гласных активен переход *е > 'á и о > á* с переносом ударения на первый слог: *пя'хтерить < пехтéрить 'нести, тащить что-л. тяжелое', ля'шaть 'вспахивать полосу земли' < лешúть 'ставить знаки на поле для указания сеятелю, делать вежи', мэро-сить < моросúть, áбжа < обжá 'часть сохи', а также мена ударных гласных *ó и á: бáйка < бóйка 'маслобойка', бóло 'деревянное приспособление, орудие для загибания полозьев, дуг, колес' < бáло (< гбалo < гьбалo)* и др.*

В современных диалектных словарях зафиксировано около 4700 лексико-фонетических вариантов и самостоятельных лексем, сформировавшихся на их базе и обладающих признаками экстенциального характера, включая и случаи с другими, не отмеченными выше фактами. Выявленный список (надо полагать, далеко не полный) содержит слова, отражающие разную степень внешнего воздействия иноязычной системы — от формального незначительного изменения слова (*опалáхтaть < обалáхтaть 'обмануть', олотóй < золотóй*) при сохранении семантики до более существенного преобразования, когда для установления исторических связей требуется включение этимологических «ресурсов» (ср. *вáкора 'вывороченное с корнем дерево' и родственное с окорé'нок 'комель'*).

⁸ Колесов В. В. Севернорусские чередования согласных, парных по глухости—звонкости // Вестник ЛГУ. 1963. № 2. Серия истории, языка и литературы. Вып. 1. С. 103–112.

⁹ Глускина С. М. Мена звонких и глухих согласных в псковских говорах // Псковские говоры. III. Псков, 1973. С. 35–51.

¹⁰ Там же. С. 51.

Большая часть лексического материала с экстенциальными признаками обнаруживает формальное влияние иноязычной системы на русское слово, его фонематический состав. Эти случаи, как правило, являются единичными, и их можно рассматривать в качестве первичного этапа усвоения экстенциального признака (типа *киргá* < *кирка́*, *забога́ться* < *забодáться*, *пéска́ться* < *пéстаться*, *заборта́ть* < *заболта́ть*, *бороти́ть* < *вороти́ть*, *вазилёк* < *василе'к*, *ляцц* < *лецц*, *олковóе* окно < *волоковóе* окно и др.). Подобные варианты обычно не образуют корневого гнезда и остаются на периферии лексической системы, выполняя роль именно дополнительного варианта основного слова.

Иногда возникают варианты, содержащие не один экстенциальный признак. В этом отношении показательны известные некоторым псковским говорам слова *кура́бли*, *кура́глы* < *гра́бли* 'о руках', в коих представлена эпентеза, замена звонких согласных глухими, мена звуков б ~ г. Как правило, подобные слова занимают обособленное место в системе¹¹.

В случаях более интенсивного усвоения иноязычного компонента экстенциальный вариант, превратившись в самостоятельную лексему, становится основой корневого гнезда. Представим более-менее полно два примера диалектных корневых гнезд, в которых весьма заметно проявились процессы экстенциального характера. Не претендуя на исчерпывающую полноту материала, выделим существующие варианты в пределах этимологического гнезда, затем обратим внимание на их словообразовательные возможности.

гверста́

В русских говорах Севера и Северо-Запада бытует значительная по объему группа слов, обозначающих дресву, то есть мелкий щебень, крупный песок, получающийся при выветривании горных пород, при обделке камня и т. п., — *гверста́*, *верста́*, *дверста́*, *зверста́*, *гверзда́*, *хвержда́*, *гаверста́* и др.¹², — и входящих в одно этимоло-

¹¹ Представляется перспективным исследование такой лексики не только в семантическом, географическом, словообразовательном плане, но и в отношении активности употребления, наличия коннотативных признаков.

¹² Описание данного слова и его производных в ареальном аспекте см. в статье: Михайлова Л. П. Псковские следы в лексике говоров Обонежья // Псков в российской и европейской истории: Международная научная конференция: в 2 т. Т. 2. М.: МГУП, 2003. С. 198–203.

гическое гнездо. Не останавливаясь на вопросе о происхождении¹³ данных слов, обратим внимание на некоторые явления, отраженные в указанных лексических вариантах, и степень их устойчивости, которая может проявляться в способности некогда возникшего варианта образовывать свое словообразовательное гнездо.

1. Упрощение групп согласных в начале слова: *tt-* > *t-*. В некоторых говорах проявляется последовательная адаптация слов с начальными сочетаниями согласных к анлаутной системе прибалтийско-финских языков, характеризующейся или одним согласным, или гласным. Это отчетливо наблюдается, например, в диалектном корневом гнезде с вершиной *гверста́* ‘мелкодробленый камень дресва’, которому соответствует подобное по составу и семантике гнездо с вариантом *верста́*. Достаточно сравнить¹⁴: *гверста́* ‘мелкодробленый камень, дресва’ (Онеж. Арх., Севмор. Мурман., Тихв. Ленингр., Уст., Чер. Волог., Чуд. Новг.) и *верста́* в том же значении (Медв., Пуд. Карел.), а также в близких к указанному — ‘мелкий щебень, дресва’ (Пин. Арх., Выт. Волог.), ‘мелкий щебень, каменный песок, употребляющийся для оттирания деревянного пола от грязи’ (Мез., Нянд., Онеж., Холм. Арх.). Вполне возможно, что слово *верста́* в последних двух значениях явилось результатом преобразования параллельно существующего слова с другим начальным сочетанием — *дверста́* ‘измельченный камень, крупный песок, используемый для очистки деревянных поверхностей’ (Карг., Леш., Мез., Нянд., Онеж., Пин., Плес., Прим., Холм., Шенк. Арх.). На это указывает ареал лексико-семантических вариантов данных слов — архангельская территория.

Наряду с *верста́* бытует слово *вёрска* (Севмор. Мурман.), с меной *к ~ т*, широко известной в говорах Севера, и *верст* (Кириш. Ленингр.). Слову *гвёрстенник* ‘камень, легко поддающийся дроблению’ (Медв.) соответствуют варианты *вёрстеник*, *вёрсеник* и *вёрсник* (Медв., Пуд.), как видим, имеющие более широкую географию. Известная псковским говорам лексема *гверсты́нка* ‘мелкие камешки, гравий’ (Пск., Пыт. Пск.) имеет вариант *версты́нка* (Остр. Пск.). На основе потенциально существующего слова *гверсты́на*, не зафиксированного словарями, образовалось *версты́на* «песок из разго-

¹³ См.: Попов А. И. Из истории лексики языков Восточной Европы / под ред. Ф. П. Филина. Л., 1957. С. 12.

¹⁴ Используются данные следующих словарей: СРНГ 4, 149; 6, 158; СРГК 1, 331–332; СРГС 2, 64; АОС 3, 120; 10, 298; ПОС 6, 148; 3, 95; ЖРКП, 26.

решего камня, которым трут полы» (Валд. Новг.). По всей вероятности, уже независимо от слова с начальным *гв*- самостоятельно возникли слова *вёрстка* ‘бусина’ (Елатом. Тамб., Ряз., Саратов.), мн. *вёрстки* ‘бусы’ (Тамб., Вадин. Пенз., Дон.), *вёрсточка* ‘бусинка’ (Заметч. Пенз.). В них наблюдается и обособленное семантическое развитие¹⁵.

В рассматриваемую группу входят также прилагательные: легко поддающийся дроблению камень характеризуется такими словами, как *гверсливый* и *версливый* (Медв.), *верскливый* (Выт. Волог.), *гверстливый* (Остр., Н.-Сок., Н.-Рж., Оп., Пск., Пуст. Пск.) и *верстливый* (Н.-Рж. Пск.), *гверстяной* (Дед., Н.-Рж., Оп., Остр., Пушк. Пск.), *дверстяной* (Плес., Онеж., Прим., Холм. Арх.) и *верстяной* (Нянд., Онеж., Прим. Арх.); *гверстя’ный* ‘относящийся к гверсте’ (Пск., Осташк. Твер., Новг., Пск.), ‘каменистый’ (Черепов. Новг., Пушк. Пск.), *дверстя’ный* (см. ниже) и *верстя’ный* ‘дресвяный’ (Тер. Мурман.).

При наличии значительного числа отмеченных параллелей лексем с начальным сочетанием согласных и без него наблюдаются и такие слова, которые не имеют соответствующей пары. Это естественно в группе слов с *гв*-, например: *гверстя’ник* ‘место, покрытое мелким камнем’ (Черепов. Новг.), *гверстя’нка* ‘пахотный участок земли с мелкими камешками’ (Полав. Новг.), *гвёрстью* ‘с треском, дробью (ударить: о громае)’ (Порх., Остров., Великолукск. Пск., Новг., Пск.). Однако в западной части архангельских говоров отмечено новое слово с начальным *в*-, не имеющее параллели с *гв*-: *верста́ть* ‘дробить камень’, ‘тереть (пол, стены и т. п.) дробленным камнем’ (Онеж. Арх.)¹⁶.

Заметим, что словари неоднозначно описывают статус слов с начальным *гв*- и *в*- в данном гнезде (или гнездах): СРНГ представляет их как самостоятельные слова, а ПОС, СРГК подают в качестве вариантов. Не отмечают варианты и составители АОС относительно слов *дверста́* и *верста́*. Надо полагать, такое расхождение в лексикографической обработке сходных материалов обусловлено тенденцией к переходу некогда возникших вариантов в самостоя-

¹⁵ Вопрос о причинах появления данного слова в южнорусских говорах оставляем в стороне. Вполне вероятно, что южнорусские лексемы могли возникнуть самостоятельно и не связаны с гнездом *гверста́*.

¹⁶ СРГК подают слово *верста́ть* как вариант предполагаемого [*гверста́ть*], что указывает на исходное слово (по всей вероятности, ушедшее из активного употребления).

тельные лексемы, к обретению ими признаков системы. О системном характере слов с одним согласным, соответствующим этимологическому консонантному сочетанию в анлауте, свидетельствует развитие корневого гнезда, которое включает новые лексемы, отсутствующие в исконном гнезде (см. *верста́ть*).

2. Мена звонких и глухих согласных отмечена в лексике говоров Севера и Северо-Запада как экстенциальный признак, то есть результат влияния иноязычной системы¹⁷. Отмечая это явление в севернорусских диалектах, Б. А. Ларин пишет: «Объяснение этому надо искать в субстрате, так как языки угро-финской группы знают и другие фонологические противопоставления рядов согласных (например, глухие сильные — глухие слабые — звонкие), а в некоторых диалектах — утрату звонких, в других — озвончение глухих (например, в севернокарельских говорах озвончение *k — t — p* кратких в сильной позиции)»¹⁸.

Мена глухих и звонких согласных *d ~ t* отмечена в рассматриваемом гнезде. Примерно такие же отношения, как и в блоке *верста́* < *гверста́*, складываются между вариантами, различающимися глухостью — звонкостью согласных, ср.: *гверста́* в указанном значении и *гверзд* ‘толченый камень, дресва’ (Мал. Новг.)¹⁹, ‘сыпучий камень’ (Уторг. Новг.), *гверзда́* ‘мелкие камешки, гравий’ (Гд., Ляд., Нов., Пл., Порх., Пск., Сер., Стр. Пск., Сланц. Ленингр.), ‘галька’ (Пск., Петерб.); *гверстли́вый* и *гверздли́вый* (Слан. Ленингр., Гд. Пск.), *гвя’рздливый* (Слан. Ленингр.) в топонимах: «*Гверздливый* камень — урочище, ... названное по рыхлости рассыпающегося камня. Ср. геогр. названия: *Гверздом*, *Гверзденец*» (Луж. Петерб.). Сюда же относятся несколько расходящиеся в семантике, но имеющие общий компонент в структуре значения — ‘мелкий, легко разделяющийся на части’ — *гверстя’нка* ‘пахотный участок земли с мелкими камешками’ (Полав. Новг.) и *гверздя’нка* ‘участок мелкого леса, где рубят зимой дрова’ (Ст. Новг.). Не имеет парал-

¹⁷ См., напр.: *Глускина С. М.* Указ. соч. С. 35–51; *Михайлова Л. П.* Русская лексика с признаками экстенциального характера в области согласных // Альманах современной науки и образования. Тамбов, 2008. № 2 (9): Языкознание и литературоведение в синхронии и диахронии и методики преподавания языка и литературы: в 3 ч. Ч. 2. С. 96–101.

¹⁸ *Ларин Б. А.* Русско-английский словарь-дневник Ричарда Джемса (1618–1619 гг.). Л., 1959. С. 47.

¹⁹ Использованы данные НОС 2, 9–10; 4, 10; ПОС 6, 147–148; 7, 32; СРНГ 6, 158; Селигер 1, 169.

лели с исконным словом лексема *гверзди́чка* ‘мелкие камешки, гравий’ (Сер. Пск.), содержащая сочетание звонких звуков.

В порховских говорах Псковщины бытует лексема *хвержда́*, которую можно рассматривать как вариант, манифестирующий ослабление начального заднеязычного $g > x$ и соотношение $z > ж$, что вполне объяснимо влиянием особенностей системы звуков соседних прибалтийско-финских языков²⁰. Параллельно существуют и *хверж*, *хверш*, *верш*, дериваты *хвершилывый*, *хверци́вый*²¹.

3. Появление вставного гласного в начальном сочетании согласных: *tt- > tat-*. Исходному слову *гверста́* соответствуют варианты с эпентетическим гласным в начальном сочетании согласных: *гаверста́* ‘перегоревший, легко раскалывающийся камень’ (Дем. Новг.), *говерста́* ‘мелкие камешки, гравий’ (Остр. Пск.), *гүверста* ‘то же, что говерста’ (Аш., Н.-Рж. Пск.). Эпентеза, продиктованная стремлением говорящих освободиться от сложного консонантного анлаута, характерная для довольно узкого ареала, образует лишь варианты слова *гверста́*, не распространяясь на производные.

4. Лексемы *гверста́* и *дверста́*, которые лексикографически представляются как разные слова, имеют минимальное звуковое различие, полное семантическое совпадение, что дает основание видеть здесь мену согласных $g \sim d$, характерную для севернорусских говоров и прошедшую в глубокой древности. Словари²² содержат следующие примеры лексики с начальным *дв-*, семантически полностью совпадающей с группой слов с *гв-*: 1. ‘дресва’ — *дверста́* (Арх., Пудож. Олон., Карг., Леш., Нянд., Онеж., Пин., Плес., Прим., Холм., Шенк., Выт. Волог., Тихв.), *двёрсто* ‘то же, что дверста́’ (Онеж.), *двереста́* (Онеж., Пин.), *дверствá* (Леш., Мез., Пин., Плес., Холм.); *дверсти́ца* и *дверсти́чка* (Онеж.); перен. ‘мелкий колючий снег’ (Плес.); *дверстя́ник* ‘место, где собирают камень для дверсты, дресвы’ (Онеж.), *дверстя́нка* ‘камень гранит’ (Онеж.); 1.1. в топонимах — *Дверстя́нец* — топоним, название сенокосного угодья (Нянд.), *Дверстя́никí* — топоним, название поля (Нянд.), *Дверстя́ница* — название сенокосного угодья (Нянд.), *Дверстя́нка* топоним, название поля

²⁰ О возможностях реализации прибалтийско-финских фонем [h], [z], [ž] в русских говорах см.: *Мызников С. А.* Лексика финно-угорского происхождения в русских говорах Северо-Запада: этимологический и лингвогеографический анализ / Ин-т лингв. исслед. СПб., 2004. С. 353–355, 360–361.

²¹ О географии данных дериватов см.: *Михайлова Л. П.* Русская лексика... С. 202.

²² АОС 10, 295, 298–299; СРГС 3, 178; СРГК 1, 425–426; СРНГ 7, 283.

(Онеж.); 2. ‘дресвяный’ — *дверствя’ной* (Пин.), *дверсти́вой* (Онеж.), *дверстли́вый* (Пудож.), *дверстяной* (Нянд., Онеж., Пин., Плес., Прим., Холм.), *дверствя’ный* (Нянд., Онеж., Плес., Холм.); 2.1. в топонимах — *Дверсти́чный* — топоним, название горы (Холм.), *Дверствя’ночной* — топоним, название ручья (Онеж.).

Как свидетельствует материал, слово *дверста́* образует самостоятельное корневое гнездо (табл. 1), включающее не меньше дериватов, нежели гнездо *гверста́*. Более того, оно имеет свой вариант с глухим начальным звуком — *тверста́* ‘крупный речной песок’ (Весьег. Твер.)²³. Этимологи предполагают связь *дверста́* < *гверста́*, а начальное *д*- рассматривают как следствие влияния слова *дресва́* (Фасмер 1: 487), что вполне допустимо при полном совпадении семантики и близком звуковом составе данных слов²⁴. Однако любопытен факт бытования слова *дверста́* и его производных преимущественно в архангельских говорах, близких к ним пудожских и вытегорских, а также тихвинских говорах. Встает вопрос о причинах появления варианта *дверста́* именно на северо-восточной территории русских говоров, с незначительным отклонением на запад (одна точка в Ладого-Тихвинской группе).

Таблица 1

Варианты слова *гверста́*²⁵

гверста́							
↓	↓	↓	↓	↓	↓	↓	↓
верста́ вороста	гаверста́ говерста́ гүверста	гверзда́ ↓ хвержда́	дверста́ двереста́ ↓ тверста́ дверства́	гверства́	зверста́	грества́ гресва́	жерства́ ↓ *герства́

²³ Тематический словарь говоров Тверской области. Вып. 1. Тверь, 2002. С. 39.

²⁴ Однако заметим, что для некоторых севернорусских говоров характерна мена звуков г - д, ср. название брюквы *гола́нка* (Вель., Вин., В.-Т., Уст. Арх.; Влг.: В.-Важ., Вож., В.-Уст., Ник., Ньюкс., Сямж., Тарн., Хар.) (СРГС 3: 66) и *дала́нка* (М.-Реч. Волог.) (СРГС 3, 175); в значении ‘род женской верхней одежды (полупальто, жакет)’ *гейша* (Шенк. Арх., Баб., Бел., Кад., Кир., Устюжн., Шексн. Волог.) (СРГС 3, 21) и *дэйша* (Арх.: Шенк., Влг.: Бел., Кад., У.-Куб., Устюж., Череп.) (СРГС 3, 203) и др.

²⁵ Первые четыре столбца (и, возможно, последний) содержат экстенциальные варианты.

Контаминацией слов *дресва*²⁶ и *гверста* можно считать слово *грества* ‘мелкие осколки камня, дресва’ (Вл., Кун., Локн., Холм. Пск.), хотя в последнем можно наблюдать и своеобразную метатезу. Данная лексема также имеет производные: в значении ‘легко распадающийся на мелкие осколки, греству’ — *грествívый* (Остр. Пск.) и *грествя’ный* (Кун. Пск.), ‘содержащий крупный песок, мелкие камешки’ — *грествя’ный* (Вл.), *грестлívый*, *грестля’вый* — (Пск.). Следует отметить также параллель *гверствá* (Старор. Новг.) к *дверствá* (Леш., Мез., Пин., Плес., Холм. Арх.) в значении ‘дресва’.

Наличие или отсутствие гнезд можно представить в сопоставительной таблице, которая показывает совпадающие и различительные дериваты (табл. 2). Последние могут указывать на то, что вариант перешел в самостоятельную лексему, способную создавать свое гнездо в соответствии со словообразовательной системой говора.

Как показывает материал, активными в словообразовательном отношении оказываются экстенциальные варианты, возникшие в результате упрощения анлаутного консонантного сочетания, мены глухих — звонких согласных и мены звуков г ~ д, пассивными — варианты с эпентезой (*гверста* и др.).

блык-

Обратим внимание на слова с корнем *блык-*, преобразованные варианты которого известны преимущественно псковским говорам²⁷. *Блыкáть* ‘ходить, бродить’ (Остр., Пушки.), *блыкáться* ‘бродить, слоняться без дела, шляться; бродяжничать’ помимо северо-западных охватывает некоторые среднерусские и южнорусские говоры: Новг., Пск., Твер., Петерб., Смол., Моск., Тамб., Ёйгев., Тарт. ЭССР, Йонав. Лит. ССР, Аш., Беж., Гд., Дед., Дн., Кр., Н.-Рж., Оп., Пав., Печ., Пл., Порх., Пск., Пушки., Сл., Сош., Стр., ЭССР, в псковских говорах известен и акцентологический вариант *блы’каться* (Славк. Пск.), *блыкáла* ‘бродяга, развратник’ обычно бранное (Прейл. Латв. ССР), [*блыкáла*] (Пск.) со ссылкой на Даля, *блыкúн* 1. ‘кто ходит без дела, слоняется; бездельник’ (Вл., Н.-Рж., Печ., Стр.), 2. ‘кто любит бродяжничать, скитаться; бродяга’ (Беж.,

²⁶ Рассматривая в основном степень вхождения экстенциальных признаков в лексическую систему русских говоров, оставляем без внимания дериваты, связанные непосредственно со словом *дресва*, характерного для литературного языка и преимущественно для восточной части севернорусских говоров.

²⁷ Используются данные словарей: ПОС 2, 48–49, 209; ПОС 17, 214; СРНГ 3, 31–32; СРНГ 22, 114; СРНГ 17, 220; ЯОС 1, 64.

Дериваты слова *гверста́* и его вариантов²⁸

гверста́	верста́	гверзда́	дверста́	[грества́]	жерства́
гверства́	верства́	гверда́	дверства́	грества́	жерства́
	[вороста́]	хвержда́	двереста́	гресва́	
гверё'стка	вёрс(т)ка		тверста́		
гверсте́ник	версте́ник				
гверстенник	версе́ник				
	версник				
<i>гвершь хверш</i>	верш				
	верстина	[гвёрзденъ]			
гверсти́нка	версти́нка				жерстве́ц
гверсти́ца		гверзди́чка	дверсти́ца		
<i>гверсто́к</i>			дверсти́чка		
<i>гверстя'ган</i>					
гверстя'нка		гверздя'нка	дверстя'нка		
гверстя'ник			дверстя'ник		
			дверстя'нец		
гверсти́стый		гверздли́вый	дверстя'ница		
		гвершли́вый			
гверсли́вый	версли́вый	хвершли́вый		грестли́вый	
гверестли́вый	версли́вый	гверди́вый	дверсти́вый	ресли́вый	
		гвя'рдли- вый		грестви́вый	
			дверсти́чный		
гверстля'вый			дверстяно́й		
			дверстя'ный	грестлявы́й	
гверстяно́й	воростяно́й		дверстя'ноч- ный		
гверстя'ный	верстя'ный	гверздово́й		грествяны́й	жерст- вя'ный
гвёрстью					
сугверсть	верста́ть				

²⁸ В состав гнездообразующих не включены варианты *гаверста́*, *говерста́* и *гүверста́*, так как они не имеют дериватов и, следовательно, могут рассматриваться как собственно фонетические варианты.

Вл., Остр., Пушк.), 3. ‘развратник’ (Аш., Остр.), *блыку́ха* ‘женск. к блыкун 1’ (Ляд., Н.-Рж., Печ., Стр.), ‘женск. к блыкун 2’ (Н.-Рж.), ‘женск. к блыкун 3’ (Пск.), *блыку́щий* ‘любящий ходить без дела, слоняться’ (Оп., Остр., Стр., Гд.), ‘любящий ходить из одного места в другое, бродить, шляться (преимущественно о домашнем животном)’ (Иркут.), *блык* ‘скитание, бродяжничество’, ограниченное в употреблении устойчивым сочетанием *пуститься в блык* ‘отправиться бродить, шататься’ (Н.-Рж.). Этимологически родственным является *блукать* ‘идти наугад, блуждать’ (Ильин.-Хован. Иван., Рыбин. Яросл.), *блукаться* ‘медлить, слоняться без дела’ (Некоуз. Яросл.).

Словарные данные свидетельствуют о наличии фонетических вариантов, отражающих разные процессы, которые привели к ликвидации начального сочетания согласных в словах с корнем *блык-* (табл. 3).

Таблица 3

Варианты слова *блыкать* и их дериваты

блыкать				
↓	↓	↓	↓	↓
блыкать	лыкать	облыкать	балыкать	булыкать
блыка́ться	лы'каться	аблыка́ть	↓	
		аблыка́ться	балыка́ться	булыка́ться
		ублыка́ться		
блык			балы'к	
блыку́щий		аблыку́щий		
блыка́ла	лы'кала		валык	
блыку́н				
блыку́ха		аблыку́ха		
		облыку́ха		
		облыку́ша		

Во-первых, отмечаются варианты с протезой: *аблыка́ть* (Порх.), *аблыка́ться* ‘ходить без дела, слоняться’ (Гд., Печ.), *ублыка́ться* ‘то же’ (Гд.), *аблыку́щий* ‘отбивающийся от стада, ходящий где попало (о скоте)’ (Гд., Сл.), *облыка́ться* ‘скитаться’ (Гдов. Пск., Волосов. Ленингр.), *облыку́ша* ‘лентяй, бездельник’ (Печор. Пск.), *облыку́ха* ‘то же, что блыкуча 3’ (Гд.), *аблыку́ха* ‘то же’ (Печ.).

Во-вторых, фиксируются варианты, отражающие вставной гласный между начальными согласными корня, ср. *балыкаться* ‘ходить без дела, слоняться’ (Гд., Ляд.), ‘ходить, бродить’ (Ляд.), *булыкаться* ‘то же’ (ЭССР), *балык* ‘скитание, бродяжничество’ в сочетании *быть в балыку* ‘скитаться’ (Пушк.). Представляется возможным включение в данную группу и слова *валык* ‘своевольный человек, гуляка’ (Ряз.), отражающего мену б ~ в, которая также характерна для многих говоров этноязыкового пограничья²⁹.

В-третьих, в говорах западной группы известны слова без начального согласного, отражающие процесс упрощения анлаутного сочетания до одного звука. Примерами служат: *лы’каться* ‘бродить, мыкаться’ (Смол.), *лы’кала* ‘бродяга’ (Духовиц. Смол.). Ср. также *лукаться* ‘ходить где попало, бродить (о звере)’ (Гд.), возникшее из первоначального *блукаться* ‘ходить, бродить, переходить с места на место без особого дела; шляться, шататься’ (Боров. Новг., Новг., Пск., Твер., Тамб.).

В связи с упрощением начального сочетания и относительно самостоятельной жизнью лексикализованного варианта (*лыкать*, *лыкаться*, *лы’кала*) встает вопрос о том, не находятся ли пары лексем *лыкать* — *облыкать*, *блыкать* — *облыкать* в отношениях формо- и словообразования, что внешне может выражаться приставками *об-*, *о-*, ср.: *ходить* — *обходить*, *брю’згнуть* — *обрю’згнуть*. Заметим, что изолированное восприятие данных вариантов может дать повод для такого толкования, однако следует учитывать положение слова во всех его связях как формального, так и семантического характера. Существенно рассмотрение не двух слов (*лыкать* — *облыкать*, *блыкать* — *облыкать*), а целого блока из четырех лексем (*блыкать* — *балыкать* — *лыкать* — *облыкать*), в котором первый элемент является производящим для всех последующих. Семантическая общность и устойчивость, более широкий ареал исходного слова при ограниченной территории всех остальных — характерные признаки данной группы слов. Этимологически слова с корнем *блык-* относятся, вероятно, к региональным образованиям, связанным с *блукать* ‘блуждать, бродить, скитаться’ и родственными словами в западно- и восточнославянских языках; *блукать*, в свою очередь, представляет собой славянское но-

²⁹ См.: Михайлова Л. П. Лексикализация несистемных фонетических явлений в русских говорах (мена в ~ б) Лексический атлас русских народных говоров // (Материалы и исследования) 2008 / Ин-т лингв. исслед. СПб., 2008. С. 404–413.

вообразование с задненёбным расширителем и имеет тот же этимон, что и слово *блудить*³⁰. На наш взгляд, семантическая близость (ядерная сема ‘бесцельное движение’) лексем *лы’каться* ‘бродить, мыкаться’, *лы’кала* ‘бродяга’ (Смол.) со словом *блыкаться* ‘бродить’ и т. п. служит основанием установления их родственных отношений, несмотря на этимологический разрыв, обусловленный упрощением *бл-* > *л-*. Включение же данных слов в этимологическое гнездо **lykati* с основным значением ‘глотать’³¹ ведет к семантическим ассоциациям иного плана и кажется неправомерным.

Гнездо с *блык-* отличается от предшествующего тем, что в нем, во-первых, активен вариант с протезой, отсутствующий в гнезде слова *гверста́*, во-вторых, выражена тенденция к активному словообразованию у варианта с эпентезой, более того, последний имеет свой, автономный экстенциальный вариант, отражающий мену **б ~ в**.

Выявление аналогичных корневых групп, обладающих экстенциальными признаками, дает возможность приблизиться к решению вопроса о глубине влияния иноязычной системы на русскую лексику — от поверхностного формального до тенденции к переходу несистемного явления в системообразующий лексический элемент.

L. Mikhailova. About the degree of influence of phonetic system speaking another language on Russian lexicon of the North and the Northwest

In the article the analysis as single words (the type of *курáбли* — *гра́бли*, *о́лвенка* — *во́лвенка*), and the whole root nests (the type of *гверста́* — *верста́* — *говерста́* — *дверста́*) in which signs of influence of the next not Slavic languages on dialect Russian lexicon contain is given. The given materials give the chance to state a question on transition of not system phenomena in dialects in the system.

Keywords: language contacts, dialectology, lexicalisation.

³⁰ ЭССЯ 2, 128; Фасмер 1, 178.

³¹ ЭССЯ 17, 26.

О НЕКОТОРЫХ НОВЫХ ФИННО-УГОРСКИХ ЭТИМОЛОГИЯХ

Статья посвящена проблемам заимствований из прибалтийско-финских языков в русских говорах Севера. Существуют три вида заимствований: проникновения, субстратные единицы и заимствования. В работе представлены некоторые результаты этимологического анализа лексем, которые ранее не фигурировали в качестве единиц финно-угорского происхождения.

Ключевые слова: языковые контакты, диалектология, этимология, заимствование, субстрат, проникновение.

Современная диалектная лексикография переживает в настоящее время пору своего расцвета. Практически в каждом регионе европейской части России имеется законченный или находящийся в стадии разработки словарь местных говоров. Кроме того, диалектные лексикографические источники в настоящее время активно используются как материал для различного рода штудий. Получение новых качественных лексических данных в ходе полевых сборов вызывает сейчас большие затруднения и заставляет интенсивнее использовать диалектные словарные источники. Выход в свет шеститомного Словаря русских говоров Карелии и сопредельных областей стал важным событием для всей диалектологической науки, а введение в широкий научный оборот новых лексических фактов позволит отныне на широком фоне проводить различные лексикологические изыскания. Кроме того, переиздаваемый в настоящее время Новгородский областной словарь также предоставляет новые данные, не рассматривавшиеся ранее в этимологической литературе. Совершенно ясно, что лексика прибалтийско-финского происхождения занимает в этих трудах значительное место, причем в ряде случаев не всегда ясен характер единиц, разрабатываемых

в словаре с точки зрения трихотомии: проникновение ~ субстрат ~ заимствование. Причем в отношении проникновений следует выделить их следующие особенности: 1) бытование в зоне этноязыковых контактов; 2) нечастотность фиксаций; 3) отсутствие ареала (нередко единственная фиксация у одного информанта); 4) отсутствие базы для существования в русских говорах (эти единицы, не представляя нового денотата, являются полными синонимами к словам исконного происхождения либо к заимствованиям, уже утвердившимся в русском языке). Такие единицы предлагается трактовать как адстратные проникновения¹ — результат живого, адстратного влияния смежных языков. Они обычно индивидуализированы и отражают специфику личностного проявления иноязычного влияния в контактной зоне, не представляя лексические особенности какого-либо диалектного континуума в целом. Адстратное проникновение всегда можно не только связать с каким-либо определенным языковым типом, но и возвести к конкретному языку или диалекту-источнику. Несмотря на то что период существования таких единиц недолог, в современной региональной лексикографии они достаточно стабильно фиксируются, хотя их подача в словарях как обычных лексических материалов, без комментариев, на наш взгляд, не совсем корректна, поскольку, репрезентируя такого рода данные, информанты обычно делают ремарку: «Так карелы, вепсы и т. п. говорят». Примеры адстратных проникновений в различных контактных зонах, естественно, не будут однотипными, однако непременно соблюдаются их семантическое тождество и фонетическая близость к лексической единице языка/диалекта, послужившей источником. На материалах СРГК как проникновения трактуются нами следующие единицы: **педа'й** 'сосна' (Прионеж., СРГК, 4, 419) — из вепс. *pedai* 'сосна' (СВЯ, 405); **вейч** 'нож' (Лодейноп., КСРГК), восходящее к вепс. *veič* 'нож' (СВЯ, 633) и **ве'йчи** 'нож' (Кандалакш., КСРГК) — из кар. *veičči* 'нож' (СКЯП, 329), **ко'ндий** 'медведь' (Подпорож., СРГК, 2, 411), восходящее к вепс. *kondii* 'медведь' (СВЯ, 223). Причем в отношении последнего слова ремарка информанта, зафиксированная в словаре, заставляет задуматься о его национальной принадлежности: *У нас по-вепски кондий — медведь*. (Подпорож., СРГК, 2, 411). Лексема **ло'хкы** 'вареная или пареная репа', зафиксированная в Кондопожском р-не (СРГК, 3,

¹ Лотте Д. С. Вопросы заимствования и упорядочения иноязычных терминов и терминоположений. М., 1982.

152), представляет собой людиковское проникновение, ср. люд. *lohkoï* ‘кушанье из репы’, вепс. *lohkëi* ‘то же’ (SKES, 300).

Естественно, что проникновения представляют номинативную лексику, в подавляющем большинстве имена существительные, но иногда фиксируются единицы других частей речи. Например, можно отметить наречия: **ма’хты** ‘очень’ (Подпорож., СРГК, 3, 207), соотносимое с вепс. *mahtte* ‘очень’ (СВЯ, 316); **ва’гом** ‘насильно’ (Тихв., КСРГК), сопоставляемое с вепс. *vägüï, vägoï, vägõ* ‘насильно, поневоле’ (СВЯ, 644), при ливвик. *vägow* ‘сильный, крепкий’ (СКЯМ, 444), люд. *vagei* ‘сильный’ (SKES, 1834). Лексема **о’миш** представлена в СРГК в значении ‘хорошо, ладно’: *Дом престарелых в сосняге, сориночки не найдешь, все говорят омиш, хорошо. Омиш, обычно хорошо, это по-вепски.* (Лодейноп., СРГК, 4, 199). Иллюстрации подтверждают трактовку этой единицы как проникновение; правомерно, на наш взгляд, ее сопоставление с вепс. *voïmiž* ‘готовый’ (СВЯ, 620), *voïmikš* ‘наготове’.

Глаголы в некоторых случаях также можно классифицировать как проникновения при сходстве формы, тождестве семантики с сопоставляемым этимоном, единичности фиксации диалектной единицы, например, **му’рондать** ‘ломать’ (Подпорож., КСРГК), ср. вепс. *murondan* ‘ломаю’, *tureta* ‘разбивать, ломать’ (СВЯ, 338). Следует отметить, что данное слово не вошло в СРГК.

Фиксация проникновений коллектором нередко связана с опасностью записи материала не у носителей русских говоров, а у окружающих носителей финно-угорских языков. Фиксация таких слов, как **и’генет** ‘десна’ и **вётчон** ‘поясница’ (Прионеж.²), вероятно, является результатом записи их у вепсов, ср. вепс. *igened* ‘десны’ (С. М.), вепс. *veščom* ‘талия, поясница’ (СВЯ, 620). Запись вариантов лексем, по форме довольно близких или практически тождественных формам в смежных прибалтийско-финских языках, также заставляет предположить сбор такого материала у нерусских информантов, ср.: **ха’ла** ‘иной’, при субстратной единице **га’лога** — вепс. *hala* ‘иной’; **ко’йвуд** ‘березовый лес’, при вепс. *koïvud* ‘березы’; **ра’вас** ‘старый лес’, при вепс. *ravaz* ‘старый’ (СВЯ, 465); **ха’пану** ‘гнилой лес’, при вепс. *harani* ‘сгнивший’ (С. М.); **не’на** ‘носок сапога’, при вепс. *nena* ‘нос’; **ма’ймикаш** ‘суп из сухой мелкой рыбы’, при вепс. *maïmkaš* ‘суп из сушеной рыбы’ (СВЯ, 318). Подтверждают предположения о записи

² *Алекина Л. Н.* Из материалов для регионального атласа русских говоров Карелии // Севернорусские говоры. Вып. 2. Л., 1975. С. 59–65.

лексического материала Алекиной у нерусского населения сведения о полевой работе в населенных пунктах Шокша (Прионежского р-на Карелии) и Гимрека (Подпорожский р-н Ленинградской области), где и в настоящее время проживают вепсы³.

Еще одно слово из этой сферы — **ку'ккора** 'копилка, мешок с деньгами', зафиксированное в Пудожском уезде в начале XX в. (СРНГ, 16, 35), ср. ливв., кар. *kukkaro* 'кошелек' (СКЯМ, 162; KKS, 2, 416), отмечается и в настоящее время в Медвежьегорском р-не **ку'ккора** 'денежные накопления' (СРГК, 3, 54), что, вероятно, следует трактовать как переход из разряда проникновений в пласт адстратного субстрата.

В данной работе представлены некоторые результаты этимологического анализа лексем, ранее не фигурировавшие в качестве единиц финно-угорского происхождения.

Ло'дма 'овраг, низина' (Крестец., Валд., НОС, 5, 34). 'Ложбина в известняковой почве' (Борович. Новг., СРНГ, 17, 106). **Лодми'на** 'низина на месте высохшего болота' (Поддор., НОС, 5, 35). **Лодминка** 'низина' Крестец. (НОС, 5, 35). **Ло'дница** 'название покоса' Валд. (НОС, 5, 35). Фиксация данных в пределах Новгородской области позволяет предположить влияние языка валдайских карел, ср. кар. валд. *lodma* 'ложбина' (KKS, 3, 160), кар. твер. *lod'ma* 'низина, ложбина' (СКЯП, 141), при фин. диал. *lotma*, *lotmo* 'ложбина, долина', ливв. *lodmi* 'низина, долина', люд. *lodm* 'низина, долина между скал', сопоставляя также с морд. эрз. *ložto* 'яма, впадина', коми *lažmîd* 'низменное место, неглубокое место в воде' (SKES, 301. См. также: SSAP, 2, 95). В карельских диалектах это гнездо широко представлено (ПФГЛК, 55). Ср. также кар. сев. *lodma*, *lod'ma* 'топкое место', люд. *lod'm*, ливв. *lodmi* 'низина сырая' люд. *lodm* 'низина, лощина' (ССДКВСЯ, 29). Ср. морд. эрз. *латко* 'овраг' (ЭРС, 332).

Ню'гай 'вбитый в стену деревянный колышек, к которому привязывают корову' (Медвежьегор., Космосзеро, ПЛГО). **Нюга'й** «бревно с отверстием для привязывания скота» — *К нюгаям коров привязывали, изгорода-то вот, такой и нюгай на скотном дворе.* (Медвежьегор., СРГК, 4, 57). **Нюгой** «выемка в стене хлева, в нее вбивают колышек для привязи скота» (Заонеж. (Шуньга)) (Куликовский; СРНГ, 21, 327). **Нюга'й** «деревянное ядро, надеваемое на шею коровы» — *Нюгай деревянна, на шею надевали коровам, что бы корму друг у друга не ели.* (Медвежьегор., СРГК, 4, 57). **Нюга'й**

³ См.: Там же. С. 60.

«кронштейн для подвешивания котелка в жарнике печи» (Пудож., СРГК, 4, 57). На наш взгляд, оно связано с вепс. *n'ügoi*, *n'ügi* 'остроконечный, заостренный' (СВЯ, 396), в свою очередь соотносящееся с фин. *nykä* 'изношенный небольшой обычный или финский нож', кар. *nükä*, *nügä* 'короткий, незаостренный предмет', ливв. *n'ügä* 'обрубок, культя' (SKES, 407). Ср. также коми *ныж* 'тупой (о режущих инструментах)' (ССКЗД, 248). По данным ПЛГО, не фиксируется употребление деревянного ярма в хлеву, обычно корову привязывали веревкой или цепью, таким образом, значение «деревянное ярмо, надеваемое на шею коровы», представленное в СРГК, нуждается в проверке. Иллюстрация, вероятно, является совмещением двух высказываний: *Нюгай деревянна. На шею (веревку!) надевали коровам.*

Нутья 'подпоры у стога' (Пудож., КСРГК). 'Подпоры с развилкой на конце' — *Раньше заколья метали, два кола ставили и нутья ставили, подпоры-то, сучья с вилкой на конце раздвоенные, а потом сено метали.* (Пудож., КСРГК). **Нютьяги** «жерди вокруг стога, перевязанные веревкой» (Петрозав. Олон., 1918; СРНГ, 21, 329). На наш взгляд, слово **нютьяги**, восстанавливаемое в **ньютега**, восходит к вепс. **nüteh*, при вепс. *n'ut* 'подпора к стогу' (СВЯ, 370), а слово **нутья** связано с зафиксированным в СВЯ материалом с изменением типа вокализма на русской почве, при кар. (Сямозеро) *nyte* 'подпора в заборе' (KKS, 3, 564), фин. *nyde*, *nyte* 'подпора в заборе, в скирде, стоге', ливв. *n'üte* 'подпора в заборе'; прибалтийско-финский материал соотносится с саам. норв. *nittâ* 'подпора', морд. эрзя *neže* 'подпора' (SKES, 406). В СРГК в результате специфического подхода к лексической вариантности оказались смешанными лексема **нудья** 'охотничий костер' и анализируемое слово **нутья**, при иллюстрации: *Раньше заколья метали, два кола ставили и нутья ставили, подпоры-то, сучья с вилкой, на конце раздвоенные, а потом сено метали.* (Пудож., СРГК, 4, 52).

Ря'нжик 'покос в лесу' (Вытегор. (Мегра), ПЛГО). **Ря'нжик** 'место в лесу, закрепленное за охотником': *Говорят: иди косулить на ря'нжики, место лесовое собственное.* (Вытегор., СРГК, 5, 613). **Рянжа'к** 'место в лесу, принадлежащее кому-л.' (Вытегор., КСРГК). **Рямжа'к** 'пожня' (Подпорож. (Усланка), ПЛГО). **Ра'нзема** 'пожня' (Подпорож. (Курпово), ПЛГО). **Ра'нцер** 'место покоса на болоте' (Тихв. (Сарожа), КСРГК). Данный материал весьма сложен для этимологического анализа. Возможно, что первая часть слова **рян/рям** соотносится с вепс. *röin*, *rüin* 'край, опушка, сторона'; кар.

ливв. *rüöna* ‘водное растение’, ‘хвощ’. Как в западных, так и в восточных финских диалектах распространено слово *ryönä* ‘мусор’, ‘хворост’, ‘грязь’, ‘бурелом, чаща’. Авторы SKES относят эту лексему к дескриптивным словам, причем указывают, что на почве диалектов иногда бытуют и формы с заднеязычным вокализмом: *ruoni* ‘грязь, донный ил’. В финских диалектах отмечается также более близкий фонетический материал: *rönä* ‘тина, ил’, ‘мусор на берегу’; в диалектах Саво зафиксировано слово *röneikkö* ‘болотистая местность’, ‘бурелом’. В карельских диалектах соответствующая лексика имеет иные значения: ливв. *rönä* ‘грязь, грязный человек’. Вторая часть анализируемых слов — *-жик, -жак, -зема, -цер*, возможно, имеет разные этимоны, но не исключена возможность того, что все они сводятся к фин., кар., вепс. *sija* ‘место’, хотя убедительных доказательств для этого нет.

Со’га ‘острие рога у коровы’, ‘внутренняя часть коровьего рога’ (Пинеж. (Кеврола) (Сими́на)). **Со’га** ‘основание рога у коровы’ (Пинеж. (Карпогоры, Кеврола)). *Одна сога сломилась, сломила корове рог.* (Пинеж. (Кеврола) (Сими́на)). По-видимому, оно связано с самскими источниками, ср. фин. *saakki* ‘остроконечный олений рог’, саам. лул. *saggē*, норв. *sag’ge* ‘колышек, деревянный гвоздь’, ‘олень с острыми рогами’ (SKES, 934). Настораживает наличие на этой же территории лексемы **со’за** ‘мягкая, пористая внутренность рога (коровы и т. п.) беловатого цвета’, а также мар. *suž* ‘пористое, хрящевое основание кости’ (SKES, 978, 979).

Ча’пови’ца ‘переплетенный прут, которым соединяется загнутый полоз саней с копылом’ (Медвежьегор. (Космозеро, Кефтеница), Кондоп. (Тулгуба), Плесецк., Онеж. (ПЛГО). Прионеж. (Суйсарь) (Село Суйсарь, 292)). «Палка, связывающая головки полозьев с копылом» (Арх., Даль, 4, 599). «Идущая наискось от переднего копыла до верха загнутого полоза палка у саней» (Шенк., Подвысоцкий, 186). ‘Передок дровней’ (Медвежьегор. (Космозеро), ПЛГО). **Ча’повица** «черемховая связка, соединяющая верхние концы полозьев с первыми копыльями» (Петрозав., Пудож., Вытегор., Заонеж., Куликовский, 127). ‘Прут, розга’ (Прионеж. (Суйсарь), ПЛГО). ‘Часть оленьей упряжки’ (Лоух., КСРГК). **Ча’повица** ‘переплетенный прут, которым присоединяется загнутый полоз саней с копылом’ (Пинеж. (Веегора, Валдокурье, Еркино, Кеврола, Кучкас, Сульца, Усть-Ежуга) (Сими́на)). **Чапо’вка** ‘переплетенный прут, которым соединяется загнутый полоз саней с копылом’ (Онеж., КСРГК). Хотя слово имело фиксации в XIX в., оно не рассматрива-

лось в этимологической литературе. Семантически в основном значении слово **чаповица** соотносится с **чимбицей** (см. ниже), с совпадающими ареалами. Однако в данном случае лексема представляет собой композит, где первая часть соотносится с веп. *seba* ‘передок саней’ (СВЯ, 502), ливв. *seba* ‘передок саней’ (СКЯМ, 328); кар. твер. *šebävičča* ‘крупный вязок, соединяющий передние концы полозьев в головку саней’ (СКЯП, 266), кар. *tšoappavittša* ‘прут, соединяющий головки полозьев саней’ (KKS, 5, 339). Особенно последнее соотносится напрямую с русским материалом. Однако тип консонантизма первой части слова предполагает саамское или вепское посредничество, ср. саам. кильд. *t’s’iebp^e* ‘горловина кожаного мешка’, которое относится к этому гнезду. Вторая часть композита **-вица** соотносится только с вепс. *vits*, при том что это прибалтийско-финское гнездо, ср. фин. *vitsa* ‘ветка, прут без листьев и сучков’, русского происхождения (SKES, 1798, 1799). Отмечаемое в коми удор. *чапавич* ‘палка, связывающая головки полозьев с копылом’ (ССКЗД, 337) представляет собой заимствование из прибалтийско-финских языков.

Чи’мбица ‘переплетенный прут, которым присоединяется загнутый полоз саней с копылом’ (Вытегор. (Бараново, Мушниковская), Подпорож. (Юковичи), ПЛГО). **Чи’ма** ‘то же’ (Кондоп. (Тарнога), КСРГК). **Чи’мбиця** «черемуховый прут, которым к копылу дровней притягивается загнутый конец полоза» (Вытегор. (Коштуги), КСРНГ). «Жгут из ивовых прутьев для скрепления гнутых санных полозьев с дышлами» (Вытегор., Куликовский). **Чи’мбица** ‘веревка, на которой висит колыбель’ (Подпорож. (Родионово) (ПЛГО)). Калима возводит материалы Куликовского к вепс. *tšim* ‘ивовые прутья, в передке саней’, причем он предполагает, что данное русское слово является композитом — *чим-виця, где виця ‘прут’⁴. В СВЯ представлены вепс. *čim*, *čet*, *čimbic* ‘вязка (соединяющая головки полоза с копыльями)’ (СВЯ, 59). Для Калимы место вепского слова на прибалтийско-финской почве непонятно, что, по нашему мнению, оно восходит к саамскому влиянию, ср. саам. кильд. *t’s’imm^a*, саам. норв. *tšimm^a* ‘передняя часть полоза саамских саней’⁵. Вариант с [б] мог возникнуть в результате диссимиляции долгого [м], вероятно, еще на финно-угорской почве.

⁴ *Kalima J.* Die ostseefinnischen Lehnwörter im Russischen. Helsingfors, 1915; см также: Фасмер, 4, 362.

⁵ *Itkonen T. I.* Koltan ja kuolalapin sanakirja. O. 1–2 // LSFU. XV. Helsinki, 1958.

Сокращения

- Даль — *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Второе издание, исправленное и значительно умноженное по рукописи автора. Т. 1–4. М.; СПб., 1880–1882.
- КСРГК — Картотека Словаря русских говоров Карелии и сопредельных областей.
- Куликовский — *Куликовский Г. И.* Словарь областного олонецкого наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1898.
- КЭСКЯ — *Лыткин В. И., Гуляев Е. С.* Краткий этимологический словарь коми языка. Сыктывкар, 1999.
- Лесков, 1892 — *Лесков Н. Ф.* О влиянии корельского языка на русский в пределах Олонецкой губернии // *Живая старина*. 1892. № 4. С. 97–103.
- МСФУСЗ — Материалы для словаря финно-угро-самодийских заимствований в говорах Русского Севера. Вып. 1 (А–И) / под ред. А. К. Матвеева. Екатеринбург, 2004.
- НОС — Новгородский областной словарь / отв. ред. В. П. Строгова. Вып. 1–12. Новгород, 1992–1995.
- ССКЗД — Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов. Сыктывкар, 1961.
- ПЛГО — Полевое лингвогеографическое обследование автора.
- Подвысоцкий — *Подвысоцкий А.* Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1885.
- ПФГЛК — *Мамонтова Н. Н., Муллонен И. И.* Прибалтийско-финская географическая лексика Карелии. Петрозаводск, 1991.
- СВЯ — *Зайцева М. И., Муллонен М. И.* Словарь вепского языка. Л., 1972.
- Симина — Картотека пинежских говоров, предоставленная для хранения в ЛО ИЯ АН СССР (ныне ИЛИ РАН) Г. Я. Симиной.
- СКЯМ — Словарь карельского языка (ливвиковский диалект) / сост. Г. Н. Макаров. Петрозаводск, 1990.
- СКЯП — Словарь карельского языка (тверские говоры) / сост. А. В. Пунжина. Петрозаводск, 1994.
- СРГК — Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей / гл. ред. А. С. Герд. Т. 1–6. СПб., 1994–2005.
- СРНГ — Словарь русских народных говоров. Т. 1–39. М.; Л.; СПб., 1965–2005.
- ССДКВСЯ — Сопоставительно-ономасиологический словарь диалектов карельского, вепского, саамского языков / под общ. ред. Ю. С. Елисеева и Н. Г. Зайцевой. Петрозаводск, 2007.
- ССКЗД — Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов. Сыктывкар, 1961.

- Фасмер — *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Т. 1–4. М., 1964–1973.
- ЭРС — Эрзянско-русский словарь / под ред. Б. А. Серебренникова, Р. Н. Бузаковой, М. В. Мосина. М., 1993.
- ККС — Karjalan kielen sanakirja. O. 1–6 // LSFU. XVI, 1–6. Helsinki, 1968–2005.
- SKES — Suomen kielen etymologinen sanakirja. O. 1–7. Helsinki, 1955–1981.
- SSAP — Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja. O. 1–3. Helsinki, 1992–2000.

S. Myznikov. **About some new Finno-Ugric etymologies**

The article deals with the problems of loanwords from Balto-Finic languages into the Russian dialects of the North. There are three types of the ones: penetrations, substratum unites and loanwords. Also are given new etymologies some dialect words from Karelian and Vepsian.

Keywords: language contacts, dialectology, etymologies, penetrations, substratum unites, loanwords.

НЕСКОЛЬКО ЗАМЕЧАНИЙ ПО ПОВОДУ СТАТЬИ С. А. МЫЗНИКОВА «О НЕКОТОРЫХ НОВЫХ ФИННО-УГОРСКИХ ЭТИМОЛОГИЯХ»

Замечания касаются проблемы этнического самосознания информантов и их билингвизма как носителей русских говоров и финно-угорских языков.

Ключевые слова: билингвизм, этническое самосознание, диалектология.

В настоящем сборнике мы находим интересную статью С. А. Мызникова «О некоторых новых финно-угорских этимологиях».

С. А. Мызников пишет: «Фиксация проникновений коллектором нередко связана с опасностью записи материала не от носителей русских говоров, а от окружающих носителей финно-угорских языков».

Такая позиция автора предполагает, что информантами в СРГК могли быть или должны были быть только монолингвы (либо русские, либо вепсы), и исключает то, что информантами могли быть и билингвы исторически. И в южном Прионежье, и в Карелии сегодня информантами чаще всего являются как раз вчерашние билингвы.

Все материалы не только СРГК, но и самого С. А. Мызникова вновь убедительно подтверждают наши с Г. С. Лебедевым идеи о роли в эволюции историко-культурных зон, о месте билингвизма и бикультуры в истории таких зон¹.

¹ Основания регионалистики. Формирование и эволюция историко-культурных зон / под ред. А. С. Герда и Г. С. Лебедева. СПб., 1999; *Герд А. С.* Введение в этнолингвистику. СПб., 2005.

Как известно, историко-культурная зона Верхней Руси является одним из таких ярких примеров. Кто он — русский, вепс, карел, — от кого записаны примеры, анализируемые С. А. Мызниковым? Без строгой структурной этносоциолингвистической многопараметрической оценки такого индивида (язык, степень билингвизма на разных уровнях, этническое самосознание, самоназвание, отношение к традициям, среде, природе и др.) определить этнический тип такого информанта нельзя. Он не вепс и не русский, он и вепс, и русский, и кто-то третий.

— Кто вы по национальности? — спрашиваем мы в поле. И слышим:

— Я вепс (башкир, карел, калмык).

— А ваш родной язык?

— Русский.

Этническое самосознание информантов-женщин часто еще более диффузно:

— А я и сама не знаю, кто я — я и финка, и ижорка, и воть, и русская, — отвечает женщина в Ингерманландии.

Именно этот бикультурный этнолингвистический тип все более доминирует сегодня в мире как в Америке, Европе, так и на Руси (ср. ответы опросов во Франции: Я араб, да нет, я француз).

A. Gerd. A few comments on the S. Myznikov's article "About some new Finno-Ugric etymologies"

The comments relate to issues of ethnic identity of informants and their bilingualism as a carrier of Russian dialects and Finno-Ugric languages.

Keywords: bilingualism, ethnic identity, dialectology.

О НЕКОТОРЫХ ЛЕКСИЧЕСКИХ СООТВЕТСТВИЯХ ЮЖНОРУССКИХ И СЕВЕРНОРУССКИХ ГОВОРОВ (на примере русско-украинских смешанных говоров Воронежской области)

Изучение смешанных южных русских говоров, в частности диалектов Воронежской области, представляет особый интерес с точки зрения интерференции русских и украинских диалектов. Лексический состав изучаемых говоров представлен в основном общерусскими словами, однако функционирование общерусских лексем в украиноязычных говорах Воронежского края характеризуется фонетическими и морфологическими признаками, обусловленными явлениями украинского языка. В результате взаимодействия со смежными южнорусскими говорами в украинских говорах активно закрепились лексические русизмы, относящиеся к бытовой сфере, сельскохозяйственному производству и т. д., что способствовало развитию синонимической системы. Многие из лексических единиц оказались дублетами украинских вариантов (*спрызба* — завалинка, *сокыра* — топор, *драбына* — лестница и т. д.). В качестве лексической составляющей континуума смешанных воронежских говоров выступает лексика, общая с севернорусским ареалом.

Ключевые слова: русско-украинские говоры, лексические соответствия, интерференция, синонимическая система, лексические дублеты.

До настоящего времени остаются нерешенными проблемы по изучению говоров в полосе смежных языков, хотя данный аспект имеет давнюю традицию в лингвистической науке. Уже в 50–60-х гг. XX в. появляются работы в контексте этого направления. Исследованию русских говоров в окружении украинских посвящены работы А. М. Брицына, М. С. Тихомировой. И. Ф. Нелюбова. Анализ

функционирования орловского говора в рамках иноязычного окружения украинцев, молдаван, болгар, немцев на территории Бессарабии, показывает, что сближение двух диалектов родственных языков не приводит к ассимиляции одного другим¹. В других же социально-исторических условиях носители через так называемое двуязычие переходят к пользованию одним из диалектов (происходит ассимиляция)². С. И. Габ представляет говор Приазовья как смесь диалектных особенностей говоров украинского языка с диалектными особенностями говоров русского языка, с преобладанием последнего³. К. К. Удовкина, в свою очередь, показывает, как юго-восточный говор украинского языка в окружении южнорусских говоров теряет свои черты⁴. М. Н. Шабалин и Ф. П. Сергеев уже в середине прошлого века указывали на ассимилирование русскими говорами украинского на территории Кубани⁵. В 90-е гг. XX в. актуальными становятся работы Б. Н. Проценко о статусе степных кубанских говоров в рамках работы над Лексическим атласом русских народных говоров⁶. Ученый говорит о существовании на территории Кубани диалектов двух языков — русского и украинского. Их взаимоотношения он определяет термином *интерференция*: языковые системы находятся в состоянии взаимопроникновения, взаимовлияния, взаимообогащения при объективном критерии разнородности.

В научной литературе практически не рассматривался вопрос изучения воронежских диалектов с точки зрения интерференции русских и украинских говоров. Характер исследования данных говоров на обозначенной территории определяется историей засе-

¹ *Нелюбова И. Ф.* Орловский говор на территории Измаильской области УССР (говор с. Сергеевки Тузловского района). Станислав, 1953.

² *Сергеев Ф. П.* О характере взаимодействия между диалектами русского и украинского языков в условиях смешанного заселения // Вопросы русской диалектологии. Труды V–VI конференций кафедр русского языка педагогических институтов Среднего и Нижнего Поволжья. Куйбышев, 1965. С. 50.

³ *Габ С. И.* Говор Приазовья (Фонетика и морфология). Ростов н/Д, 1955.

⁴ *Удовкина К. К.* Говоры потомков переселенцев с Украины в Кагальницком районе Ростовской области. М., 1954.

⁵ *Сергеев Ф. П.* Указ. соч. С. 51.

⁶ *Проценко Б. Н.* О статусе степных кубанских говоров в Лексическом атласе русских народных говоров // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования), 1994. СПб., 1996; *Он же.* О статусе кубанских говоров в Лексическом атласе русских народных говоров // Научная мысль Кавказа. Научный общественно-теоретический журнал. № 4. Ростов н/Д, 1996.

ления края⁷. Отдельные исследователи обращались к анализу украинских говоров на территории Воронежской области, изоли-

⁷ Особенности заселения Воронежского края способствовали формированию особого языкового континуума.

Воронежская область наряду с Белгородской, Курской, Липецкой и Тамбовской входит в Центральнo-Черноземный экономический район. Они расположены в центральной части Русской равнины. Заметим, что северо-восточный ареал ранее принадлежал Тамбовской губернии (Тамбовский край).

Территория центральной части Русской равнины характеризуется тем, что уже в верхнем палеолите здесь появляются первые поселенцы (*Седов В. В.* Гидронимические пласты и археологические культуры Центра: Топонимия Центра // Вопросы географии. Сб. 94. М., 1974. С. 20–33). С середины III тыс. до н. э., с началом эпохи бронзы, на Средний Дон проникают племена из степей Заволжья и Нижнего Дона (*Винников А. З., Синюк А. Т.* По дорогам минувших столетий: Археологи о древней истории Воронежского края. Воронеж, 1990). Они способствуют распространению так называемой «древнейшей культуры», характерной чертой погребального обряда которой являлись надмогильные насыпи — курганы. «С того времени курганы становятся неотъемлемой деталью степного и лесостепного ландшафта» (Там же. С. 113). Остатки этого явления можно наблюдать в топонимии края, отчасти — микропонимии: *Кургán* (село Кутки Грибановского района), *Три Кургánчика* (село Третьяки Борисоглебского района); в долине рек Ворона и Баклуша находится Власовский курганный могильник — *Могýла*, как называют это место жители села (село Власовка Грибановского района).

В начале I тыс. на территорию края стали вторгаться различные кочевые народы: буртасы (*Попов А. И.* Названия народов СССР. Л., 1973. С. 111–121 и др.); позже — печенеги, половцы (*Татищев В. Н.* Избранные труды по географии России. М., 1950; *Цыбин М. В.* Юго-восточная окраина Руси в XII–XIV вв. (по данным археологии). Киев, 1987). В начале нашей эры на обозначенной территории появились первые славяне. В IX–X вв. в пределах современного Воронежского края существовали древнерусские поселения (*Загоровский В. П.* Историческая топонимика Воронежского края. Воронеж, 1973; *Москаленко А. Н., Винников А. З.* Древнерусские археологические памятники на Верхнем и Среднем Дону: Из истории Воронежского края // Труды Воронежского университета. Т. 64. Воронеж, 1966 и др.). «Тамбовский край... в IX–X вв. принадлежал к самым глухим окраинам славяно-русской земли. У насъ были тогда... малолюдныя и разбросанныя русскія поселенія только по Окѣ, Мокшѣ, Воронежу и Дону. Остальное пространство Тамбовской земли, сплошь заросшее на сѣверѣ дремучими лѣсами и на югѣ покрытое неоглядными ковыльными степями, принадлежало Мордвѣ, Буртасамъ и Мещерѣ» (*Дубасов И. И.* Очерки из истории Тамбовского края. Выпуск IV. Тамбов, 1887. С. 5).

Как отмечает А. В. Кожемякин, в период татаро-монгольского ига по реке Вороне проходила граница между Рязанским княжеством, областью Червлёный Яр (Кирсано–Шацк–Карачан–устье Савалы) с государством татар Ак-Ордой (Белой Ордой), в состав которого входила, в частности, Борисоглебская земля — современный Борисоглебский район (Борисоглебское Прихопёрье. Борисоглебск, 2003).

Исследователи также полагают, что в Хоперско-Донском междуречье с конца XIII в. и до последней трети XVI в. обитала группа населения, сложившаяся из нескольких татарских и русских территориальных общин, обладавших некоторой автономией в рамках Золотоордынского государства (*Введенский С. Н.* Червлёный яр // Воронежская сторона. Вып. 5. Воронеж, 1905; *Черменский П. Н.* «Хождение» митрополита Пимена (XIV в.) как источник по исторической географии Подонья // Изв. АН СССР. Сер. геогр. 1970. № 5. М., 1970. С. 95–99; др.). По предположению А. А. Шенникова, в конце XVI в. одна часть этого населения вошла в хоперскую группу донских казаков, а другая — в состав московских «служилых людей». Он считает возможным мирное сосуществование русских и татар в отдельных районах южных степных и лесостепных пространств в период Золотоордынского господства (*Шенников А. А.* Червлёный яр. Исследование по истории и географии Среднего Подонья в XIV–XVI вв. Л., 1987).

В XVII в. край являл собой сложный симбиоз различных социальных пластов. В конце XVII в. в крае уже были укреплены города, остроги, засеки, черты, надолбы, «одинъ нынѣшній Борисоглебскій уѣздъ все еще представлялся дикимъ полемъ и вольною ковыльною степью... Русскіе *починки* были тогда большою рѣдкостью въ нынѣшнемъ Борисоглѣбскомъ уездѣ» (*Дубасов И. И.* Указ. соч. С. 15, 50). XVIII в. явился новым периодом усиленной колонизации территории. Это было связано с тем, что в конце XVII — начале XVIII в. на реках Воронеж, Дон и Хопёр началось строительство военных кораблей после взятия крепости Азов в 1696 г. В XVIII в. появились переселенцы из *северных губерний*, Владимиро-Поволжских территорий и др. (*Загоровский В. П.* Белгородская черта. Воронеж, 1970).

Основу этнического состава населения региона составляли русские. Заселение края шло прежде всего из рязанских, тульских, орловских земель. Этнический состав переселенцев из этих среднеприокских и верхнедонских районов был сложным, будучи результатом взаимодействий раннего славянского населения, впитавшего древний угро-финский субстрат, с более поздними русскими мигрантами, среди которых было немало выходцев из московских и замосковных уездов (*Чижикова Л. Н.* Этнокультурная история южнорусского населения // Этнокультурное обозрение. 1998. № 5. С. 34). Как отмечают И. И. Дубасов и И. Н. Смирнов, в XVI в. присылали в Теллермановский лес мордву и татар для строительства и охраны сторож от набегов степных кочевников на Московское государство. «Южными пределами расселения мордовских племен были земли, омываемые реками Хопром и Тансыреем, в пределах Воронежской и Саратовской губерний. Около середины XVI столетия Тамбовский край, населенный мордвой, в значительной степени обрусел и по своему направлению и по этнографическому составу сделался Московским краем» (*Дубасов И. И.* Очерки... С. 26, 71; *Смирнов И. Н.* Мордва. Казань, 1895. С. 75).

Также на обозначенной территории проживало много украинцев (*Чижикова Л. Н.* Этнокультурная история... С. 17–21). В последней трети XVIII в. украинское население Воронежской губернии делилось на две группы. Первую группу составляли потомки служилых черкас Острогжского полка, они назывались войсковыми обывателями и считались «привилегированными черкасами». Вторую большую группу составляли помещицы черкасы — украинские крестьяне, попавшие в кре-

рованных от основного массива Слободской Украины. Назовем прежде всего работы М. Т. Авдеевой⁸, в частности Словарь украинских говоров Воронежской области⁹. Изучение украинских говоров в единстве с южнорусскими важно с точки зрения решения проблемы диалектного членения русского языка, а также ряда вопросов лингвистической географии (например, таких важных ее понятий, как инновационный центр — периферия языкового ареала и др.). В свою очередь, исследование и историко-этимологическая расшифровка диалектного материала территории, обозначенной в теме работы, невозможны без включения данных украинских говоров, выявляющих близость с русскими говорами при определении и именовании артефактов, явлений окружающего мира и т. д. Более глубокое рассмотрение данного континуума приводит к новым сопоставлениям более широкого спектра. Материал свидетельствует о функционировании в контексте смешанных воронежских говоров диалектной лексики, принадлежащей северно- и западнорусскому континууму.

Материалы подобных исследований вносят свой вклад в изучение процессов эволюции диалектного материала, моделирование архаического ментального пространства, а также в анализ связей и отношений между говорами на территории позднего заселения (Воронежская область и сопредельные), расширяют спектр сопоставимых граней с материалами севернорусских говоров, шире — славянского континуума в целом. Тем самым углубляется представление о соотношении универсального и локального, о характере взаимодействия между языковыми реалиями в контексте общей системы диалекта, а также с общенациональной языковой системой.

постную зависимость к русским и украинским помещикам. «Число помещичьих черкас Воронежской губернии более чем вдвое превышало число русских крепостных крестьян. Помещичьи черкасы составляли в губернии весьма многочисленную социальную группу и уступали (в количественном отношении) лишь однодворцам» (Загоровский В. П. История Воронежского края: От А до Я: Словарь-справочник. Воронеж, 1982. С. 230).

В настоящее время на территории Воронежского края проживают русские, украинцы, цыгане и другие народности.

⁸ Авдеева М. Т. Особенности лексики украинских говоров Воронежской области // Воронежское лингвокраеведение. Вып. 1: Межвузовский сборник научных трудов. Воронеж, 2005. С. 31–36.

⁹ Авдеева М. Т. Словарь украинских говоров Воронежской области: в 2 т. / Воронежский государственный университет. Воронеж, 2008.

Мы не ставим целью дать полное описание лексических соответствий южно- и севернорусских диалектных континуумов. Перед нами стоит задача — показать богатство лексемной номенклатуры смешанных русско-украинских говоров данного ареала, в частности — функционирование наименований разного лингвогеографического статуса.

Основным материалом послужили полевые записи, полученные в ходе диалектологических экспедиций 1997–2009 гг. Также используются данные Картотеки лаборатории региональной лингвистики Борисоглебского государственного педагогического института, личные материалы заведующей данной лабораторией В. Ф. Филатовой. Привлекаются в качестве исследовательской базы «Словарь украинских говоров Воронежской области» М. Т. Авдеевой, «Воронежская мольвь»¹⁰, «Список топонимов на территории Хопёрского государственного природного заповедника»¹¹.

Представляя в целом лексический массив смешанных русско-украинских говоров Воронежского края, следует обозначить ряд его составляющих.

1. Лексический состав изучаемых говоров представлен в основном общерусскими словами: *вода, молоко, голова; ходить, расти, возить* и др.

Функционирование общерусских лексем в украиноязычных говорах Воронежского края характеризуется фонетическими признаками, обусловленными явлениями украинского языка¹².

¹⁰ Воронежская мольвь: Материалы для тематических словарей Воронежского края / под ред. В. Ф. Филатовой. Борисоглебск, 2008.

¹¹ Марченко Н. Список топонимов на территории Хопёрского природного заповедника. Варварино, 2001.

¹² Основные черты вокализма: 1. Характерной чертой является *оканье*. Заметим, что на территории Воронежской области представлены в основном южнорусские акающие говоры, в частности, имеет место недиссимильативное *аканье*: *вада́, травы́, зало́й* (села Третьяки, Танцырей, Воскресеновка и другие Борисоглебского района). 2. На месте старого Ъ («ять») употребляется звук [и], совпавший в русском языке с *e*: *сниу, си'но, хлиб, дид, ви'шат'*. 3. Утрата начального *и* перед согласным на месте древнего *и*, развившегося из сочетания [јь]: *у́бка (иголка), урат' (играть), ура (игра)*. 4. Случай неперехода [э] в [о]: *ба́рэ'зка, опэ'н'ки* и др.

Основные черты консонантизма: 1. Отсутствие ассимиляции по глухости/звонкости согласных в слабой позиции. 2. Аффрикаты [ц] и [ц'], [ч'] и [ч]: *очэ́рэт, па́ляны'ця*. 3. Отсутствие смягчения согласных звуков (кроме шипящих [ж], [ш] и аффрикат [ц], [ч]) перед гласными переднего ряда: *ва́лы'кый, ба́рэ'зка, врэ'мя, прыма́кы'; нэ́сты'*. 4. Наличие вторичного *в* в словах с начальным *о*, изменившим-

Б. Н. Проценко относительно смешанных говоров Кубани пишет, что «фонетическая основа языка сельских жителей степной полосы Кубани и сегодня остается украинской... Иное положение наблюдается в лексике. Здесь, очевидно, можно говорить о вытеснении украинского словаря русским. Причем процесс этот весьма интенсивен... для многих реалий, отсутствующих в данной местности, единственным известным словом оказывается общерусское, часто в русском фонетическом облике: бурелом, ольха, осина, рябина...»¹³.

Фонетические различия не мешают пониманию между диалектоносителями смежных говоров. Например, лексика по теме «Растительный мир»: *Подорожжык нэвысокэ'н'кий. Звэ'рху выкыда'е цвет. Ду'ще на доро'гах ростэ'; У юро'к по яюды'шлы'; Лис — цэ ол'ха', дуп, вэрба'. А сосна — цэ друуэ' ди'ло. Сосна так и называйт'ця сосна* (с. Подосиновка Новохоперского р-на);

«Животный мир»: *Коро'в дои'лы; Свяч'о'ной водо'й ли'чют' и людэ'й, и тэля'т, и вся'ку скоты'ну; Яка'с жи'нка зди'лалас' козл'о'нком; У поко'йной золо'вки хоро'ша ло'шад' була'* (с. Власовка Грибановского р-на);

«Части тела»: *У ма'тэри начя'в нарыва'т' па'лыц'; У ба'т'ка заболит'лы' улаза'; Рука' так и нэ юды'лас'; И я захвора'ла. У мэ'нэ үруд' распу'хла, тэмперату'ра, хот' на сти'нку лиз'; Бу'дто на жыво'ти' було' завя'зано на пэрэ'д* (с. Власовка Грибановского р-на);

глаголы: *Мы уоворы'лы: «Пэрэста'н' пла'кат'»; Ныко'лы ло'жкы нэ убира'й со стола' и нэ мой. Собэры', сложы' в салхве'тку и положы' в стака'н* (с. Власовка Грибановского р-на) и др.

2. В результате взаимодействия со смежными южнорусскими говорами в украинских говорах активно закрепились лексические русизмы, относящиеся к бытовой сфере, сельскохозяйственному производству и т. д. Это способствовало развитию синонимической системы. Многие из лексических единиц оказались дублетами украинских вариантов. Например: *спры'зьба — завалинка, пи'вынь — петух (питу'х) — кочет (ко'чит), горобэ'ц' — воробей,*

ся в и: *викно'* (окно), *вивця'* (овца). 5. Остаточны представлены аффрикаты *дз, д'з', дж, д'ж'* (в соответствии с глухими *ц, ч*): *бд'ж'блка* и др. 6. На месте твердого [л] в закрытых слогах и на конце слова представлен неслоговой *и*, который на письме передаем буквой *в*: *вовк, товстий, жовтий; ходыв*. 7. Звук *в* в начале слова перед утратившимися редуцированными изменился в *у*: *усих* и др.

¹³ Проценко Б. Н. О статусе кубанских говоров... С. 69–70.

чѣбот — сапог и др. (*Питу'х: и пи'вын', и питу'х, а ко'чит — сэ в сосе'дним сили', в рубаря'х, у москали'в, мы их москаля'м зовэ'м, а мы ш хахлы'*); *Горобэ'ц'* — сэ *варабе'й* (с. Макашевка Борисоглебского р-на); *Завалинка* — эт *спры'з'ба*. *Насыпа'лы наво'зу на' зиму, я по'млю; У мэ'н је' уну'к в Москви'. Он ка'жэ: «Ба'бушка, зау'дуй мэни' зау'дки, а я в Москви' бу'ду зау'дуют'. Оцэ' отуада'й. Чи бала'каши ты по на'шом? Вы'дэры уоробця'. Цэ ж — воз'мы' вороб'я' з унэзда'* (с. Власовка Грибановского р-на); *Чиба-то'к, эт име'йт фо'рму в ви'дь сапау', а па на'шыму, пѣ-хах-ля'ч'и, ч'о'баты нѣзывают', а эт зна'чит в ви'де сапау', е'сли па ру'ски сказа'т'* (с. Кутки Грибановского р-на).

Следует учитывать и социолингвистический аспект. В речи старшего поколения, в частности не имеющего высшего образования, доминантным оказывается «материнский язык». Например, в с. Власовка Грибановского р-на: *За'слинка* — *ото' у пич' закры-ва'ют', пѣ'чку закрыва'ют', а по ру'с'ки я нэ зна'ю. А так мы называ'лы за'слинка* (М. В. Ивченко, 78 лет, 7 классов образования); *Je' Осы'ково, цэ там ростэ' осы'ка* [осина] (П. Е. Ерёменко, 98 лет, образование 2 класса). В речи старшего поколения можно также наблюдать функционирование лексики, имеющей архаический характер и, соответственно, практически неизвестной среднему и молодому поколению. Например: *В той рик [год] собы-ра'лыся. Но тых бакти'с'тив розоуна'лы* (П. Е. Еременко, 98 лет, образование 2 класса; с. Власовка Грибановского р-на).

3. Полевые данные еще раз подтверждают тесные связи южно-русских, в частности воронежских, диалектов с говорами западной зоны. Например, лексема *артюха* представлена в значении «неопрятный, неповоротливый»: *Ух, ты й артю'ха!* (с. Старомеловая Петропавловского р-на); *Иды сюда, артю'ха, я почи'стю туби'кустю'м* (хутор Гринёв Калачеевского р-на). В СРНГ *артю'ха* «разухабистый человек, головорез» дается с пометой Смол. Ср. также: *артю'шка* «оборванец» (Дон.).

Имжы'т' в значении «моросить» широко манифестируется анализируемыми говорами: — *Шо там на двори — дощ? — Та так, шос' имжы'т'* (Богучарский, Петропавловский, Грибановский и другие районы). Также *имжы'ч'ка* «морось»: *На двори туман и така якас' имжы'ч'ка* (Богучарский р-н). В СРНГ *имжи'ть* «моросить (о мелком дожде)» (Калуж., Тул., Курск., Смол., Зап.-Брян.); *имжи'ца* «мелкий дождь, туман; изморось» (Зап.-Брян., Ставроп.). Реализацией данной единицы являются *мгичка, мжичка*, широко

представленные на исследуемой территории и в целом в контексте южнорусских говоров и говоров Западной зоны (см. СРНГ).

Лексема *ка'вкать* представлена в исследуемых говорах в значении «мяукать»: *Чоуо' ты ка'вкаеш — чи жу'сты хочеш? Так мы й самы' ж ще ны жу'лы* (с. Старотолучеево Богучарского р-на). Данная единица, как показывают авторы СРНГ, широко бытует на территории распространения северных и западных говоров: *ка'вкать* «издавать звуки, кричать звукоподражательно (о галке)» (Смол.), «мяукать (о кошке)» (Арх., Сев.-Двин., Волог., Брян., Перм., Свердл.), «лаять, тьявкать (о собаке)» (Лодейноп., Олон.), «издавать звуки» (Олон.), «пищать» (Арх.), «кричать» (Сев.-Двин.), «тихо стонать» (Смол.), «очень тихо говорить» (Смол.), «твердить одно и то же; много, надоедливо говорить» (Олон.), «кашлять» (Волог., Тобол., Енис., Сиб., Яросл.) и др. Известно белорусское *каўкаць*, также украинское *кавкнути*.

Название кордона в районе с. Ульяновка Борисоглебского р-на *Топ'ило* соотносимо с диалектными *топь*, *топéль*, *топéлица*, *топéлина* «топкое, вязкое место, болото», фиксируемые Далем с пометой пск.; ср. также: *топило* «глубокое топкое место на болоте», «небольшое озерцо среди болот»; *топина* «проходимое (брян.)», «трясина» (пск.); *топливо* «топкая земля» и др.¹⁴ У Э. М. Мурзаева *топило* представлено в значении «поглощающий колодец, карстовый провал» при рус. *топь* «болото», «труднопроходимое или вовсе не проходимое место», польск. *top*, *topiel*, *topiela* «глубокое место в воде», «бездонная глубина», *topelisko* «болотная почва»¹⁵. Сюда же примыкает и зафиксированная номинация *Топольки́* — собственное название баклужи в районе с. Васильевка Грибановского р-на (соответственно к *топь*).

По материалам Э. Мурзаева, *качалка*, *качка*, *качь* «топкое место, трясина, зыбкое болото» выступают как сев.-зап.¹⁶; *качь* «трясина, топь» с пометами пск., твер. отмечено в словаре В. Даля. В районе с. Васильевка Грибановского р-на нами зафиксировано название озера *Качéли*, имеющего ту же самую образующую (*Дайд'о'ш нэ бурило'му, нэкачя'йшьсь. Качя'тиць итти'. Каче'ли — о'зирь тако'йь*).

¹⁴ Толстой Н. И. Славянская географическая терминология: семасиологические этюды. М., 1969.

¹⁵ Мурзаев Э. М. Словарь народных географических терминов. М., 1984.

¹⁶ Там же.

Полевые данные позволяют расширить ареал функционирования той или иной лексической единицы.

Например, в СРНГ лексема *изуро'чить* (*изуро'чивать*) представлена с географическими пометами Амур., Иркут., Южн. Урал. в значении «уродовать, обезобразивать», с пометами Вят., Иван., Влад., Яросл., Костром., Волог., Сев.-Двин., Арх., Новг., Пск., Смол., Саратов., Перм., Оренб., Свердлов., Челябин., Урал., Заурал., Курган., Тобол., Алт., Том., Кемер., Зап.-Сиб., Сиб., Енис. и др. в значении «причинять вред дурным глазом, колдовством», с пометой Бурят. АССР в значении «приводить в негодность, ломать», также с пометой Амур. в значении «испугать». В смешанных воронежских говорах также функционирует данная лексическая единица в значении «причинить вред колдовством, навести порчу»: *Шоб двир нихто' ны изуро'чив, нужно ... осы'нови ко'л'ля вбыва'т' в читьр'ех уулах; У нас одна жинка була — йији' изурочили ны сва'д'би прямо. Та ны так изурочили, шо она родыла тр'ех дитышок и осли'пла* (с. Власовка).

Отметим тот факт, что общая лексика с западным ареалом может иметь различные рефлексy в воронежских говорах, с одной стороны, и западных — с другой, например, лексема *бу'кало* в смешанных говорах Воронежской области функционирует в значении «выть»: *На'ши хло'пци одын раз поймалы бу'кало и прынэслы' в школу* (с. Лосево Павловского р-на). По материалам СРНГ *букало* «колокольчик, подвизываемый скоту на шею» (Пск.).

4. Предыдущее замечание справедливо и в отношении диалектной лексики (как общерусского, так и субстратного характера), общей с севернорусскими говорами. При общем выражении манифестирующих лексем имеем, с одной стороны, различные рефлексy в воронежских смешанных говорах и соответственно севернорусских, а с другой — можно наблюдать незначительные семантические сдвиги в структуре рефлексyрующих единиц.

Например, слово *пешня'* в говорах Воронежского края функционирует в значении «рыболовецкая снасть, с помощью которой раскалывают тонкий лед». М. Фасмер *пе'шня'* «лом, которым колют лед» приводит с пометой арханг. В словаре Даля *пешня* фиксируется в значении «долото для долбления ульев». М. Фасмер рассматривает данную манифестацию в контексте польск. *piesznia, pies'nia* «инструмент пасечника» со ссылкой на Брюкнера, также с **pest-или *р'х*¹⁷. По материалам СРНГ, *пе'шня'* имеет преимуществен-

¹⁷ Фасмер М. Этимологический словарь...

но северо-западную рефлексю: «лом для колки дров» (Прионеж. КАССР), «вбитый в прибрежный лед железный лом, за который крепится род гарпуна, используемого при моржовом и белужьем промысле» (Арх.), «вбитый в землю кол, за который крепится канат при причаливании судна, плота» (Волж.), «большая игла» (Кабан. Бурят. АССР), « жало насекомого» (Новосиб.), «подставка для лучины — светец» (Новосиб.), только в значении «род долота с длинной рукояткой для долбления ульев, желобов, глубоких пазов и т. д.» данная лексическая единица зафиксирована как орловская и в значении «ручная трамбовка» как московская (СРНГ).

Значительный пласт лексических единиц, общих как для воронежских, так и для севернорусских говоров, образуют местные географические термины. В с. Васильевка Грибановского р-на часть полей имеет партикулярное название *Быки́*, или *На Быка́х*. Лексема *бык* толкуется В. И. Дьяковой и В. И. Хитровой как «узкий обрывистый мыс между двумя оврагами»¹⁸; Э. М. Мурзаев также приводит *бык*, *бычо́к* «узкий обрывистый мыс между двумя отвершками оврага, балки на юге Воронежской области» (со ссылкой на Милькова); «плоский равнинный участок между вершинками двух оврагов» (ряз.)¹⁹. В то же время СРНГ отмечает данную лексическую единицу исключительно в качестве севернорусской: «большой, круто выдающийся утес по течению северных, сибирских рек и на Байкале» (Иркут., Арх.), «порог на реке» (Вят.).

Или: *дыбу́н* в исследуемых говорах отмечен в значении «непроходимое болото»²⁰. По материалам СРНГ, *дыбу́н* «топкое, непроходимое болото, тряси́на» (Арх., Печор., Кольск. Перм., Зауралье), «глинистое место, поросшее мхом, тростником» (Олон.).

Воронежским говорам известна и такая лексема, как *за́берег*, в значении «незамерзающее место у берега водоема»²¹. В северном континууме и смежных зонах данная лексема представлена в следующих значениях: «прибрежная полоска земли» (Арх.), «часть берега» (Симб.), «очистившаяся ото льда часть реки или озера у берега» (Олон., Перм., Иркут.) и др., также *за́берега* «низкий луговой берег» (Вост.-Сиб.), «прибрежная часть реки или озера» (Перм., Олон.), «вода, выступающая из-под льда у берегов реки

¹⁸ Дьякова В. И., Хитрова В. И. Воронежская географическая лексика в ареальном аспекте // Проблемы русской лингвистической географии. СПб., 1992. С. 52.

¹⁹ Мурзаев Э. Словарь...

²⁰ Дьякова В. И., Хитрова В. И. Воронежская географическая лексика... С. 52.

²¹ Там же.

во время прилива или в половодье» (Арх., Волхов и Ильмень и др.), «незамерзшие места по берегам рек в начале зимы» (Тобол.) и др.

5. Субстратная неоднородность южнорусских говоров, в частности смешанных говоров Воронежского края, позволяет выделить такие древние языковые пласты, как иранский, финно-угорский и тюркский (характерные для всей территории бассейна Среднего Дона). Субстратные единицы обнаруживаются прежде всего в рамках гидронимии региона, что в свое время послужило источником научных работ по этимологии собственных названий гидрообъектов. Тем не менее полевые материалы позволяют говорить о существовании в рамках обозначенного ареала субстратной, финно-угорской и тюркской, лексической составляющей (немногочисленной), дающей сходные рефлексy с севернорусским континуумом.

Результаты данной статьи могут быть использованы при решении некоторых вопросов этногенеза южных говоров. Отметим, что в данной работе не ставится целью провести этимологические разыскания. Продемонстрировав некоторые лексические соответствия между севернорусскими и южнорусскими говорами (последние представлены на материале русско-украинских смешанных говоров Воронежской области), мы надеемся на дальнейшие исследования этимологов в этой области.

По времени возникновения на территории Среднего Дона более ранним является ф и н н о - у г о р с к и й пласт субстратной лексики (после иранского субстрата).

Например, на территории смешанных говоров Воронежской области отмечена лексема *майна*. Авторы работы «Воронежская молвь» представляют единицу *ма'йны* в значении «большие льдины, разбиваемые пешней при зимне-весеннем лове рыбы»²². Очевидно, данная лексема функционирует в значении «прорубь, которая используется при рыбной ловле». Ср. иллюстративный материал: *Пешни' с сабо'й, э'тгъ, там ужэ' бур ни ну'жэнь, тут пишн'о'й раскала'чивают ауро'мныи ма'йныи, ко'лют, и, или, и патса'ки таки'йь здаро'выи урибу'т, э'тих щюк. Да, да, ва л'ду, да, да*. В севернорусских говорах по материалам СРНГ *майна*, или *маина*, определяется как «полынья; глубокое, не застывающее зимою место на реке, озере» (Вят., Перм., Арх., Олон., Ленингр.), «открытая вода между плавающими льдинами» (Север.), «яма в толще льда реки, куда пропускалась вода для красной рыбы, чтобы не

²² Воронежская молвь... С. 73, 74.

заморозить ее во время багренья» (Урал), выборочная *майна* «прорубь, из которой при подледном лове вынимают невод» (Том., Новосибир.), а также «большая лужа» (Холмог. Арх.), «часть реки ниже плотины» (Том.) и др. В свою очередь С. А. Мызников приводит два значения слова *майна*, которые эксплицируются в говорах Обонежья: 1. «незамерзающее место в реке, озере, полынья, промоина»; 2. «прорубь для подледного лова»²³. Ученый отмечает широкое распространение данной номинации в северных говорах в значении «прорубь для подледного лова» (печорские говоры, территория Вологодской губернии, Кировская, Архангельская, Томская и другие области). По данным Шмелева, *майна* употребляется в южнорусских документах с 1654 г. С. А. Мызников подробно рассматривает этимологические соответствия единицы в контексте прибалтийско-финского происхождения с оговоркой на возможность славянских корней²⁴.

В рамках определенного в теме локуса функционирует множество собственных композиционных наименований, включающих в свой состав такую единицу, как *музга*: *Долгая Музга, Кулёва Музга, Минаева Музга, Чурюкова Музга, Лебяжья Музга, Таволжанская Музга* (поляны, заливаемые во время весеннего разлива; Новохопёрский р-он). В качестве местного географического термина *музга* зафиксирована в с. Танцырей Борисоглебского р-на: *У ка' жнѣвъ, ф ка' жнѣм дваре' была' свая' ло' шѣт'. И вот, значит', ден' на ло' шѣди рабо' тѣт', а на' нѣч' бяру' т' свая' ло' шѣт', садя' тѣѣ на нѣ вярхо' м и е' дут' туда', к э' тѣму е' рѣку и пасу' т' там фсю ноч' сваи' х лѣшаде' ѣ, пасу' т' и кѣрау' лют' лѣшаде' ѣ. И вот яво' назва' ли Ко' нный е' рѣк. А пато' м ат э' тѣѣ Ко' ннѣѣ нѣчяла' с' музуа'.* Там ляуу' шки (Д. С. Попов, 77 лет, образование 5 классов). По материалам Атласа субстратной и заимствованной лексики русских говоров Северо-Запада лексема *музга* фиксируется в значении «кустарниковая ива; заросли ивы» в говорах Новгородской области²⁵. Автор работы указывает на трудности оценки этимологического характера вследствие неясности западных границ ареала данной номинации при возможной

²³ Мызников С. А. Русские говоры Обонежья: ареально-этимологическое исследование лексики прибалтийско-финского происхождения. СПб., 2003. С. 324–326.

²⁴ Там же.

²⁵ Мызников С. А. Атлас субстратной и заимствованной лексики русских говоров Северо-Запада. СПб., 2007. С. 39.

связи слова с *музга* «лужа, мелкое пересыхающее озеро; пруд, сырая низина; степное озеро»²⁶.

Слово *алёх*, отмеченное в континууме функционирования смешанных воронежских говоров, соотносимо с *алес*, *алёс*, также *альсавина*, *олес*, *ольс* «мокрое место, торф, торфяное болото, мочажина, влажный луг, топь», которые Э. Мурзаев приводит как белорусские и русские диалектные материалы Запада и Северо-Запада РСФСР. М. Фасмер соотносит с латыш. *alksna* «болотистое место», «ольшаник»; ср. литов. *alksna* «лужа», «место, поросшее ольхой»²⁷. Э. Мурзаев отмечает также *ольс* в значении «болото с зарослями ольхи, частично березы»; *олех* «топкое болото с ольховыми зарослями»; польск. *ols* «заболоченный лес»²⁸. *Ольховник*, *ольшняк*, *олёшник*, *ольшаник*, *елбшник*, *елишаник*, *елишнник*, *ольховинник* в словаре Даля зафиксированы в том же значении, что и рязанское *олёх* «лес, роща»; «ольховые брёвна, дрова». В СРНГ как воронежская фиксируется номинация *олёх* в значениях «ольха» (также Курск.), «ольховый лес» (также Ряз., Тамб., Курск.), «лесное болото, поросшее ольхой» (также Пск.), «лес, растущий по болоту», «сосновый лес», «лес (любой)»; как орловское в значении «название луга». В свою очередь *алёс*, *алёх* в значении «мокрое, топкое место, заболоченный луг» отмечено по материалам СРНГ как смоленское. Авторы сравнивают с латыш. *alohts* «источник, ключ». На северо-востоке Воронежской области зафиксировано имя собственное *Алёх* — наименование луга, расположенного в низменном месте и заливаемого во время весеннего разлива водами реки Карачан. *Па пра'вую сто'р'гну Сре'дн'в'з К'б'рач'яна р'сп'глау'й'ьтц'з ауро'мный тако'й лух, з'гливно'й, н'з'ыва'й'ьтц'з он Ал'о'х* (с. Средний Карачан Грибановского р-на). В с. Богана того же района аппелятив *алёх* имеет значение «болотистое, топкое место».

Ю. Г. Королева указывает, что на периферии южнорусской местной географической терминологии остаются иноязычные слова²⁹, например *пудас* в значении «залив» в контексте смешанных говоров Воронежской области. С. А. Мызников подробно рассмат-

²⁶ Фасмер М. Этимологический словарь...

²⁷ Там же.

²⁸ Мурзаев Э. Словарь...

²⁹ Королева Ю. Г. Топонимия южновеликорусских отказных книг первой половины XVII в. (проблемы топонимической системы): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2002. С. 12.

ривает функционирование лексем *пу'да'с*, *пу'дос* на материале различных печатных источников³⁰. В Опыте *пу'дас* — «рукав реки, протоки», в словаре Куликовского приводятся материалы Барсова *пуда'с* «залив или узкий пролив в реке» и др. Ср. фин. *pudas* «речной залив, рукав, пролив». Кузмищев в своих материалах сделал пометку «с карельского». Калима, приводя кар. *pivaas'*, ген. *pudahan*, фин. *pudas*, предполагает вепсский источник. Фасмер, вслед за Калимой, поддерживает мнение о заимствовании из вепсского языка. С. А. Мызников придерживается саамской версии заимствования³¹.

Приведем примеры манифестации смешанными воронежскими говорами лексемы тюркского происхождения, общей с севернорусским ареалом. В качестве такой единицы В. И. Дьяковой и В. И. Хитровой приводится широко распространенный географический термин в смешанных воронежских говорах *талы'* «ивовые заросли»³². *Пас'ко'в'йь* — *эт бало'та, ано' улубо'к'йь, ат Вла'с'фки дал'о'ка. Пишко'м туда ни хо'д'ят. Лес с одно'й ст'раны', з друу'й хво'р'ст тала'ми раст'о'т'* (с. Власовка Грибановского р-на); *Папо'ф е'рик, он када'-та был улубо'кий, а пато'м з'тяну'льс. Пато'м на'ч'лы пр'роста'т' талы'* (с. Танцырей Борисоглебского р-на). Наименования ивы *таволга*, *таволжанка* и др. легли в основу многих собственных наименований региона, например речки *Таволж'ановки* (с. Кутки Грибановского р-на). В словаре Даля *талина*, *тал*, *талá*, *тадьник* — «кустовая ива, ветла». С. А. Мызников указывает на тот факт, что тюркские заимствования в наименованиях ивы фиксируются только в костромских говорах Северо-Запада, это лексемы *талина*, *тадьник*³³. Е. Н. Шипова приводит в качестве источника татар., казах., кирг., алт. *тал* «ива, верба»³⁴.

6. Отдельные лексемы, функционирующие на территории южнорусского ареала и являющие собой лексические соответствия, порой омонимичного характера, севернорусским, рождают вопросы относительно этимологической составляющей одних и других. Это лексика, имеющая темную этимологию.

³⁰ Мызников С. А. Русские говоры Обонежья... С. 273–274.

³¹ Там же.

³² Дьякова В. И., Хитрова В. И. Воронежская географическая лексика... С. 52.

³³ Мызников С. А. Атлас... С. 38.

³⁴ Там же.

Например, С. А. Мызников в работе «Атлас субстратной и заимствованной лексики русских говоров Северо-Запада» указывает на неоднозначное решение вопроса соотношения лексемы *шultzга* с *шо'льга*, *шо'льник*, имеющие широкий ареал в Обонежье, Кругопожье, Белозерье, на территории Костромской области и при вепском *šol'l'od* «водоросли», *šol'l'paik* «место, где растут водоросли»³⁵. В с. Власовка Грибановского р-на Воронежской области, где функционирует украинский говор, зафиксирована лексема *шultzга* в значении «хворост»: *Вэ'ршы плылы', як кашо'лка. Вэ'ршу плэту'т' с хворосту' тонэ'н'коу, из шultzы'* (М. В. Ивченко, 79 лет, образование 7 классов). Омонимичный характер имеет апеллятивная составляющая партикулярного имени *Шultzгівка* (ул. Красная Звезда в с. Чигорак Борисоглебского р-на), образованного на основе прозвища Шульга (то есть «левша»). Ср. *шулепá*, *шultzá* (перм., арх.) «левая рука», «левша» в словаре Даля; *Шultzга*, *Шultzгин* «левша»³⁶.

В том же Атласе единица *хо'ка* «нечистый дух» приводится среди прочей автохтонной лексики финно-угорского происхождения, функционирующей на территории Новгородской области. Выделяемый пласт лексики не фиксируется в других ареалах, отмечает С. А. Мызников, «хотя возможно в редких случаях дополнение территорий смежных говоров Псковской и Тверской областей»³⁷. Проводится этимологическая параллель с карельским *hökki* «дурак, болван, простофиля» при следующих лексических соответствиях *ке'гря*, *те'гря* «черт, нечистая сила» (Валд., Окул.), *ке'гря* «старый мужчина, старик» (Борович.), *те'гря* «страшилище, которым пугают детей» (Валд.), при кар. твер. *kegri* «ряженный в древний осенний праздник, связанный с завершением аграрного цикла, страшилище, которым пугают детей», кар. *kekri* «старый осенний праздник, „кекри“, окончание полугодия в прошлом», «человек, наряженный пугалом», «изображение старика, помещенное в углу избы на празднование „кекри“»³⁸. Однако в ходе экспедиции 1997 г. в украиноязычном с. Власовка Грибановского р-на Воронежской области нами была зафиксирована та же еди-

³⁵ Там же. С. 72–73.

³⁶ Унбегаун Б. О. Русские фамилии. М., 1989.

³⁷ Мызников С. А. Лексика финно-угорского происхождения в русских говорах Северо-Запада (этимологический и лингвогеографический анализ): автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2003. С. 29.

³⁸ Там же.

ница в значении «мифологическое существо, которым пугают детей»: *Як ди'ты пла'чют', мы уоворы'лы: «Пэрэста'н' плакат'. Кто идэ', хоба идэ', вóз'мэ тэбэ'»* (Е. П. Ефимова, 98 лет, образование 2 класса, коренная жительница села). В говорах Воронежского края (как в южнорусских, так и украинских) используется повсеместно в названном значении слово *бабай* (лексема, широко представленная на всей территории функционирования русских говоров). Следует также указать на омонимичную лексическую единицу — имя собственное *Хо'ка*, отмеченное в речи диалектоносителей данного населенного пункта: *Хо'ка, уде Ми-чю'рины ба'ба Ка'ть жыла'. Эт муж иё Стёпа Хо'ка*. В «Словаре русских личных имен» А. В. Суперанской приводится *Хо'ка* как разговорный вариант имени *Фо'ка*³⁹. Таким образом, остается открытым вопрос этимологического происхождения или проникновения данного слова в украиноязычный континуум Воронежской области.

В работе «Список топонимов на территории Хопёрского государственного природного заповедника» названия озер *Кужное* и *Кужичек* (*Кужнечек*) соотносятся автором с *кужа* «плетеная воронка для ловли рыбы» со ссылкой на Фасмера⁴⁰. М. Фасмер вслед за Калимой указывает на славянскую основу единиц *кужа* «плетеная воронка для ловли рыбы» и *кужня* «плетеная корзина»⁴¹. В СРНГ *кужа* толкуется как «рыболовный снаряд из прутьев в виде конусообразной корзины» (Твер., Калинин., Ярослав., Новгород., Олон., Север.), *кужня* «корзина, корзинка» (КАССР, Новгород., Твер., Олон.) и др. В то же время В. А. Семушкин, анализируя подобные омонимические единицы, указывает на мордовский гидроформант *кужо*, *кужа* «поляна»⁴².

Таким образом, в качестве лексической составляющей континуума смешанных воронежских говоров выступает лексика, общая с севернорусским ареалом. В частности, интерес представляет лексика, темная с точки зрения этимологии, что ставит перед учеными новые вопросы относительно происхождения лексических соответствий подобного рода.

³⁹ Суперанская А. В. Словарь русских личных имен. М., 2003.

⁴⁰ Марченко Н. Список топонимов...

⁴¹ Фасмер М. Этимологический словарь...

⁴² Семушкин В. А. Гидронимия Среднего Дона: номинационный и словообразовательный аспекты: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2000. С. 13–14.

E. Syanova. About some lexical correspondences of southern Russian and northern Russian dialects (as an example, the Russian-Ukrainian dialects of the Voronezh region)

The study of mixed southern Russian dialects, in particular the Voronezh dialects, presents a special interest from the point of view of the interference of Russian and Ukrainian dialects. The lexical composition of the given dialects is presented on the whole by general Russian words, the function of which is defined in Ukrainian-speaking villages by phenomena (phonetic and morphological) of the Ukrainian language. Interaction of Ukrainian dialects with southern Russian allowed for the development of synonymic system, doubling (*спрызьба* – завалинка, *сокыра* – топор, *драбына* – лестница, etc.). In the language continuum of the presented dialects it is possible to single out a layer, characteristic for northern Russian and western dialects. On the territory of the Voronezh region in the context of mixed Russian-Ukrainian dialects a substratic lexicon of Finno-Ugric (*майна*, *музга*, *алёх*, etc.) and the Turkic origin, as well as a lexicon, opaque from the point of view of etymology (*шутьга*, *хока*, etc.) and having reflexes also in the northern Russian continuum.

Keywords: Russian-Ukrainian dialects, lexical correspondences, interference, synonymic system, lexical doubling.

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ МИР НАРОДНОЙ МИФОЛОГИИ РУССКОГО СЕВЕРА: СОДЕРЖАТЕЛЬНОЕ И СЕМИОТИЧЕСКОЕ СООТНОШЕНИЕ ВЕРБАЛЬНОГО И ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОГО КОДОВ

В статье рассматривается специфика экспликации мифологических образов и сюжетов, зафиксированных на Русском Севере в XIX–XX вв. в вербальном и изобразительном кодах.

Ключевые слова: мифология, образ, сюжет, вербальный код, визуальный код, семантика, семиотика.

Комплекс традиционных народных представлений, в известной мере условно называемых мифологическими, актуализируется в отечественной и мировой культуре в различных семиотических кодах — вербальном, акциональном, музыкальном и изобразительном. В новое время, в XVIII–XXI вв., сведения о фантастическом мире представлены почти исключительно в вербальном коде — это записи устных народных рассказов, спонтанной речи и произведения некоторых малых жанров фольклора. Изобразительный код в этой сфере народной культуры представлен наименее выразительно, по крайней мере, в той его части, которая дошла до нашего времени.

В ранние периоды изобразительный код имел гораздо большее значение. В этом можно убедиться, если обратиться, например, к книге Б. А. Рыбакова «Язычество Древней Руси» (М., 1987). В первую очередь мифологическую семантику в изобразительном коде раскрывали предметы культа и быта. До нашего времени мифологическую семантику остаточно сохранили некоторые произведения прикладного искусства, элементы украшения домов (солнечные и громовые знаки, «фараонки» на фронтонах домов, изображения

конских или лосиных голов на коньках крыш), вышивки, отдельные элементы росписи на бытовых предметах (например, пряхках), народные глиняные и деревянные игрушки. Отдельные сюжеты и образы народной мифологии нашли отражение в народном лубке, но таковых немного. В большей своей части лубочные картинки содержат образы книжного происхождения, проникшие, однако, и в народную среду. Таковы, например, изображения рыбы Мелузины, райских птиц Сирина и Алконоста¹. Изучением феноменов народной культуры, представленных в различных кодах, занимаются преимущественно специалисты различных направлений, научные интересы, методы и задачи которых хотя и соотносятся, но и различаются в значительной степени.

Существует мнение, что бесписьменная культура обладает большей глубиной и устойчивостью культурной памяти, чем письменная². Это объясняется сакрализацией неписменных форм культуры, прагматической ролью ее феноменов в регламентации жизни человека. Очень большую историческую устойчивость и архаичность можно наблюдать в феноменах, актуализированных в изобразительном коде, даже если не иметь в виду археологические материалы. Таковы, например, вышивки на современных предметах, изготовленных в наше время вполне современными машинными методами. Приводим прорись орнамента с предмета постельного белья (пододеяльника), изготовленного в наше время на текстильной фабрике Вологодчины (рис. 1) Неподготовленный человек видит лишь узор, но известная погруженность в традицию дает возможность увидеть в орнаменте абстрагированную фигуру в позе рожавшей женщины, которая, возможно, и есть известная из древнеславянских памятников «рожаница». Таким образом, перед нами выполненное в условной манере традиционное изображение древнеславянской богини плодородия. (Примеры других традиционных узоров на вышивках см. в указанной книге Б. А. Рыбакова.)³

Сведения о народных мифологических представлениях в вербальном коде целенаправленно собирались в XIX–XX вв. Они также весьма архаичны по своим глубинным мотивам, но в сюжетных деталях и речевых средствах приближены ко времени их фиксации.

¹ Лубок: Русские народные картинки XVII–XVIII вв. / сост. Ю. Овсянников. М., 1968. С. 80–81, 83, суперобложка.

² Ян Ассман. Культурная память. М., 2004. С. 11–13.

³ Рыбаков Б. А. Язычество Древней Руси. М., 1987. С. 676, 748 и др.

Примером этому может служить быличка, записанная в Тверской области, повествующая о том, что на месте гибели разбившегося мотоциклиста были найдены три куриные ноги, что не было воспринято жителями как случайность, а вызвало мистический страх у видевших это и у всех, кто об этом узнал, хотя конкретное объяснение этому страху никто дать не мог. В быличке, с одной стороны, фигурируют реалии нашего времени — мотоцикл, названия ныне существующих деревень, с другой — древнейший мотив, известный нам по памятникам XII–XIII вв., согласно которому духи мертвых являются в виде птиц, существ, оставляющих «куричьи» следы.

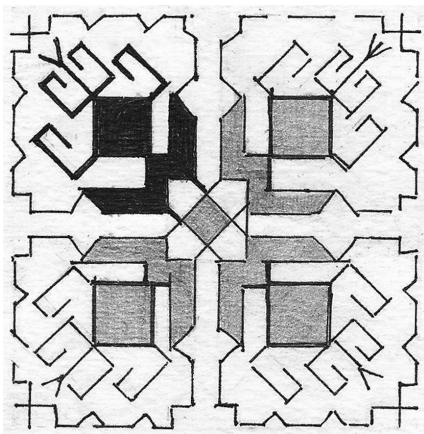

Рис. 1. Орнамент с «рожаницей»

Образы и сюжеты фантастических представлений и в вербальном, и в изобразительном кодах могут быть представлены в рамках традиционной народной культуры (о чем речь шла выше) или могут выйти за ее пределы и реализоваться в сфере общенациональной культуры. Во втором случае, если иметь в виду вербальный код, это прозаические или авторские поэтические произведения, в которых или пересказывается народный сюжет (например, стихотворение И. А. Бунина «Белый олень», основанное на народной легенде (позже сказке) о Белом олене — золотые рога), или актуализируется мифологический мотив в авторских коллизиях, образах и построениях (например, повесть В. Распутина «Прощание с Матерой»). Если обратиться к реализациям мифологических образов и сюжетов в изобразительном коде, то это произведения В. М. Васнецова, И. Я. Билибина, некоторых современных художников (например, серия мифологических образов в исполнении художника Б. Забирохина). Практически у всех художников материалом для изобразительного воплощения служат в первую очередь образы, а не сюжеты. Таковы работы И. Билибина «Леший», «Домовой», «Кикимора», «Кикимора болотная» и др. Фантастичность образа подчеркивается или деталями изображения

(например, лохматость, «еловость» и замшелость лешего при общем антропоморфном его облике), или стилизацией под народное творчество, в том числе приемом примитивизации изображения. Однако нельзя сказать, чтобы народные мифологические воззрения получили сколько-нибудь полное и широкое отражение в творчестве художников.

В семиотическом аспекте вербальные и изобразительные тексты народно-мифологической семантики объединены существенными признаками: это реальность знака при виртуальном характере означаемого, который представляет собой мыслительный конструкт, а также символичность и прагматичность образа и сюжета в контексте культурной парадигмы. Культурная память сохраняет образы и сюжеты мифологии именно в силу их символического содержания и значимости в формировании шкалы ценностей и картины мира в традиционном народном сознании. Диалектика мифологического материала заключается в возможности многообразных форм экспликации традиционно схематичного, устойчивого и символического по своей глубинной сущности содержания. Это обеспечивает его сохранность во времени и является стимулом для все новых и новых творческих его воплощений, преимущественно в вербальном, но также и в изобразительном кодах.

Изобразительный код в определенных отношениях беднее вербального в интерпретации материала. Вместе с тем у него есть свои преимущества в изображении объекта, который не существует в реальности, является плодом фантазии и имеет черты, не свойственные окружающей нас действительности. Зрительное воплощение такого объекта часто является более интересным, информативным и выразительным, чем словесное. В отдельных случаях художник берет на себя задачу дать образное воплощение таких сюжетов и персонажей, которые в вербальном коде имеют фактически «нулевую» интерпретацию и представлены лишь одним наименованием. Таковы, например, крикливцы, криксы-вараксы. В заговоре от ночного крика у детей есть фраза: «Вы, криксы-вараксы, уходите за леса дремучие, за горы высокие, в болота зыбучие...» Практически невозможно словами передать, что представляют собой криксы-вараксы, но изобразить их помогает творческая фантазия художника. Изобразительный код в чем-то обедняет восприятие образа, потому что задает, в какой-то мере «навязывает», его интерпретацию, но и обогащает, так как дает зрительную интерпретацию при отсутствии вербальной.

Рис. 2. Пожар

Изобразительный код имеет возможность «развернуть» словесный текст, сделать его многоплановым и неоднотонным. Например, зрительное развертывание примет: «Если в деревне появится незнакомая женщина в красном казакине или рыжая лиса — быть пожару» (рис. 2), наглядно представляя мифологические причину и следствие явления, усиливает прагматику мотива. Вместе с тем очевидно, что в современных условиях изобразительный код в большинстве случаев не может быть актуальным без словесного. Очень важно, чтобы смена одного экспликационного кода на другой,

«развертывание» словесного текста было основано на глубинном знании материала. Только при этом условии изобразительная интерпретация может обогатить словесный текст. Например, записан приговор-заклинание, бытующий у поморов. Если парусное судно в море застал штиль, то надо произносить слова «Беля, беля, белолапко» до тех пор, пока не поднимется ветер и на море не появятся волны с белыми гребешками. В изобразительном представлении туча, поднимающаяся над безветренным морем, имеет форму зверька из породы кунных с белыми лапами. Такая интерпретация текста обусловлена существующей на Севере мифологизацией животных белой масти или имеющих белые отметины, чаще всего белые ноги (у оленей, например) или лапы. Ласки, куницы на Севере также мифологизированы, в их облике представляется, например, дворовой, домовой, т. е. хранитель дома, человека, рода. Образная интерпретация заклинания, с одной стороны, отражает индивидуальное представление автора, с другой — вскрывает устойчивый мифологический мотив, породивший словесный текст (рис. 3).

При переходе в интерпретации материала с вербального кода на изобразительный могут быть использованы и другие возможности последнего. В словесных текстах мифологического содержания присутствуют обычно лишь детали, строго необходимые для изложения сущности мотива. В этом специфика большей части жанров, в кото-

Рис. 3. Белолапко

рых представлен мифологический материал, в этом и сила и слабость текстового материала. В изображение могут быть внесены детали, усиливающие «погружение» зрителя в материал. Интерпретация в изобразительном коде позволяет использовать воздействие и других средств, в первую очередь это цвет и форма, оказывающие значительное воздействие на восприятие, а также композиция и общая организация рисунка-иллюстрации, обеспечивающие воздействие как эмоционального, так и когнитивного характера.

В отношении цветовой гаммы актуально воздействие темных тонов и цветов

для изображения inferнальных сил, локусов и персонажей. Мир людей допускает и даже требует пестроты красок. Неоднозначна символика красного и белого. В изобразительном коде актуален фактор формы и размера, хотя символика формы не имеет устойчивой традиции, по крайней мере в вербальном коде. Очевидно, однако, что одутловатость, бесформенность, размытость очертаний или, напротив, неестественная изломанность формы, гиперболизация или минимизация естественного размера — все это характеризует нездешний мир (рис. 4). Изобразительный код допускает использование поля дробности для передачи нарратива. Традиции народного искусства, например искусства Палеха, дают возможность визуально представить развертывание действия во времени, совмещение временных планов, соположенное изображение событий, происходящих в разное время. В отдельных случаях этот прием дает возможность представить не только визуальную интерпретацию мотива, но и его генезис. Это оказалось продуктивным, в частности при изобразительной интерпретации образа фараонов — существ с рыбьими хвостами, ведущими свое мифологическое

Рис. 4. Бука

Рис. 5. Фараоны

происхождение от легенды о переходе древними иудеями Красного моря и о войске фараона, преследовавшего их и поглощенного волнами морскими (рис. 5). Таким образом, возможность образно-сюжетной концентрации материала также является семиотической спецификой изобразительного кода.

Свобода в выборе творческого метода вполне допустима при смене кода представления и интерпретации образа или сюжета и

не нарушает семиотического соотношения между знаком и означаемым. На усмотрении интерпретатора остается наличие или отсутствие аналогий с образцами народного изобразительного искусства, такими, например, как лубочные картинки, подражание известному примитивизму некоторых видов народного искусства или отсутствие такового. Вместе с тем отдельные приемы художественного метода, актуальные для народного искусства, могут не только расширить содержательную сторону изображения, но и усилить его эмоциональное воздействие. Так, орнаментальность, ведущая свое начало от древней книж-

Рис. 6. Состязание колдунов

ной миниатюры и некоторых форм прикладного искусства, например резьбы по дереву в оформлении крестьянского дома, также может повысить коммуникативную значимость изображения (рис. 6) и способствовать усилению когнитивного, прагматического и эстетического эффекта. Так, на рис. 6 условно-орнаментальное представление мифических помощников колдуна — «маленьких» — является одним из знаков их принадлежности «нездешнему» миру.

При авторской трансформации словесных мифологических текстов в изобразительный код решающую роль играет степень погруженности автора в стихию народной мифологии. Весь мир мифологических образов и сюжетов в настоящее время является культурной маргиналией. Представление этих материалов не только в вербальном коде, но и в изобразительном поможет сохранить этот пласт культуры как наследие ушедших эпох, особенно в отношении тех элементов, которые не лежат на поверхности широко распространенных знаний в этой области и потому не нашли отражения в изобразительном искусстве.

O. Cherepanova. A fantastic world of folk mythology of the Russian North: informative and semiotic relation of verbal and visual codes

The article considers specific means to explicate on the verbal and visual codes the images and topics of North-Russian mythology, represented in the ethnolinguistic stuff of the XIX–XX centuries.

Key words: mythology, image, topic, verbal code, visual code, semantic, semiotic.

ЛИНГВОМЕНТАЛЬНЫЙ ОБРАЗ РАСТЕНИЯ В СЕВЕРНОРУССКОЙ НАРОДНОЙ КУЛЬТУРЕ: РЕДЬКА

В статье на основе анализа севернорусской диалектной лексики и фразеологии, а также фольклорных и этнографических данных делается попытка выявить и описать образ редьки в народной культуре. В традиционной культуре Русского Севера образ редьки как один из символов вегетативного кода складывается из таких значимых элементов, как «женское» (связанное с ним «эротическое», «обманчивое»), «голова» (в том числе «зубы») и «задница» (в том числе «низ», «нечистота»), «тянуть / дергать»). Сходные концептуальные признаки имеет в народной культуре Русского Севера образ репы. Символическое сходство репы и редьки выражается в сходной номинации и синтагматике лексических единиц.

Ключевые слова: концепт, символ, народная культура редька.

Диалектная лексика (как собственно диалектная, так и общеупотребительная в составе говоров) является хранилищем народных знаний о мире. Изучение семантики диалектного слова, его системных — парадигматических, синтагматических, деривационных и коннотативных — свойств, устойчивых выражений, в состав которых в качестве компонента входит данное слово, а также выявление особенностей культурной практики использования денотата позволяют реконструировать образ предмета в народном мировидении и определить его место в системе символических средств культуры.

В архаической традиционной культуре Русского Севера образ редьки как один из символов вегетативного кода мифологической модели мира складывается из таких значимых элементов, как «женское» (связанное с ним «эротическое», «обманчивое»), «верх» (в том числе «голова» и «зубы»), «низ» (в том числе «задница»

и ассоциативно с ней связанная «грязь / нечистота»), «знание / истина», «тянуть / дергать».

В системе знаков вегетативного кода редька имеет общие признаки с репой¹ и хреном, входя в семантическую «ячейку» или парадигму взаимозаменяемых либо противопоставляемых в определенных ситуациях знаков кода. Подобное свойство символического знака в народной культуре является реализацией принципа «бриколажа», лежащего в основе мифологической интерпретации мира². Этот принцип понимания способствует «многогранному», неоднаправленному взгляду на действительность, осознанию равноправной гармоничной связи между всеми предметами и явлениями. Кроме того, он делает выпуклой ту или иную доминанту определенного «текста» культуры, акцентируя на означаемом, а не на означающем (как бы подчеркивая, что важен передаваемый «смысл», а не средство его передачи). В этом случае члены одной парадигмы являются набором равнозначных единиц для выражения определенного смысла (или смыслов), дифференциальные признаки единицы парадигмы мифологической модели мира, следовательно, оказываются диффузными, способными к экстраполяции. На языковом уровне это отражается в сходных синтагматических возможностях лексем, а также в том, что единицы одной парадигмы в мифологической картине мира, то есть единицы, объединенные общей семантико-семиотической «темой», могут выступать как символические кодификаторы не только тех же предметов и явлений действительности, но и друг друга. В севернорусских говорах наименование редьки может передаваться посредством слова с корнем *-rep-* — *репя* ‘редька’: *Хороша закуска: репя да капуста... а репя — это редька*³; *сурепица* — ‘дикая редька’⁴, данное слово интересно своей внутренней формой, в которой префикс *су-* со значением ‘совместно, вместе’ выражает, как кажется, народное представление о «совместности» этих растений — репы и редьки. Слова *репа* и *редька* могут выступать как равнозначные в сходно оформ-

¹ Подробнее см.: *Бунчук Т. Н.* Репа в традиционной картине мира (Опыт реконструкции концепта) // Лингвофольклористика: сб. науч. статей. Вып. 3 / отв. ред. А. Т. Хроленко. Курск, 2000. С. 44–56.

² См.: *Леви-Строс К.* Неприрученная мысль // Первобытное мышление. М., 1994. С. 126.

³ Новгородский областной словарь / авт.-сост. А. В. Клевцова, В. П. Строгова. Вып. 9. Новгород, 1994.

⁴ *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 4. М., 1994.

ленных речевых синтагмах: *Чеснок да редька — и на животе крепко*⁵ (ср. *Чеснок да репка — и на животе крепко*) и т. д. Такие системные отношения лексем *редька* и *репа*, их сходная символическая интерпретация позволяют квалифицировать их как «культурные квазисинонимы». Редька и хрен также обнаруживают системные связи в «языке» севернорусской культуры и речевой практике: слова *редька* и *хрен* образуют сопряженную пару, активно используемую в народной речи — *хрен да редька, хрен редьки не слаще*; они могут выступать как компоненты одинаково оформленного составного наименования фольклорного действия — *редьку / хрен дёргать*. Однако их сопряжение носит характер противопоставления, это полярные точки одного понятийного поля, поэтому их можно квалифицировать как «культурные квазиантонимы».

Анализ языковых, фольклорных и этнографических данных позволил выявить концептуальные составляющие образа редьки в севернорусской народной культуре.

В севернорусской народной культуре редька ассоциируется с женским началом. Во-первых, есть свидетельства о том, что выращиванием редьки традиционно занимались женщины. Известно выражение *бабий доход* ‘выручка от продажи редьки’⁶.

Во-вторых, связь редьки с женщиной, с женой просматривается в фольклоре, например, в народной плясовой песне, где обнаруживается структурно-семантический параллелизм этих понятий: «Нельзя эту *редьку* есть — она горьковая; Нельзя мужу *жону* бить — она молодая». По наблюдению Т. А. Бернштам, «в игровом фольклоре... репа, редька предстают как женские символы»⁷.

В-третьих, редька в севернорусском свадебном обряде выступает как «женский» символ в противоположность хрену, который является «мужским» символом. В свадебном обряде одного из районов Кировской области было зафиксировано такое ритуальное действие на втором дне свадьбы: ряженые мужики и бабы ударяли друг друга хреном и редькой, причем редька была в руках у мужчин, а хрен в руках женщин: *Один мужик у нас вот там Ванька Леушин дак редьку принес, большую редьку принес. Редькой как даст, вот*

⁵ Даль В. И. Пословицы русского народа. М., 1994. С. 509.

⁶ Быт великорусских крестьян-землепашцев: Описание материалов Этнографического бюро князя В. Н. Тенишева (на примере Владимирской губернии) / авт.-сост. Б. Н. Фирсов, И. Г. Киселева. СПб., 1993. С. 39.

⁷ Бернштам Т. А. Совершеннолетие девушки в метафорах фольклора // Этнические стереотипы мужского и женского поведения. СПб., 1991. С. 249.

как. Это на второй день на свадьбе-то. Вечером отпируются, дак это назавтре... А я вот один корень принесла, вот ей-богу, вот эдакий корень хрену принесла. Вот я с этим с корнем-то и разделялась с гостям-то. [Так что, женщины тоже мужиков били?] Тожо били, били. Представлялись которые... они и хвостали. А другие-то гости — те нет... [Приносили с собой хрен и редьку?] Да-да, хрен и редьку⁸. В контексте второго дня свадьбы, носившего выраженную эротическую окраску (пелись скабрёзные частушки, двусмысленно подшучивали над молодыми, интересовались обстоятельствами первой брачной ночи и т. п.), хрен и редька однозначно воспринимались как сексуальные символы, и само действие носило выраженный эротический характер. «Мужская» символика хрена просматривается и в таком фольклорном игровом действии, имеющем любовно-брачную направленность, как *хрен дёргать* ‘игра на зимних игрищах’: *Все садятся и поют песню про хрен, а потом парень выбирает себе девушку. В Рождество в избе хрен дёргали*⁹. То, что *хрен* устойчиво соотносится с «мужским» началом, поддерживает и судьба слова в русском языке: в современном просторечном употреблении *хрен* является эвфемистическим наименованием мужского полового органа.

Слова *редька* и *хрен*, символически соотносясь с «женским», «женой» и «мужским», «мужем», образуют устойчивый словесный комплекс в языке фольклора, особенно в поговорках: *Хрен редьки не слаще: черт дьявола не лучше (легче)*; *Хрен да редька, лук да капуста — лихого не попустят*¹⁰. В свою очередь, устойчивое выражение *Хрен редьки не слаще: черт дьявола не лучше* соотносимо с такими выражениями: *Муж да жена — одна сатана*; *Жена да муж — змея да уж*¹¹. Такое соотношение ассоциативно подчеркивается и грамматическими свойствами слов *редька* и *хрен* — женским и мужским родом соответствующих словоформ. Учитывая, что определение родовой характеристики в говорах носит семантический, а не лексико-грамматический, как в литературном языке, характер, можно утверждать, что грамматика данных слов также поддерживает символическую интерпретацию этих растений.

⁸ Фольклорный архив Сыктывкарского государственного университета (далее — ФА СыктГУ). 3133-18, Нагорское собрание (Кировская область).

⁹ Прокошева К. Н. Фразеологический словарь пермских говоров. Пермь, 2002.

¹⁰ Даль В. И. Толковый словарь... Т. 4.

¹¹ Даль В. И. Пословицы... С. 234.

Соотнесение редьки с женой позволяет сделать предположение о происхождении фразеологизма *Хуже горькой редьки* (надоесть), который в современном русском языке функционирует в качестве обозначения высшей степени доукки, надоедливости вообще. вполне возможно, что здесь произошло расширение семантики данного устойчивого выражения вследствие утраты ряда соотносимых выражений: *Надоело (милу) как собаке редька*¹²; *Любит как собака редьку*¹³. Такое предположение позволяют сделать следующие факты. С одной стороны, собака в русской традиционной культуре — животное, ассоциирующееся с мужчиной, мужем¹⁴. С другой стороны, в народной культуре и языке с женой связываются представления о надоедливости: известны многочисленные паремии, типа *Чужая жена — лебедушка, а своя — полынь горькая* (ср.: редька горькая); *Дважды жена мила бывает: как в избу введут да как вон понесут*¹⁵; *Не та беда — жена ушла, а та беда — обратно придет*¹⁶, а также *О зло зла злее злая жена*¹⁷ и т. д. Все это позволяет предположить первоначально более узкое значение выражения *Хуже горькой редьки* ‘о злой, надоедливой жене’. Возможно, подтверждением этого предположения может быть фразеологическая единица *Как сидорова редька* ‘презрит. О надоевшем человеке’¹⁸, где, как кажется, совместились *редька* и *коза* (ср.: *Как сидорову козу*) на основе общей символично-ассоциативной связи с женщиной (ср. образ козы в славянской народной культуре¹⁹, а также *коза* в просторечном употреблении ‘женщина, девушка’).

Редька ассоциируется с изменой в любовных отношениях, обманом: *Дать редчину* ‘отказать кому-либо в сватовстве; нарушить

¹² Даль В. И. Толковый словарь... Т. 4.

¹³ Даль В. И. Пословицы... С. 466.

¹⁴ См. об этом: Бунчук Т. Н. Культурогенные возможности слова *собака* (особенности бытования слова в севернорусском регионе в контексте общеславянской культуры) // Исследования по истории книжной и традиционной культуры Севера: сб. науч. тр. Сыктывкар, 1997. С. 208–218.

¹⁵ Даль В. И. Пословицы... С. 232, 237.

¹⁶ Меркурьев И. С. Пословицы и поговорки Поморья. СПб., 1997. С. 73.

¹⁷ Титова Л. В. Беседа отца с сыном о женской злобе: исследование и публикация текстов. Новосибирск, 1987. С. 405 (ГПБ. Собр. Кирилло-Белозерское, № 9 / 1086; л. 116–123, XV в.).

¹⁸ Фразеологический словарь русских говоров Сибири / отв. ред. А. И. Федоров. Новосибирск, 1983. С. 166.

¹⁹ Белова О. В. Коза // Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т. / под ред. Н. И. Толстого. Т. 2. М., 1999. С. 522–524.

верность в любви, изменить'²⁰ (ср. *Репни поесть* 'узнать об измене в любви'²¹), а также: *Редьку* во сне увидеть — к *обману*²². В народных представлениях понятие измены прежде всего соотносилось с женщиной и приписывалось ее коварной природе (ср. многочисленные сюжеты сказок о неверной жене, а также: *Жене спускать, так в чужих домах ее искать; Опречь мужа всяк знает, что жена гуляет; Муж по дрова, а жена со двора*²³ и т. д.). Тем самым редька в севернорусской народной культуре устойчиво ассоциируется с **женщиной**.

Другая концептуальная составляющая символа редьки — **низ** и последовательно с ним связанные в народной культуре задница и ее ассоциативные атрибуты — грязь и нечистоты, хвост и, как следствие семантического развития, понятие последнего. *Редькой* в севернорусских говорах называют все, что идет прямо вглубь: *Всадить редьку* 'бросать так свайку, чтобы она вся, по самую головку вошла в землю'; «У этого дерева *корень редькой* — то есть растет прямо вглубь»²⁴; *Редьку задавить* 'в игре в свайку: загонять ее всю в рыхлую землю'²⁵; *Сижу как редька в гряде* 'глубоко, заинтересованно'²⁶. С редькой, как и с репой, связываются в народных представлениях и понятия человеческого «низа» (задницы, нечистот): *Редька да говно — не виделись давно*²⁷; *Редьку есть — с господами, а спать — со свиньями*²⁸. В выражении *Редьку садить* 'присесть на ходу на обе ноги'²⁹, как кажется, отражен, во-первых, характер движения нижней части спины сверху *вниз*, а во-вторых, редька в этом случае ассоциируется с экскрементами, выпадающими при приседании (ср. *присесть под кустик* — эвфемистическое

²⁰ Новгородский областной словарь. Вып. 9.

²¹ Там же.

²² ФА СыктГУ, 3135-8, Нагорское собрание.

²³ Даль В. И. Пословицы... С. 235, 236.

²⁴ Якушкин Е. Материалы для словаря народного языка в Ярославской губернии. Ярославль, 1896.

²⁵ Даль В. И. Толковый словарь... Т. 4.

²⁶ Картоотека Словаря русских говоров Республики Коми и сопредельных областей кафедры русского и общего языкознания Сыктывкарского университета (далее — Картоотека СРГРК СыктГУ). Усть-Цилямский р-н, с. Трусово, 1999.

²⁷ Там же. С. Усть-Цильма.

²⁸ Грузберг Л. А. Материалы к словарю «Афористика Пермского края» // Живая речь Пермского края в синхронии и диахронии: материалы и исследования / отв. ред. И. И. Русинова. Пермь, 2008. С. 97.

²⁹ Даль В. И. Пословицы... С. 515.

обозначение процесса испражнения). (Ср.: *обрепаться* ‘запачкаться, вымараться в чем-либо’³⁰; *Рожа хоть репу сей (щедровитая)* ‘неровная, нечистая’³¹; *Вырастет репа на голове* ‘шутл. Об очень грязных волосах’³²; *Оборванное репище* ‘грязный, нищий’³³).

Связь образа редьки с нижней частью спины обуславливает и ассоциацию с хвостом: *В пост редьки хвост*³⁴. В свою очередь, хвост продуцирует появление значения ‘последнее’: *Забить редчину* ‘вложить последний ком глины при постройке печи’³⁵.

Концептуальная составляющая *низ* вполне соотносится с *женским*, так как в традиционной модели мира *женское*, как известно, выступает как символ *низкого / низменного, приземленного, связанного с потусторонними силами*, а потому *нечистого*.

Редька, однако, соотносится и с понятием *верх*. О связи редьки с *верхом* может свидетельствовать, например, такое народное действие и его название *Редьку тянуть* ‘шутливый обычай поднимать человека *вверх*, держа под мышками’: *Вот только зайдёшь в избу, будут редьку дёргать — под пазуху мужики цапают и дёргают*³⁶. Кроме того, с редькой связаны и части тела человека, располагающиеся в верхней части тела, — голова и зубы. О связи редьки с головой могут свидетельствовать такие выражения: *Редьца с головищу*³⁷; *Дать редчину* ‘дать подзатыльник’³⁸.

Обращает на себя внимание связь редьки с зубами. По народным представлениям, зубы — это та часть человеческого тела, которая связывается с нечистой силой (*Какая в человеке некрещена косточка?* (Зуб)³⁹). Именно поэтому святочные ряженые в севернорусских деревнях для изображения покойника вставляли в рот зубы из редьки, репы, позже картофеля⁴⁰. С другой стороны, связь с потусторонними силами вызвала и ассоциации с чем-то неординарным,

³⁰ Куликовский Г. И. Словарь областного Олонецкого наречия. СПб., 1898.

³¹ Даль В. И. Пословицы... С. 197.

³² Фразеологический словарь русских говоров Сибири.

³³ Карготка СРГРК СыктГУ, Усть-Цилемский р-н... с. Трусово, 1999.

³⁴ Даль В. И. Толковый словарь... Т. 4.

³⁵ Новгородский областной словарь. Вып. 9. *Редчина* — редька (там же).

³⁶ Прокошева К. Н. Фразеологический словарь пермских говоров.

³⁷ Даль В. И. Толковый словарь... Т. 4.

³⁸ Новгородский областной словарь. Вып. 9.

³⁹ Загадки русского народа: сборник загадок, вопросов, притч и задач / сост. Д. Садовников. М., 1995. № 1738, С. 269.

⁴⁰ Лобкова Г. В. «Сдоблялись на святки кудесам» // Живая старина. 1995. № 2. С. 39.

сверхъестественным, т. е. имеющим большую интенсивность проявления признака — больше, лучше или меньше, хуже обычного, естественного. Отсюда соотнесение редьки не просто с зубами, а с зубами очень хорошими: *Редьковный* ‘(о зубах) крепкий, белый’: *Зубы, что редьковны, хороши*⁴¹; *Зубы [белые] как редька* ‘о чьи-либо ослепительно белых, крупных и здоровых зубах’⁴². (Ср.: репа в известной сказке не просто большая, а сверхъестественно большая; а также «У которого человека нижние зубы *репны* и редки бывают, а верхние зубы остры, а кривы... — тот добр человек, и живи с ним без пакости»⁴³). Безусловно, сами свойства корнеплода (его плотность и белизна) давали основание для такого соотношения зубов и редьки, однако нельзя исключать и комплекс символических ассоциаций, связанных с редькой. Сверхъестественные свойства, приписываемые редьке народным сознанием, служат причиной того, что редька использовалась для лечения грыжи: для того чтобы ее вылечить (завязать пуп), нужно было съесть редьку⁴⁴. Семантический оттенок ‘сила, высшая степень проявления признака’ находит выражение в таком употреблении слова *редька* — *Редька нечищена!* ‘восклицание, выражающее крайнюю степень негодования’: *Вот редька нечищена!*⁴⁵ (Ср. *Ядрена репа!* в том же значении).

Семантический элемент, связанный со знанием, пониманием, **истиной**, обнаруживается в таком устойчивом выражении, как *Понять в редьке вкус* ‘понять толк в чем-либо, разобраться’: *Чё, девка, поняла в редьке вкус? Дак прежде хаять что-то, надо попробовать самой разобраться*⁴⁶. Обращает на себя внимание и постоянный эпитет, которым сопровождается редька в фольклорных текстах — *горькая (горьковая)*. Подобные синтагматические связи можно обнаружить и у слова *правда* в русском языке: «*Горькая истина, правда*»; «*Правда всегда горька, но плоды ее сладки*»⁴⁷. Это позволяет предположить о возможном соотнесении в народном

⁴¹ Новгородский областной словарь. Вып. 9.

⁴² Мокшенко В. М. Словарь сравнений русского языка. СПб., 2003. С. 364.

⁴³ Смелянская Е. Б. «Суеверная» книжица первой половины XVIII века: Краткое сказание внутренних и внешних частей и составов человеческих, откуда происходят нравы их и знамения, бывающие от них // Живая старина. 1994. № 2. С. 35.

⁴⁴ Кляус В. Л. Указатель сюжетов и сюжетных ситуаций заговорных текстов южных и восточных славян. С. 98. 1/XXI. 1.2./A4.

⁴⁵ Словарь пермских говоров. Вып. 2. Пермь, 2002. С. 286.

⁴⁶ Словарь пермских говоров. Вып. 2.

⁴⁷ Меркурьев И. С. Пословицы и поговорки Поморья. С. 83.

сознании понятий «редька» (семиотически близкого концепту «репа», имеющему в своей структуре такой компонент значения) и **правда / истина**.

И, наконец, соотносённость редьки с репой можно увидеть в том, что редька в народном сознании также связывается с понятием «**тянуть, тащить всем миром**», выстраиваясь цепью»: *Редьку сажать* — «крестьянская игра, которая состоит в том, что несколько человек садятся на землю один другому на колени и крепко держатся; заднего из сидячих потом волокут и отдергивают»⁴⁸ (ср.: в сказке о репке: «Десять ног за девять ног... две ноги за ногу, нога за мужика, мужик за репу — репу вытащили»⁴⁹). *Редьку дергать* — «игра на зимних и летних игрищах»: *Редьку дергали зимой в избе, летом на улице. Бабка — поземная, сидит на земле, а к ей садятся, сидят друг за другом. Остальные-те ходят и говорят: «Хожу, хожу к бабке, прошу, прошу редьку. Ретецька слатенька, бабушка скупенька. — Дай, баушка, ретечку. — Да ишо не выросла». Снова ходят, опять это говорят. Потом бабка отвечает: Да дергайте! Кого-нибудь дергают с земли-то. Снова начинают: хожу, хожу к бабке..., пока всю редьку не выдергают. Редьку-то больше дергали маленькие робята, а кто постарше, к им сядет бабкой»⁵⁰. Это игровое действие, генетически связанное с календарным обрядовым комплексом, выполняло важные магические функции. Т. Б. Дианова указывает на связь понятия *тянуть / дергать* с ритуальными действиями продуцирующей и медицинской магии, в основе которых лежит идея «вытягивания»: «Корнеплоды необходимо „вытянуть из земли“, они же способны „вытянуть“ болезнь из человека. Ритуальные действия, в основе которых лежит идея „вытягивания“, широко использовалась в продуцирующей магии хозяйственных обрядов»⁵¹. Редька и ее характерный предикативный атрибут — *дергать, тянуть*, таким образом, выступает в севернорусской традиционной культуре как одно из символических средств для обрядового преобразования действительности.*

⁴⁸ Бурнашев В. Опыт терминологического словаря. Т. 2. Упоминание об этой игре есть и у Даля: «*Редьку садить* — игра, где садятся друг другу на колени» (Даль В. И. Толковый словарь... Т. 4).

⁴⁹ Быт великорусских крестьян-землепашцев. С. 79.

⁵⁰ Прокошева К. Н. Фразеологический словарь пермских говоров.

⁵¹ Дианова Т. Б. «Посадил дед репку...»: фольклорный образ и сказочный сюжет // Живая старина. 2000. № 2. С. 26–28.

Итак, анализ данных разной знаковой природы (языковых, фольклорных, этнографических) позволил выявить своеобразие восприятия одного из наиболее популярных на Русском Севере культурного растения, его не материального, бытового, а символического применения и описать его лингвоментальный образ в народной культуре.

T. Bunchuk. Linguo-mental Image of a Plant in the North Russian Folk Culture: the Radish

In the article an attempt to reveal and describe the radish image in the folk culture has been made basing on the analysis of the North Russian dialectal lexis and phraseology as well as folk and ethnographic data. In the traditional culture of the Russian North the radish image as one of the vegetative code symbols is formed by such significant elements as “feminine” (and “erotic”, “deceptive” connected with it), “head” (including “teeth”) and “buttocks” (including “bottom”, “uncleanness”), “drag/pull”. The turnip image has similar conceptual characteristics in the folk culture of the Russian North. The symbolic resemblance of the turnip and the radish is expressed by the similar nomination and syntagmatics of the lexical units.

Key words: concept, symbol, folk culture, radish.

НАИМЕНОВАНИЕ ИЗГОРОДЕЙ И ИХ ЧАСТЕЙ В СЕВЕРНОРУССКИХ ГОВОРАХ (НА МАТЕРИАЛЕ ПИНЕЖСКИХ ГОВОРОВ)

В статье дано описание некоторых лексических особенностей, характерных для севернорусских говоров (на материале пинежской лексики тематической группы «Изгороди»), представлен анализ диалектизмов в словообразовательном, этимологическом, историческом, семантическом и ареальном аспектах.

Ключевые слова: пинежские говоры, изгороди, лексические особенности.

Традиционные виды изгороди до сих пор используются в быту сельских жителей, поэтому лексика, связанная с видами изгороди или их устройством, устойчиво функционирует в современных говорах. Изучением изгородей в этнолингвистическом аспекте занимался Г. Г. Мельниченко, он справедливо отмечает, что «вся совокупность слов, обозначающих изгороди (...) представляет собой очень сложное явление. Слова эти различаются по зонам распространения, по степени употребительности, по семантической и словообразовательной структуре, по времени и источникам возникновения и пр.»¹. Итогом этих исследований стали «Лингвистические карты»², где одним из важных объектов картографирования являются изгороди.

¹ Мельниченко Г. Г. Территориальное распространение и семантика некоторых слов по данным местных говоров (Слова, обозначающие изгороди) // Вопросы русского языкознания. Вып. 5. Ярославль, 1969. С. 87

² Мельниченко Г. Г. Лингвистические карты. Приложение к книге «Некоторые лексические группы в современных говорах на территории Владимиро-Суздальского княжества XII — нач. XIII вв. (Территориальное распространение, семантика и словообразование)». Ярославль, 1974.

В данной статье мы рассматриваем материал пинежских говоров в словообразовательном, этимологическом, историческом, семантическом и ареальном аспектах. Пинежский район находится на севере Архангельской области, где благодаря периферийному расположению сохранились патриархальный уклад жизни и диалектная лексика.

Следует оговорить, что в статье представлены не родовые названия изгороди, а специализированные, т. е. наименования изгородей, сооруженных особым способом для огораживания пастбищ в лесу, полей, стогов и др. (*засека, обсек, остобжье*). Особо выделяется слово *пръсло*, поскольку оно обозначает не изгородь в прямом смысле, а ‘сооружение в виде изгороди для сушки снопов, сена’.

В говорах Пинежья слово *засека* употребляется как многозначное: ‘сусек в амбаре’ (Сими́на³: Сура, Кузомень, Нюхча, Юрولا, Богатка, Вонга, Веркола, Чушела, Чучепога), ‘изгородь из неочищенных от сучьев и ветвей деревьев вокруг пастбища в лесу’ (Сими́на: Кеврола, Шиднема, Филимоново, Богатка, Вапна, Веркола, Кобелево, Нюхча, Сура; ПДО⁴: *Да для лошаде́й в лесу́ де́лали засе́ки. Спы́ливали де́рево, на пенё́к кла́ли ко́лья крёст на́ крест, в зе́млю вты́кали. Э́то не же́рдки, а со все́м сучье́м, не обруба́ли. Шардоне́нь*), ‘поле в лесу’ (ПДО: *Засе́ка — по́ле, навина́ в лесу́. Шардоне́нь*). В других говорах данный диалектизм регистрируется тоже как полисемичный, но мы проанализируем только второе значение, связанное с изгородами.

На Русском Севере слово *засека* в значении ‘изгородь из неочищенных от сучьев и ветвей деревьев вокруг поля, пастбища и т. п.’ фиксируется только в говорах Ленинградской и Вологодской областей (СРНГ⁵, СОВН: повсем.). В Словаре областного вологодского наречия даются пояснения о дополнительном предназначении *засеки*: «...заваливание, перегораживание дороги деревьями, чтобы остановить, не давать ездить по этой дороге, по этому месту, например, когда поправляют дорогу, мост. Во время же свадьбы делаются засеки парнями, которым известно дурное, вольное поведение невесты, или по просьбе самой невесты, если жених ей нелюбóй, ее подругам... тем заставить отказать от сватовства».

³ Сими́на — Картотека пинежских говоров Г. Я. Симиной, Институт лингвистических исследований РАН, г. Санкт-Петербург.

⁴ ПДО — полевые диалектологические обследования, проведенные автором статьи

⁵ Ввиду того, что словарные материалы представлены в алфавитном порядке, даны только аббревиатуры словарей или авторы, без указания тома и страницы.

На Урале слово *засека* отмечается в одном значении: ‘изгородь из неочищенных от сучьев и ветвей деревьев вокруг поля, пастбища’ (СРНГ: Свердлов., Ср. Урал).

Таким образом, слово *засека* относится к общерусским диалектизмам, образовано от глагола *засекать* безаффиксным способом. Корень данного слова по этимологии является общеславянским. В памятниках русской письменности XV–XVII вв. оно регистрируется в нескольких значениях: ‘закром’, ‘оборонительное сооружение из поваленных деревьев (для затруднения прохода)’ и ‘заповедный лес, имеющий оборонительное значение’ (СлРЯ XI–XVII вв.). Эта семантика перешла в русские говоры и расширилась. Второе значение приобрело более «мирную» семантику, не связанную с обороной: ‘огороженное поваленными деревьями место для скота в лесу’. В этом значении слово *засека* употребляется на ограниченной территории: в Пинежском районе Архангельской области, в Ленинградской, Вологодской и Свердловской областях. Слово *засека* не во всех значениях можно считать диалектным, поскольку в БАС оно фиксируется в двух значениях: ‘преграда из наваленных деревьев’ (без помет) и ‘заповедный лес’ (устар.). Данное слово было общеупотребительным, но постепенно оно уходит в пассивный словарный запас литературного языка, а в диалектах активно используется, участвуя в процессах полисемии и омонимии. Появляются новые значения данных слов: ‘зарубка на дереве’, ‘царапина около копыта у лошади’, ‘часть гумна, куда складываются снопы’, ‘ящик в рыболовном устройстве’ и др.

Слову *засека* близка по семантике лексема *бесек*: *засекой* и *бесеком* огораживали пастбище, чтобы животные не вышли, или, наоборот, изгородью защищали поля, сенокосные луга от свободно пасущегося скота. В пинежских говорах слово *бесек* зафиксировано в значениях ‘изгородь из деревьев и жердей от скота в лесу, на лугу, в поле’ (Сими́на: Церкова, Карпогоры, Юрола, Ёркино, Шардонемь, Чучепога, Березник, Пиримень, Шотова, Юрас, Сульца, Оксовица, Нюхча, Кеврола), ‘изгородь из кустарника и жердей, отделяющая пастбище в лесу’ (ПДО: *Бесек-то в лесу́ де́лают, жерде́й наго́бвя да приколо́тя. Ча́ста изго́родь в ше́сть жерде́й для живо́тных. Шардонемь*) и ‘участок земли, отгороженный частоколом, расположенный в лесу’ (Сими́на: Хаймусово). В первом значении употребляется морфологический вариант *бесека* (Сими́на: Усть-Ёжуга).

В целом в архангельских говорах слово *бесек* распространено повсеместно с семантикой ‘изгородь из кустарника, жердей или

деревьев, отделяющая пастбище от сенокосной земли' (Подвысоцкий: повсем.; картотека АОС: Карг., Усть., Холм., Котл., Красн., В.-Т., Вил., Лен., Леш., Мез.; СРГК: Онеж.), вариант *осёка* употребляется в отдельных районах (картотека АОС: В.-Т., Холм., Леш.), в качестве синонима зарегистрировано слово *обрѹб* (Подвысоцкий).

Лексема *осек* в значении 'изгородь' широко распространена в говорах Русского Севера. Однако не во всех лексикографических работах отражены внешний вид и предназначение изгороди. Значение 'изгородь, отделяющая пастбище в лесу, само огороженное пастбище' фиксируется в значительной части севернорусских говоров (СОВН: Кадн., Тот., Вел., Ник., Усть.-Ярен.; СРГК: Волог. Вашк., Выт., Кирил., Чер., Шексн.; Ленингр. Тихв., Волх., Кириш., Лод., Подп.; Карелия Пуд., Медв., Белоз.; Новг. Чуд., Люб., Уст.; НОС: Дем., Холм., Мал., Молв., Парф., Под.), в этих же говорах отмечаются варианты *осік*, *осёка* (СРГК). С семантикой 'изгородь поперек дороги или вокруг покосов, чтобы скот не заходил, чаще делается из цельных хвойных деревьев, со всеми ветвями' слово *осек* зарегистрировано в Вытегорском, Пудожском, Лодейнопольском уездах (Куликовский). В новгородских говорах регистрируются дополнительные значения слова *осек*: 'изгородь из жердей, отделяющая пастбище [не только в лесу]' (НОС: Пест., Валд., Бор., Ок., Чуд., Дем., Мал., Мош., Новг., Оп., Ст., Тихв., Хв., Холм.) и 'расстояние между двумя жердями в изгороди' (НОС: Бор.). СРНГ и НОС представляют обобщенное значение слова *осек* 'изгородь', без описания внешнего вида (СРНГ: Новгор., Ленингр., Пск., Волог. — здесь отмечается также фонетический вариант *осёк*; НОС: Ок., Люб., Мош., Молв., Бор., Вол., Мст., Новг., Оп., Парф., Пест., Полав., Ст., Уторг., Хв.).

В других русских говорах слово *осек* распространено в значении 'изгородь, ограда', при этом в СРНГ отмечено, что в разных регионах используются свои способы постройки изгороди в зависимости от ее назначения (Калин., Твер., Калуж., Моск., Иркут.), ср. акцентологический вариант *осёк* (Яросл., Иркут., Киров., Перм.). В «Лингвистических картах» Г. Г. Мельниченко на карте № 35⁶ отмечено распространение слова *осек* в значении 'изгородь': ареал охватывает север Ярославской области, Костромскую область, Марийскую АССР, Кировскую, Вологодскую области и юг Архангельской (Котласский район).

⁶ Мельниченко Г. Г. Лингвистические карты... С. 39.

Таким образом, диалектизм *осек* является общерусским, Г. Г. Мельниченко отмечает, что «видимо, носители [данного слова] являются потомками новгородцев», а «отсутствие этого слова в некоторых районах говорит, что тут живут потомки выходцев из южных областей»⁷. Образовано слово *осек* от глагола *осекать* безаффиксным способом, по аналогии со словом *засека* (см. выше). В памятниках русской письменности слово *осек* регистрируется с XVI в. в значениях ‘изгородь из надрубленных и поваленных деревьев, окружающая участок земли в лесу’ и ‘участок, огороженный этой изгородью’ (СлРЯ XI–XVII вв.). Анализируемое слово сохраняет свое первоначальное значение в большей части русских говоров (в том числе и в пинежских), претерпев лишь незначительные изменения; в некоторых диалектных лексических системах появилась вторичная семантика. Фиксируются фонетические, акцентологические и морфологические варианты слова *осек*.

Слово *остожье* можно рассматривать в разных тематических группах, так как в пинежских говорах оно употребляется в нескольких значениях. В данной главе проанализируем семантику ‘изгородь вокруг стога сена’, которая распространена на всей территории Пинежья (Сими́на: Юрас, Шиднема, Кеврола, Шотогорка, Хайму́сово, Усть-Ё́жуга, Вонга, Веркола, Филимоново, Шотова, Марьино, Пинега, Матвера; ПДО: *Огоро́ду городи́ли, зарóды-то оgoráживали. Осто́жье; Ино́й ра́з и два зарóда; Кóни што́п с óсени не е́ли, оgoráживали; Жéрди отёсанные хóть пися́т лёт сто́яли, подпíшут ещё; У когó каки́ знаме́ны-то.* Шардонемь, Церкова, Айнова, Нюхча) и ‘жерди изгороди’ (СРНГ: Пинеж.), ср. фонетический вариант *осто́жьё* (СРНГ: Пин.). Остальные значения слова *осто́жье* более подробно рассмотрим в лексике сенокосения.

Слово *осто́жье* с семантикой ‘огорода из жердей вокруг стога сена’ фиксируется во всех архангельских говорах (Подвысоцкий: Онеж., Холм., Мез.; СРГК: Карг., Плес.; СРНГ: Арх., Сев.-Двин., Шенк.; Даль: Арх.), ср. несобирательные формы *осто́жи* (Подвысоцкий: Онеж., Холм., Мез.), *осто́жок* (Подвысоцкий: Онеж., Холм., Мез.; СРНГ: Арх.), *осто́жек* (СРНГ, Даль: Арх.).

В других севернорусских говорах слово *осто́жье* регистрируется с идентичной семантикой: ‘изгородь, ограждающая стог или скирд’ (СРГК: Карелия Белом., Кем., Пуд., Сег.; Мурм. Севмор., Тер.; СРНГ: Коми Печор., Волог.; НОС: Хв.), ср. *осто́жайник, остóжина*

⁷ Мельниченко Г. Г. Территориальное распространение и семантика... С. 92.

(СРГК: Карелия Медв.), *острѡжьѣ* (СРГК: Мурман. Канд.). В вологодских говорах широко распространен фонетический вариант *стѡжьѣ* (СОВН: Вел., Тот., Ник., Кадн.). В некоторых говорах Русского Севера *остѡжьѣм* называют ‘изгородь или навес для сушки сжатого хлеба’ (СРГК: Ленингр. Тихв.; Карелия Пуд.), ср. *прѣсло*.

Лексема *остѡжьѣ* как ‘изгородь из жердей (кольев и т. п.) вокруг стога (стогов) сена, клады хлеба’ фиксируется и за пределами Русского Севера, особенно широко распространена в говорах Сибири: (СРНГ: Иркут., Вят., Калинин., Дон., Вят., Киров., Перм., Челябин., Краснояр., Енис., Сиб., Курган., Том., Кемер., Тюмен., Новосиб., Забайкал., Бурят. АССР, Амур., Тобол., Южн. Урал, Костром.), ср. *остожьѣ* (Сиб.), *стѡжьѣ* и *стожьѣ* (Свердл., Новосиб., Перм.). В красноярских говорах у слова *остѡжьѣ* отмечается значение ‘изгородь вокруг жилой постройки, земельного участка и т. п.’ (СРНГ). В Забайкалье дериват *остѡжина* имеет семантику ‘жерди изгороди’ (СРНГ), ср. это же значение слова *остѡжьѣ* в пинежских говорах.

Таким образом, слово *остѡжьѣ* является общерусским диалектизмом, образовано от славянского существительного *стог* приставочно-суффиксальным способом с помощью приставки *о-* и суффикса *-j-*. В данном случае имеет место традиционное чередование согласных звуков в корне (*г/ж*). По Фасмеру, слово *остѡжьѣ* древнерусское. В памятниках письменности данная лексема фиксируется с конца XVI в. как полисемичная, среди прочих значений регистрируется ‘изгородь вокруг стога сена или клады хлеба’ (СлРЯ XI–XVII вв.), мотивация значения прозрачна. Эта семантика перешла в говоры, в настоящее время она широко распространена в говорах Русского Севера и Сибири. Однако появились и новые значения, локально ограниченные, в результате метонимического и метафорического переноса: ‘изгородь вокруг жилой постройки, земельного участка и т. п.’, ‘изгородь или навес для сушки сжатого хлеба’, ‘жерди изгороди’ (Пинежский район). Поскольку слово *остѡжьѣ* было общеупотребительным, оно широко распространилось в русских говорах, «породив» много вариантов и дериватов.

Слово *прѣсло* повсеместно распространено в пинежских говорах в значении ‘приспособление в виде изгороди для сушки снопов, сена’ (Симина: Сульца, Филимоново, Кузомень, Веркола, Юрола, Вонга, Валдокурье, Шиднема, Козлово, Хаймусово, Усть-Ёжуга, Пахурово, Ньюча, Малетино, Вальтево, Вихтово, Летопада, Кеврола, Кобелево; ПДО: Церкова, Айнова): *Для прѣсла дѣлают столбы с дырами, в дырки вдергаюца жёрди, на котѡры прѣслят ячмѣнь.*

Столбы были метра четыре. Жердей пять-шесть. Нížня клáлась между вёреями, нетёсана. Снопы лóжили на зёмлю. А в́ише ужé вёсили. В́ише скамья стáвилась спеца́льна, на дв́ух нóжках, дак др́угой конéц на какóу хóшь высотóу (ПДО: Шардонемь). Также отмечаются значения ‘звено изгороди между столбами’ (Сими́на: Юрола, Кучкас) и ‘столбы изгороди’ (Сими́на: Веркола).

В целом в архангельских говорах слово *пря́сло* повсеместно употребляется в значении ‘приспособление для просушки снопов’ (Подвысоцкий: повсем.; картотека АОС: Вил., Нянд., Плес., Шенк., В.-Т., Онеж., Холм., Прим., Леш., Мез.), ср. синоним *огорóд* (Подвысоцкий: Мез.). В значительной части архангельских говоров фиксируется семантика ‘звено изгороди между двумя столбами’ (Даль: Арх.; картотека АОС: Вил., Нянд., Шенк., В.-Т., Вин., Красн., Усть., Кон.; СРГК: Плес.). На небольших ареалах регистрируются значения ‘жердь изгороди’ (Даль: Арх.; картотека АОС: Холм.), ‘количество снопов между двумя ближайшими вертикальными столбами прясла’ (картотека АОС: Плес.) и ‘расстояние между жердями, на которые кладут снопы’ (СРГК: Карг.).

Отдельные сведения по этнолингвогеографии даются в работе В. Я. Дерягина «О развитии диалектов Архангельской области...»⁸, где отмечено, что в собственно поморских районах распространено слово *пря́сло* в значении ‘сооружение из жердей для просушивания снопов’ (в южных районах *пря́сло* — это ‘звено изгороди в длину жерди’), этот же термин, по мнению Дерягина, встречается в русских говорах Северо-Запада.

Современный этнолингвогеографический материал в пределах Архангельской области отражен также на карте № 111 в «Лексическом атласе...»⁹: слово *пря́сло* как ‘приспособление из жердей, укрепленных на столбах, для просушки снопов’ фиксируется повсеместно на территории области; *пря́сло* как ‘часть изгороди длиной в одну жердь’ отмечается в бассейнах Северной Двины, Ваги, Вычегды, в устье Онеги и в единичных случаях на берегу Белого моря около Архангельска; *пря́сло* в значении ‘часть изгороди между двумя столбами’ регистрируется спорадически в бассейнах рек Мезени, Пинеги, Северной Двины, Онеги, Ваги и Вычегды.

⁸ Дерягин В. Я. О развитии диалектов Архангельской области по данным истории и географии слов: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1966. С. 7.

⁹ Комягина Л. П. Лексический атлас Архангельской области. Архангельск, 1994. С. 145.

В других севернорусских говорах лексема *прясло* (или фонетические варианты *прэсло*, *прясла*, по СРГК) имеет сходную семантику:

— ‘сооружение в виде изгороди из горизонтальных жердей для просушки сена, снопов’ (СРГК: Ленингр. Кириш., Тихв., Подп.; Карелия Пуд.; Новг. Люб.; Мурман. Тер.; Волог. Выт.; НОС: Новг., Молв.; СРНГ: Коми Печор., Пск.);

— ‘часть изгороди между двумя столбами’ (СРГК: Ленингр. Подп.; Мурман. Тер.; НОС: Чуд., Мал., Кр., Люб., Новг., Полав., Ст., Тихв., Хв., Шим.; СРНГ: Волог., Олон., Пск.; Меркурьев: Мурман.);

— ‘вертикальный столб для крепления жердей изгороди’ (СРГК: Карелия Кондоп., Пуд.; Волог. Вашк., Кирил.);

— ‘жердь в изгороди’ (СРНГ: Волог.; НОС: Ст.), ср. *пряслице* (НОС: Под.).

В Европейской части России, на Урале, в Сибири слово *прясло* (или *прясло́*, по СРНГ) широко распространено в значении ‘звено изгороди длиной в жердь’ (СРНГ: Яросл., Костром., Влад., Калинин., Латв. ССР, Ряз., Киров., Вят., Прикамье, Волгогр., Вост.-Казах., Перм., Свердлов., Тобол., Сиб., Омск., Новосибир., Том., Кемер., Горноалт., Южносиб., Краснояр., Иркут., Бурят. АССР). Фиксирование лексемы *прясло* в указанном значении на такой обширной территории объясняется исторически: в XIX в. данное слово входило в состав общеупотребительной лексики с семантикой ‘звено деревянной стены, окружающей что-либо, также звено забора или изгороди, находящееся в первой между двумя срубами или клетками, а в последних между столбами и кольями’, в тот же период как устаревшее отмечалось значение ‘количество назначенного к молочению хлеба, по числу гуменных прясел или звеньев, близ которых он складывался по привезении с поля’ (Слов. Акад. 1847). Очевидно, что значение ‘изгородь для просушки сена’ вторично, оно повсеместно распространено в севернорусских говорах, отмечается также в Прикамье (СРНГ), Сибири (Даль) и Поволжье (Мызников: Марий Эл Морк.). Дополнительные сведения по распространению слова *прясло́* в значении ‘изгородь’ представлены в «Лингвистических картах» Г. Г. Мельниченко, на карте № 35¹⁰ отмечен следующий ареал: по правую сторону Волги, западная граница распространения проходит по линии Сонково — Дмитров, южная — по линии Дмитров — Кольчугино, затем опускается

¹⁰ Мельниченко Г. Г. Лингвистические карты... С. 39.

к югу до Гусь-Хрустального и дальше совпадает с южной границей бывшего княжества, на востоке оно идет дальше границы княжества. Семантика ‘жердь в изгороди’ фиксируется спорадически в русских говорах (СРНГ: Латв. ССР, Костром., Ряз., Дон., Моск., Амур., Киров.; Даль: Сиб.).

Таким образом, слово *прясло* относится к общерусским диалектизмам; по мнению Г. Г. Мельниченко, носителями данного слова являются потомки кривичей. С точки зрения происхождения данное слово общеславянское (по Фасмеру), это подтверждает и Преображенский: в украинском *прясло* — ‘звено плетня, изгороди’ (ЕСУМ: ‘кол в изгороди’), эта же семантика в чешском у слова *přáslo*, в польском у слова *przęsło*. Преображенский полагает, что *прясло* образовано от глагола *прятать*: **пряд-сло* → *прясло*, суффикс *-сло-*, сначала слово имеет значение ‘протяжение’, затем ‘то, чем схвачено (звено изгороди, цепи и т. п.)’ и ‘то, что охвачено’. Эту гипотезу косвенно подтверждает тот факт, что в говорах в качестве синонима используется слово *прядь*. Маценауэр пытается связать с *пратать* (Фасмер). В памятниках русской письменности XV–XVI вв. *прясло* регистрируется в трех значениях: ‘звено изгороди между столбами, кольями; звено забора’, ‘изгородь из жердей’ и ‘количество снопов, идущее за один раз на сушило, называемое на Русском Севере, как и изгородь, пряслом’ (СлРЯ XI–XVII вв.). Два первых значения перешли в говоры, причем в севернорусских говорах более употребительна семантика ‘изгородь из жердей’ (с дополнительными семами), а в других — ‘звено изгороди между столбами’. Третье значение трансформировалось и сохранилось только в архангельских говорах: ‘количество снопов между двумя ближайшими вертикальными столбами прясла’. У слова *прясло* кроме исконных появились новые значения в результате метонимического переноса: ‘жердь изгороди’, ‘столбы изгороди’ (это значение локально ограничено, отмечается в пинежских и карельских говорах), ‘расстояние между жердями, на которые кладут снопы’ (употребляется только в каргопольских говорах). Примечательно, что анализируемая лексема имеет только фонетическое варьирование.

Возникает вопрос о принадлежности или непринадлежности слова *прясло* к литературному языку: так, в МАС оно дано без помет в значениях ‘часть изгороди от столба до столба, жердь изгороди, изгородь’ и ‘приспособление из продольных жердей на столбах для сушки снопов, сена’.

Отдельные части изгороди в говорах имеют свои наименования, рассмотрим слова *вёрея* и *перетьика*, а также реалии, которые они обозначают.

Лексема *вёрея* имеет несколько акцентологических и деривационных вариантов в пинежских говорах, обладающих различной семантикой, мы отметим лишь те значения, которые соответствуют тематической группе «Изгороди и их устройство». Слово *вёрея* зафиксировано в нескольких значениях:

— ‘столб у ворот’ (АОС: Пин.), ср. *верей* (Сими́на: Веегора, Вальтево, Пахурово), *верёюшка* (Сими́на: Пахурово, Веркола), *вёрья* (АОС: Пин.);

— семантика ‘столб прясел, высотой около 4 метров’ отмечается в говорах верхнего и среднего течения реки Пинеги (Сими́на: Лето-пала; ПДО: *Из сосны́ де́лали вёреи; Это столбы́, с обе́их сторо́н затёсаны, чтоб с одной́ сторо́ны жёрдь и с друго́й.* Шардонемь), ср. *верей* (Сими́на: Веркола, Шиднема), *верёя* (ПДО: *Нбву верёю сде́лали, огоро́да кабы́ть уж ско́ро бы па́ла.* Шардонемь, Айнова, Церкова), *вёреё* (Сими́на: Кучкас);

— ‘столб с отверстиями, для жердей в изгороди’ (АОС: Пин.), ср. *верей* (СГРС, АОС: Пин.), *вёрья* (АОС: Пин.).

Лексема *верей* также употребляется в значениях ‘вешала для просушивания скошенного сена, жита, льна’ (СГРС: Пин.), ср. *пря́сло* и ‘вынимающаяся жердь в изгороди’ (СГРС: Пин), ср. *заво́ры*.

В целом в архангельских говорах акцентологический вариант *верей* распространен повсеместно в значении ‘вертикальный столб, стойка, косяк с отверстиями для навешивания створок ворот, двери, жердей изгороди’ (АОС: Онеж., Леш., Карг., Шенк., Вель., Холм., В.-Т., Красн., Мез.; СГРС: Вил., Плес., Усть.), в каргопольских говорах регистрируются варианты *вёрея*, *вёрья* (АОС), в Холмогорском (Сими́на: Леуново) и Приморском районах (СГРС) — *верёюшка*; как отмечалось выше, эти варианты фиксируются и в соседних пинежских говорах. Лексема *верей* в отдельных говорах имеет дополнительную семантику: ‘вешала для просушивания скошенного сена, жита, льна’ (СГРС: В.-Т., Усть.); ‘дверь [?], калитка при входе во двор’ (СРНГ: Карг.); ‘деревянное крепление, на котором держится дверь, ворота’ (СГРС: Вил., Леш., Усть.), ср. *верёя* (СГРС: Леш.), *верья* (СГРС: Усть.); ‘ворота в полевой изгороди’ (СРНГ: Сев.-Двин.), ср. *верельница* (СРНГ: Сев.-Двин.).

На Русском Севере слово *верей* широко распространено в вологодских и новгородских говорах, в основном данный диалектизм

употребляется для наименования тех же реалий, что и в архангельских говорах: ‘столб, на который навешивается створка ворот, дверей’ (СОВН: Повсем.; НОС: Под., Новг., Оп., Мал.), ср. *верёя* (ПОС: Пск.), *верей* (СРНГ: Новг.); ‘косяк у дверей, ворот’ (СОВН: повсем.); ‘деревянное крепление, на котором держится дверь, ворота’ (СГРС: Волог. Бабуш.), ср. *верья* (СГРС: Волог.). Однако есть локально ограниченные значения лексемы *верей*: ‘изгородь’ (НОС: Ст.), уменьшительно-ласкательная форма *верейшкa*; ‘скрученная из прутьев петля, скрепляющая жерди при строительстве ворот’ (СГРС: Волог. Тот.).

В говорах Русского Севера рассматриваемая лексема употребляется как в единственном, так и во множественном числе; в Калужской области, напротив, морфологический вариант *верей* ‘ворота’ относится к группе *pluralia tantum* (СРНГ).

Таким образом, слово *верейя* является общерусским диалектизмом. С точки зрения происхождения оно общеславянское, фиксируется несколько значений: ‘косяк, столб у двери и у ворот’ (Фасмер: словен., чеш., словац., польск.; ЕСУМ: укр.), ‘половинка, створка ворот’ (Фасмер: укр.; ЕСУМ: польск., чеш., словац.), ‘засов’ (ЕСУМ: укр.), ‘деревянный замок’ (ЕСУМ: укр.). Преображенский отмечает, что слово *верейя* восходит к *врети*, по образованию соответствует литовскому на *-ejes* от *вер.

Из всех диалектных значений анализируемого слова (а также его фонетических, акцентологических и морфологических вариантов) можно выделить три основные группы: одни толкования связаны с устройством изгороди, другие — с каким-либо участком земли, третьи — с рыболовными снастями. Эти значения развились из первичных, отмеченных в СлРЯ XI–XVII вв.:

— ‘столб, на который навешивается створка ворот, дверной косяк’ (с XII в.);

— ‘веревка, на которую между деревьями навешивается сеть, основа сети’ (с XIV в.);

— ‘жердь, которой запирают ворота, бревно, брус’ (с конца XV в.);

— ‘участок земли или леса’ (с конца XVI в.).

В современном русском языке рассматриваемое слово и его значения являются диалектными: так, в БАС фиксируется слово *верейя* с пометой «Обл.» в значении ‘столб, на который навешивается створка ворот’. От этого прямого значения, зафиксированного в памятниках русской письменности еще в XII в., в говорах образовались

вторичные значения в результате переноса по смежности: ‘ворота’, ‘изгородь’, ‘столб с отверстиями, для жердей в изгороди’, ‘вынимающаяся жердь в изгороди’, ‘вешала для просушивания скошенного сена, жита, льна’ и др. Лексические значения слова *вѣрѣя*, связанные с устройством изгороди, распространены в значительной части говоров Русского Севера, и одно значение зафиксировано в Калужской области. Общей для севернорусских говоров является семантика ‘столб, на который навешивается створка ворот’. Два значения слова *верѣя* отмечаются только в архангельских говорах (в том числе и в пинежских): ‘вешала для просушивания скошенного сена, жита, льна’ и ‘столб с отверстиями для жердей в изгороди’. В пинежских говорах регистрируется локально ограниченный акцентологический вариант слова — *вѣрея* (еще отмечен в каргопольских говорах) и пинежская семантика данного диалектизма: ‘вынимающаяся жердь в изгороди’ и ‘столб как составная часть прясла’.

В лексической системе пинежских говоров слово *перетьика* относится к тематической группе «Изгороди и их устройство», так как употребляется в значениях ‘расстояние от одного столба до другого в изгороди для сушки снопов, сена (в прясле)’ (Сими́на: Подрадье, Марьино, Шиднема, Пахурово, Юбра), ‘количество снопов между двумя ближайшими вертикальными столбами прясла’ (СРНГ: Пин.) и ‘два кола в изгороди для сушки снопов, сена (в прясле)’ (ПДО: *Перетьика-то у прясла, два ко́лья связать, вот и перетьика*. Шардонемь). Морфологический вариант *перетьик* зафиксирован в единичном случае в значении ‘вертикальный шест изгороди’ (Сими́на: Веркола).

В архангельских говорах лексема *перетьика* регистрируется только в одном значении — ‘подпорка изгороди, забора и т. п. в виде двух жердей, связанных концами’ (Подвысоцкий: Онеж.; картотека АОС: Усть., Красн., Плес., Вил., Карг., Нянд., В.-Т., Холм., Вин., Леш.), в качестве синонима в отдельных говорах используется слово *перетьик* (Картотека АОС: Карг., СРНГ: Онеж.). В Вологодской области зафиксировано слово *перетьика* в указанном значении (СРГК: Кирил.).

Оба варианта, *перетьика* и *перетьик*, с семантикой ‘попарно соединенные колья изгороди, поддерживающие горизонтальные жерди’ спорадически отмечаются в русских говорах: *перетьик* (СРНГ: Свердл.), *перетьика* (СРНГ: Яросл., Калин., Перм., Свердл., Вят., Моск.). В московских говорах слово *перетьика* регистрируется как ‘изгородь’ (СРНГ).

Итак, слово *перетька* относится к общерусским диалектизмам. Можно предположить, что данное слово образовано от глагола *перетька́ть* безаффиксным способом. В памятниках русской письменности регистрируется только слово *перетьк*, оно употребляется с XVII в. в значении ‘средние (посреди звена) колья в изгороди’ (СлРЯ XI–XVII вв.). Эта семантика переходит в диалектные лексические системы, однако в говорах появляется морфологический вариант — *перетька*, который вымещает однокоренное слово мужского рода, употребляется чаще. В пинежских говорах значения слов *перетька* и *перетьк* разводятся, они не функционируют как синонимы. Семантика лексемы *перетька* расширилась, в результате метонимического переноса появились новые значения, связанные с устройством изгороди: ‘расстояние от одного столба до другого в изгороди для сушки снопов, сена (в прясле)’ и ‘количество снопов между двумя ближайшими вертикальными столбами прясла’. Эта семантика локально ограничена, регистрируется только в пинежских говорах.

Резюмируя, отметим, что в тематической группе «Изгороди и их устройство» мы проанализировали 6 лексем. Все слова — отглагольные существительные, для них характерен безаффиксный способ образования. С точки зрения этимологии все лексемы исконно русские. Семантика исследуемых слов имеет древнюю историю (в памятниках письменности фиксируется с XVI–XVII вв.), в целом она претерпела незначительные изменения (появились вторичные значения в результате переноса по смежности), поскольку традиционные виды изгородей продолжают использоваться и в наши дни. Кроме этого об архаичности указанных лексем свидетельствует устойчивость их внешней формы: в пинежских говорах регистрируется небольшое число вариантов слов, у отдельных диалектизмов они вообще отсутствуют (*прясло*). Названия изгородей могут быть разделены на группы по процессам их создания (*засека*, *обсек*) и по огораживаемому месту (*остобжье*). Ближайшая этимология их довольно прозрачна, но есть и такие наименования, которые в настоящее время воспринимаются как немотивированные (*прясло*). Синонимов в данной тематической группе почти нет. Как известно, морфологический уровень языка статичен, он изменяется медленно. В рассматриваемой группе слов отмечен пример перемены рода с мужского на женский: слово *перетьк* фиксируется в памятниках русской письменности и в незначительной части говоров, *перетька* отмечается в этих же говорах и во всех остальных. Других

вариантов этого диалектизма не регистрируется. Очевидно, мы наблюдаем переходный этап смены рода: женский постепенно вытесняет мужской. В зависимости от территории распространения реалий и слов можно выделить общеславянскую (*вѣрея, прѣсло*) и общерусскую лексику (*зѣсека, ѓсек, остѓжьє, перетьѓка*).

Литература и список сокращений

- АОС — Архангельский областной словарь / под ред. О. Г. Гецово́й. Вып. 1–11. М., 1980–2001.
- Даль — *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1–4. М., 1978.
- Дерягин В. Я.* О развитии диалектов Архангельской области по данным истории и географии слов: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1966.
- ЕСУМ — Етимологічний словник української мови. Т. 1–3. Київ, 1982–1989.
- Картотека АОС — Картотека Архангельского областного словаря, Поморский государственный университет им. М. В. Ломоносова, г. Архангельск.
- Симина — Картотека пинежских говоров Г. Я. Симиной, Институт лингвистических исследований РАН, г. Санкт-Петербург.
- Комягина Л. П.* Лексический атлас Архангельской области. Архангельск, 1994.
- Куликовский — *Куликовский Г. И.* Словарь областного олонецкого наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1898.
- Мельниченко Г. Г.* Лингвистические карты. Приложение к книге «Некоторые лексические группы в современных говорах на территории Владимиро-Суздальского княжества XII — нач. XIII в. (Территориальное распространение, семантика и словообразование)». Ярославль, 1974.
- Мельниченко Г. Г.* Территориальное распространение и семантика некоторых слов по данным местных говоров (Слова, обозначающие изгороди) // Вопросы русского языкознания. Вып. 5. Ярославль, 1969. С. 85–108.
- СРГП — *Мызников С. А.* Словарь русских говоров Поволжья // Русские говоры Среднего Поволжья. СПб., 2005. С. 255–467.
- НОС — Новгородский областной словарь / отв. ред. В. П. Строгова. Вып. 1–13. Новгород, 1992–2000.
- ПДО — полевые диалектологические обследования, проведенные автором статьи.

- Подвысоцкий — *Подвысоцкий А.* Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1885.
- Преображенский — *Преображенский А.* Этимологический словарь русского языка. М., 1910–1914.
- ПОС — Псковский областной словарь. Т. 1–17. СПб., 1973–2005.
- СГРС — Словарь говоров Русского Севера / под ред. А. К. Матвеева. Т. 1–2. Екатеринбург, 2001, 2002.
- СОВН — Словарь областного вологодского наречия. По рукописи П. А. Диллаторского 1902 г. / Изд. подгот. А. Н. Левичкин, С. А. Мызников, Ин-т лингв. исслед. РАН. СПб., 2006.
- СРГК — Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей / гл. ред. А. С. Герд. Вып. I–VI. СПб., 1994–2005.
- СРНГ — Словарь русских народных говоров / под ред. Ф. П. Филина. Вып. 1–41. Л., 1966–2007.
- БАС — Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. М.; Л., 1948–1965.
- СлРЯ XI–XVII вв. — Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–26. М., 1975–2001.
- Слов. Акад. 1847 — Словарь церковнославянского и русского языка, сост. Вторым отд. Акад. наук. Т. 1–4. СПб., 1847.
- Фасмер — *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Т. 1–4. М., 1964–1973.
- ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков / под ред. О. Н. Трубачева. Вып. 1–33. М., 1974.

M. Antusheva. The names of some fences and fence's parts in Russian northern dialects (on the data of pinegskiy dialects)

The paper describes some lexical peculiarities specific for northern dialects. The author gives much attention to pinegskiy dialects. The paper presents some data on semantics, formation, history and geography of the words.

Key words: pinegskiy dialects, fences, lexical peculiarities.

ЖИВАЯ РЕЧЬ В СЕВЕРНОРУССКИХ ЖИТИЯХ XV–XVII вв.

Основой исследования являются письменные источники — жития севернорусских святых. Стремление к достоверности — одна из черт этих текстов. Описание бытовых ситуаций, рассказы об исцеляемых недугах позволяют включать в текст бытовую лексику, термины народной медицины. Автор статьи выявил и описал значительное число таких явлений.

Ключевые слова: агиография, диалектная география, просторечие, лексические и фразеологические диалектизмы, термины народной медицины.

Документной основой исследования послужили письменные источники, изданные в серии «Памятники русской агиографической литературы» (Изд-во СПбГУ, 2000–2008; издано 9 сборников). Многие из представленных редакций житий изданы впервые, есть и впервые изданные жития.

Состав старорусских житий подчинялся определенному канону: вступление; рассказ о жизни святого; чудеса, творимые святым, а после его смерти — именем святого; заключение. Однако отступлений от канона много, в частности в количестве и содержании чудес.

Стремление к документализму и достоверности изложения — одна из примечательных черт этих житий. Как правило, они писались вскоре после смерти праведника, поэтому авторы ссылаются на современников — «самовидцев», упоминают реальные исторические события и реальных деятелей эпохи. Особенно это характерно для рассказа о жизни святого. В чудесах же, несмотря на «чудесное» содержание таких фрагментов, речь идет о различных бытовых ситуациях, о телесных недугах и чудесных исцелениях. Здесь мы встречаем и бытовую лексику, и термины народной ме-

дицины. Именно эта часть лексикона и станет объектом нашего преимущественного внимания.

Приведем предварительные замечания об истории и характере избранных для анализа житий (их перечень и используемые сокращенные обозначения приведены в конце статьи).

Наиболее древнее из них — Житие Кирилла Белозерского (ЖКБ, далее указываются листы рукописи по изданию)¹. Кирилл Белозерский (около 1337–1427) — личность незаурядная: основатель и игумен Кирилло-Белозерского монастыря, духовный писатель, книжник². Его житие написал около 1462 г. по повелению великого князя Василия Васильевича и по благословию митрополита Феодосия самый плодовитый писатель XV в. Пахомий Логофет, серб по рождению и по прозванию³, специально для этого приезжавший в Кирилло-Белозерский монастырь: «великъ троуд подымъ. далечеишаго ради растоянъя местомъ» (л. 4 об.).

Житие создано на основании записанных им рассказов современников — «самовидцев». Главные информаторы названы в тексте: тогдашний игумен «Касиян» (Кассиан) и «Мартиян» (Мартиниан) — ученик Кирилла, игумен Ферапонтова монастыря и Троице-Сергиева монастыря. Касиян — «самовидец бяше блжннаго и многымъ его чудесемъ сказатель истинный бысть» (л. 5), а Мартиян — «самовидец таковаго жития... иже от мала възраста живша съ стымъ Кирилоу. иже и веды известно о стмъ» (л. 6). Поэтому сочинение насыщено конкретными историческими сведениями, именами, ссылками на обстоятельства. Так, подробный рассказ об исцелении княгини Марьи Белевской от «безчадствия» или «неплодства» (л. 49–54) завершается следующей ссылкой: «сия убо сама та княжна Мрья исповеда единому от инок. тоя обителя достоверно. Игнатию же именовъ сеи же мне сказавъ. азъ ж слышавъ от него достоино. верно быти писанию предахъ. яко да не забвена стго чюдеса» (л. 54). Письменным источником для Пахомия послужила духовная грамота Кирилла, которая включена в Житие с некоторыми изменениями (л. 69–72).

¹ Анализируемое издание основано на рукописи РНБ, шифр Погод. 732, XVI в. Именно оно и цитируется в нашей работе в упрощенном по необходимости воспроизведении.

² *Ефимов Н.* Преподобный Кирилл Белозерский и его послания. Симбирск, 1913; Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2. Ч. 1. Л., 1988. С. 475–479.

³ *Яблонский В.* Пахомий Серб и его агиографические писания. СПб., 1908; Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2. Ч. 2. Л., 1989. С. 167–177.

Документализм и достоверность изложения, относительная простота и ясность языка в повествовании о событиях — это самая примечательная особенность анализируемого Жития. Приведу один пример, характеризующий художественную практику Пахомия Серба. Описывая чудесную помощь святого по наполнению монастырских житниц во время неурожая и голода, он указывает: «егда како не достаноут брашна толику множеству. и сего ради умоли паче даяти хлебъ приходящим в монастырь глада ради хлебнаго. тогда и брашна **в мучнице** множае оскудеваху, и оумаляхуся, егда обилно всемъ требующимъ даяху. тогда и брашенъ множество. исполняшес видев же таковое чудо **хлебнице** монастыря того. иже своими руками брашно емлюще бяху бо тогда множае даяху...» (л. 88). Слова *мучница* и *хлебница* называют, судя по тексту, одно и то же хозяйственное помещение, но какое: поварню, пекарню (хлебопекарню) или житницу? В монастырских описях Кирилло-Белозерского монастыря 1601 г.⁴ упоминаются три типа хозяйственных построек: «*хлебня*» (хлебопекарня), «*10 житниц* под одною кровлею... каков хлеб в житницах и тому роспись...», «*два амбара деревянные*, а в них мука ржаная» (л. 456, 457, 498). Думаем, что в примере из Жития Кирилла Белозерского имеются в виду житницы — амбары для хранения зернового хлеба. Форма на *-ица* (*мучница*, *хлебница*) объясняется традицией житийной литературы, кроме общепринятого *житница* ср. в Житии Павла Обнорского: *тружатис в магернице и въ хлебопещнице* (л. 77) или в Житии Дионисия Глушицкого: в *магернице* (л. 31). Стремясь к более конкретному называнию реалии, Пахомий берет не родовое название *житница*, а создает свои, видовые, причем не обходится одним, а в духе плетения словес использует два синонима.

В связи с вышеупомянутым словом *магерница* «поварня» укажем на одну неточность в его передаче автором или переписчиком, или издателем Жития: «посылаем бывает от настоятеля в мегедницу сиречь в поварню» (ЖКБ, л. 17). Вариант *мегедница* не зафиксирован ни Сл XI–XIV вв., ни СлРЯ XI–XVII вв.

Для анализа нами выбраны два типа языковых единиц, обладающих специфической выразительностью: во-первых, бытовые слова, обозначающие предметы и явления окружающего мира; во-вторых, слова и выражения, называющие разного рода недуги, способы и результаты лечения.

⁴ Опись строений и имущества Кирилло-Белозерского монастыря 1601 г. СПб., 1998.

Приведем определение при характеристике Кирилла, подчеркивающее его бытовую непритязательность: *просто хождаше в ризах раздранней и многошвенне* (л. 39); *многошвенне* значит «многократно чиненный». Кстати, это слово есть и в Житии Сергия Радонежского (1418 г.) при характеристике святого Сергия: *ризу ношаше, ветошну и многошвену* [СлРЯ XI–XVII вв., IX, 225]. Правда, здесь использовано сложное слово (*composita*), что более соответствовало концепции плетения словес, чем тенденциям к воспроизведению повседневной речи. Ср. подобные примеры: «землею покрыша *многострадалное и трудолюбное тело*» (л. 78 об.); *и тако молящуся ему в сонѣ светлосноную некою жену явльшу ему. и старца некоего с(вято)лепѣна за руку держаща* (л. 51).

Скажем еще о предпочитаемых в данном Житии сложных словах. Здесь решительно выделяется большое гнездо слов с ключевым словом *благо*: 26 употреблений слов с корнями *благ + чест* (*благчество, блгочестивыи*), 15 употреблений лексем с корнями *благ + дар* (*благодарящи, блгодарение, благодарити*), 14 случаев — с корнями *благ + да(ти)* (*благоданну, блгдть*), 12 фактов — с корнями *благо + слов* (*благословение, благословляеть, блгсвнѣ, блгсвити-ся*), 2 примера — с корнями *благо + род* (*благродному, блгородныи*). По одному разу употреблены слова *благовещательных, благоговейнѣстве, блголепие, блгоуветливѣ, блгоухание, блгочинии*. С понятием блага в церковнославянском языке было связано понятие благочестия, «понятие благочестия в сознании средневекового человека соотносилось прежде всего с представлением о присутствии в мире всемогущего Бога, грозного и справедливого судии, определяющего всю его жизнь»⁵.

Зато в житиях Павла Обнорского и Сергия Нуромского другое соотношение сложных слов с корнем *благ-*: на первом месте *благ + слов* (23 и 21 пример соответственно), далее в порядке убывания *благо + да(ти)*, *благо + дар*, *благо + чест-*. Только в Житии Павла Обнорского встречаются слова *благговеть* и *благговолить*.

С понятием блага связана семантическая оппозиция добра и зла, представленная в соответствующих рядах слов: *злостражуще / злестражоуща, злорадовашеся, злострадании, злостражущимѣ* (всего 7 употреблений) — *добродетель* (12 употреблений). Ср.: *скорбяще и злостражуще* (л. 3 об.); *во всякомѣ въздержании злострадании* (л. 19 об.), *злестражоуща от нечстаго беса* (л. 45 об.) —

⁵ Вендина Т. И. Средневековый человек в зеркале старославянского языка. М., 2002. С. 190–191.

имяше въ срци добродетель (л. 8). Добро соотносилось с благом: набожность и благочестие человека — это признаки его доброты. Зло же персонифицировано с бесом, оно несет страдания, оно связано и с недугами человека.

Перейдем к рассмотрению слов и выражений, которые представлены в «чудесах» и характеризуют болезни человека, способы исцеления, применяемые святым, и физическое состояние исцелившегося.

Возможности святого и общие названия недугов описаны следующим образом: *всехъ дшевныа струпы обязоваша. всехъ телесныхъ недугъ исцеляше всехъ отъ злобъ согнание ичищаше* (л. 106 об.). Дар исцеления дарован Богом: *таковая убо дарования стмоу даровашеся ради великаго его усердия и любве еже къ бгоу понеж спво есть слово глщее просите и примете... не некоим повелениемъ но Хса призываниемъ и прчстыя его Бгоматери* (л. 68 об.—69).

Синонимический ряд родовых названий болезней невелик: *болезнь* (31 употребление), *недугъ* (13 случаев): *болезнь пременис и бысть здравъ* (л. 59); *в недугъ телесныи впасти... случися в недоугъ великъ впасти* (л. 65); *впадох убо в частыя и различныа болезни, имъ ж нне одержимъ* (л. 70); *исцеление получивши от недоуга своего и бысть здрава* (л. 100 об.). С помощью этих слов обозначаются и видовые типы болезней: *исцеление получи не токмо в телесныхъ и въ дшевныхъ* (л. 68 об.). При этом различаются сумасшествие как недуг душевный и телесные хвори, хотя преобладающая синтаксическая формула для их именованя одинакова: *одержимъ болезню — одержимъ бесомъ*, но есть и различие: *впасть в болезню, но мучимъ бесомъ — съкрушаемъ бесомъ — стражетъ отъ беса*.

Беснование, т. е. сумасшествие, описано отдельно, и хотя причина его всегда одна — бесовское наваждение, что учтено формально корнем слова (*беснование, бешенство* — от *бес*), но номинаций для его именованя несколько, например: *О бесноующимся... злестражоуща от нечстаго бесе... постражетъ от лютаго беса* (л. 45 об.); *яко въ иступлении оума бывшоу* (л. 53 об.); *бесомъ моучима люте... бесомъ съкрушаема* (л. 82); *бесъ нападе на нь. и начя его мучити* (л. 83); *бешение и злое мчние* (л. 90); *бесомъ облагоданъ бывъ и сего ради ума своего изъстоупилъ бяше и беси многи явлениемъ страннымъ и страшнымъ являхоус томоу и смртию претяще* (л. 94); *бесомъ позавиденъ бывъ. и оума иступашу* (л. 104).

Видовые названия телесных болезней приводятся редко (о них речь пойдет дальше), чаще описывается общее состояние больного

человека: *оуди тела его раслабишас* (л. 49); *Афонасью случися болезнию великою одержимому ему быти вси убо уди тела того раслабишася и не можаше отиноуд двигнутися* (л. 54 об.); *телесною силою слабяше... немощенъ ж быхъ... немощные оуды...* (л. 73 об.).

Конкретные обозначения болезней немногочисленны. Это *болети ногама, студеная болезнь — трясовица, слепыи*; см. примеры: *ногама болети* (л. 98); *бяху тогда студеною болезнью одержими сиречь трясавицею или иными некыми недуги вси исцелишиа блгдтию Хсвою* (л. 53 об.); *слепа и не видящи* (л. 56 об.).

Зато невозможность иметь детей в рассказе о княгине Марии Бельской обозначена несколькими номинациями: *безчадствие, неплодство, чада не имуще*; см. примеры: *чада не имоуще... о своемъ безчадствии... разреши неплодство* (л. 49 об.). Исцеление от этого недуга обозначается по-другому: *дастъ бгъ плод детородия* (л. 50).

Выздоровление обозначается преимущественно словами с корнем -цел-: *исцеление, исцелити, исцелившиися* в различных формах, чаще в сочетании: *исцеление полоучи* (л. 82). Есть и другие варианты обозначения здорового состояния: *здрава створивъ его* (л. 49), *устрабися от болезни* (л. 59 об.), *пременися от недуга* (л. 66 об.), *бысть здравъ и смысленъ* (л. 91 об.).

В Житии Кирилла Белозерского мы имеем образец «правильного» жития, здесь все правильно с точки зрения канонов агиографической практики: и содержание, и структура, и язык. Пафос и риторические украшения там, где следует, и в ограниченном количестве, минимум бытовых реалий и описаний, обобщенные наименования предметов и явлений. В Житии Кирилла Белозерского по сравнению с другими житиями, написанными местными писцами, соматическая лексика и фразеология, как и обозначения болезней, используются в общерусском варианте, преимущественно это родовые названия.

Приведем для сравнения названия болезней, выявленные нами в Житии Герасима Вологодского (некоторые исследователи называют его «Повествованием о чудесах»); в его составе 25 чудес (по списку XVII в.): *скорбяше ногами... правую ногу ему скорчило и жилы сволокло* (л. 222); *немощна была правою ногою... боле щепело в берце* (л. 226); *скорбела ногою, была притошная язва на плесне* (л. 231); *поколебалась оумомъ* (л. 224); *от духа нечистаго страдаше* (л. 228); *скорбь была в немъ нутреная порча, и телесныя оуды отнялися* (л. 225 об.); *болящу ему очми* (л. 229 об.); *ослепеша очи его* (л. 240 об.); *скорбель лихорадкою* (л. 230); *случися ему зубною болезнию одержиму*

быти (л. 238); скорбяше главою щепело во главе (л. 241 об.); нача в главе оу него болети, и бысть щепота (л. 247 об.).

Рассмотрим еще материал небольшого по объему Жития Дионисия Глушицкого (ЖДГ), созданного в 1495 г. иноком этого монастыря Иринархом⁶ (известно около 80 списков этого текста; анализируемый список относится к 20-м гг. XVI в.). Здесь мы встречаемся с локальным вариантом обозначения зубной болезни *зоубом болезнь: некий члкъ име. зоубом болезнь* (ЖДГ, л. 27 об.).

Чудес исцеления в ЖДГ нет, но возможность исцеления у гроба описана в терминах народной медицины: *Идеж нне от гроба стго здравие приемлют. слепым прозрение дает. от бесовъ свобожделение. раслабленным стягнутия. скорчующим роукам протяжение. и всем болезням здравие дает* (ЖДГ, л. 61). Кстати, подобное место есть и в Житии Сергия Нуромского (ЖСН): от гроба стаго многим исцеление бываше, *бесным оцыщение слепым прозрение, хромымъ течение, и всякими недуги одержими здравие приемлютъ* (ЖСН, л. 109 об.).

Обратимся к Житию Димитрия Прилуцкого. Святой Димитрий (нач. XIV в., Переяславль-Залесский — 11.02.1392, Спасо-Прилуцкий мон.) по известности и почитанию сравним с Сергием Радонежским: он «бываше събеседникъ дховныи. иже тогда всеа Роуси светилникоу. прпдобномуу Сергию чудотворцю. к томуу в монастырь стья и живоначалныа Троча прихожаше. и от нег благсение принимае (ЖДП, л. 205 об.). Великий князь Димитрий Иванович «почиташе того якоже втораго столпа в Роуси великого Сергия, тако и от сего блженаго, блсение и молитвоу приемля» (ЖДП, л. 207 об.).

По мнению С. А. Семячко, «Житие Димитрия Прилуцкого было одним из наиболее популярных агиографических произведений средневековой Руси»⁷, к настоящему времени выявлено более двухсот списков этого Жития. Ученые датируют его разными периодами XV в. В одном из списков значится, что это «творение тоя же обители игоумена Макария» (ЖДП, л. 201), имя которого упоминается в жалованной грамоте 1471–1472 гг. Анализируемый список (РНБ, Софийское собрание, № 1361, XVI в.) содержит предисловие, основную часть и 8 чудес. В целом объем его незначителен: около 20 листов (л. 201–221 об.).

Сравнивая соотношение риторического и фактографического начал в тексте, отметим, что автор отдал предпочтение риториче-

⁶ Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2. Ч. 1. С. 439.

⁷ Семячко С. А. Из истории вологодской агиографии // Жития Димитрия Прилуцкого, Дионисия Глушицкого и Григория Пельшемского. СПб., 2003. С. 11.

скому. Но достоверность («фактографичность») подтверждается топонимикой и ономастикой, связанными с биографией Димитрия Прилуцкого. Имеются и ссылки на «самовидцев»: «токмо поя съ собою оученика своего. достоверна въ всемъ и подобна его житию смиренному, именемъ Пахомиа. той нам много свидетельствова о житии блаженнаго» (ЖДП, л. 208).

Обратимся к медицинской лексике.

Больше всего свидетельств об исцелении сумасшедших. Приведем все слова и выражения, обозначающие такой недуг: единъ от них *невеглсъ и неразсоуденъ* (л. 216 об.), некако *от привидения диавола оумомъ смятеся. и недостойная глици* (л. 217 об.), *бесом мочимъ люте несмысленая гл(агола)ти. от беса принууждаемъ люте* (л. 218), томуо слоучися *смятися оумомъ* (л. 218 об.), *впаде в недоугъ лють, яко весь раслабленъ. и смоутися смысломъ, и гла-ти не могу* (л. 220). Часто в случае такой болезни указывается целый комплекс сопутствующих факторов в зависимости от того, тихим или буйным видом помешательства поражен человек.

Нередки указания на слепоту человека, иногда в комплексе с другими недугами: *едином оком слепа* зане от болезни на лице *выстоупаше. также и роукою единою ничто же владея* (л. 219).

См. упоминания о болезни *корчета* — *зелное корчение*: *быс в людех тяжекъ недоугъ корчета и многих болны скорченных роуками и ногами... от зелнаго корчения* (л. 215 об.).

Оценим материал из житий двух выдающихся подвижников XIV — начала XV в., учеников и последователей преп. Сергия Радонежского: это жития Павла Обнорского (ЖПО) и Сергия Нуромского. Анализируемые рукописи датируются XVI в. Особо значимо для целей нашего исследования Житие Сергия Нуромского: во-первых, автор ссылается на свидетельства современников и использование письменных источников (*написах имх елика в слухи моя достиже, и елика в свитцех обретох написана от многих малая* — ЖСН, л. 135); во-вторых, в составе этого жития 77 чудес, что позволяет вывить достаточный перечень болезней в именованных конца XVI в.

В целом лексики с положительными коннотациями в составе житий больше, чем слов и словосочетаний с отрицательной семантикой, поскольку житийные тексты посвящены восхвалению праведников, описанию их подвигов и чудес, творимых при гробе или с помощью имени святого. О словах с корнем *благ-* сказано ранее. Далее в порядке убывания идут слова с корнем *вес* — *все* (например,

только слово *всемиловитый* в разных формах в ЖСН употреблено 53 раза), *бог-*, *добр-*.

Слова и фразеологизмы с отрицательной коннотацией сосредоточены именно в чудесах при описании болезненных состояний.

Что касается общих названий болезней, то, судя по данным житий, в разговорной речи предпочиталось слово *недугъ* (ЖПО — 12, ЖСН — 42 употребления). Лексема *болезнь* имела более высокий стилистический статус и замечена меньше, причем преимущественно во фразеологических сочетаниях: ЖПО — 15, ЖСН — 17. Значительно реже отмечаются слова, относящиеся к гнезду (*не*)*моц-*: 5 и 8 случаев соответственно. Приведем несколько примеров: *в болезнь* впаде тяжку зело, и от тоя *болезни* вельми изнемогати ему крепце (ЖСН, л. 103 об.); случися в великъ в *недугъ* впасти. и никакоже ему мощно от *недуга* своего и от *зелныя немощи* оусты своими глати (ЖСН, л. 127 об.).

Перейдем к родовым названиям (все иллюстрации из Жития Сергия Нуромского). На первом месте по употребительности будет *бесный недугъ*, номинации этого недуга разнообразны: о *бесном* человеце (л. 109 об.), о человеке некоем *иступившем оума* (л. 111); *мучимъ от* нечистаго *беса* (л. 109 об.), *от беса мучима* люте страждуща (л. 110 об.), случися ему *смятену оумом быти* от зависти и рвеня бесовскаго (л. 111), *преданъ бысть* сатане во измождание плоти и толико *возмятесе оумом* (л. 115 об.), одержаше его *бесныи недугъ*. и зело мучаше его *бесъ* (л. 113). Судя по контекстам, сюда же относятся *черный недугъ* и *оугарная немощь*: *обдержимъ бысть немощию от нечистаго дха черным недугом яже г(лаго)лется оугарная немощь* к сему же и *разслабленъ бысть*. яко *не моцци ему ни рукама ни ногама двигнути* (л. 125 об.), *боленъ бе черным недугом*. и *не гла оусты* своими ничтоже (л. 138). Поражающая сила этого недуга была комплексной: некую жену велми болну *от беса мучиму*. и *оума еа иступивши* якож быти ей *в велице разслаблении ни рукою ни ногою никако же владети или двигнути* (л. 130 об.).

Определенный тип заболеваний носил название *зельная болезнь*: очи ему тяжки от *зелныя болезни*. и белма на них явишася а века их яко мясо являшася (ЖПО, л. 47 об.).

Чаще всего болезни именовались составными наименованиями, в качестве опорных выступали слова *недугъ*, *болезнь*, *немощь*. Перечень получается солидным: *взметным недугом*, *водным недугом*, *болезнию студеною*, *зубною болезнию*, *очною болезнию*, *зелныя болезни*: сей одержим бысть *падучею немощию взметным недугом* обията

бысть (ЖСН, л. 119), боленъ бысть *водным недугом* (ЖСН, л. 114 об.), одержимъ *болезню студеною* (ЖПО, л. 69), одержим *зубною болезнью* (л. 68); о больном *очною болезнью*: *впаде в болезнь очную* яко нимаю видети света сего от *зелных болезни* (ЖСН, л. 131 об.).

В других случаях болезнь именуется одним словом (*слепа, нема, разслабленъ*) или характеризуется описательно. Приведем соответствующие примеры: *слепа* бе обема очима не видети света (ЖСН, л. 119); *очима скорбну*, много летъ и света не видевшу (ЖСН, л. 121); Павелъ *нем* и *раздроблен всеми оуды* (ЖСН, л. 123 об.); жена некая Киликия *разслаблена всеми оуды* (ЖСН, л. 110); ничемъ *не можаше от оудъ своих владети. разслабис* вся *составы* ея (ЖСН, л. 127 об.); *рукою не владаше* (ЖСН, л. 122 об.); сия жена *рукою* своею *не владаше* имевъ ю оу себе яко чюжу. и никакоже двигнути ею можаше или повратити (ЖСН, л. 129 об.), о некоем члце *суху имуще руку* (ЖСН, л. 190) — *оуше* ему *рука и нога* (ЖПО, л. 45 об.), оцепенеша челюсти его и бысть *немъ* и *разслабленъ* много летъ (ЖСН, л. 114), *вси оуди* тела его *разслабиша* и *нозе* мой от пояса до поплесния моего *опухли* яко мехи надмени (ЖПО, л. 52), от великаго же того *опуху язвы* на них явишася (ЖПО, л. 49). Распространенность описательных выражений — свидетельство неразработанности медицинской терминологии в русском языке в период Московской Руси.

В ЖДГ зафиксировано местное название черемухи — *черемошие*: «*есть... то древо и до сего дне. ягодичие имат черно зовомо черемошие. и некий члкъ име. зюбом болезнь и с верою снести ягодичие от того древа, абие полоучи здравие* (ЖДГ, л. 27 об.). Формы *черемошие, ягодичие* любопытны и как словообразовательные структуры: здесь реализована модель на *-ие*, непопулярная для именования ягод в современном литературном языке.

В ЖДГ встретилось любопытное название сосны — *певгъ*: *на том месте бе древо велико зовомо певгъ. рекома сосна* (ЖДГ, л. 33). Что такое *певгъ*: родовое название сосны или собственное имя дерева — остается загадкой. В Северной Руси в старину имя собственные получали иногда крупные предметы домашней утвари, например сосуды для воды.

Оценим несколько выражений из Жития Павла Обнорского: *издирокъ портяны, варение квасное*; см. примеры: оу мене ноги по лодышки отзябли да и отпали а помыслы изметаны якоже онуци или яко *издирки портяные* (ЖПО, л. 67); бе некий братъ проходяще службу *мнстрьскую варение квасное* (ЖПО, л. 45). *Издирки* — рваные обноски (близкое к этому значение «обносков, что-л.

рваное, изношенное» указывает и СЛРЯ XI–XVII вв., 6: 152), слово отмечается еще в севернорусской деловой письменности; *варение квасное* — получение кваса способом варки. СЛРЯ XI–XVII вв. не фиксирует фразеологизм *варение квасное*, хотя квас в России был очень популярен и варение как способ его приготовления было основным. Думается, есть основание оба выражения занести в ряд повседневной лексики и фразеологии.

Старорусские жития местного происхождения представляют интерес в качестве источника для изучения живой повседневной речи, но далеко не в полном объеме; в этом смысле интересен раздел «чудес», особенно описания недугов и практики чудесных исцелений.

Сокращения

ЖГВ — Житие Герасима Вологодского // Жития Игнатия Вологодского, Игнатия Ломского, Герасима Вологодского и Кассиана Угличского. СПб., 2008.

ЖДГ — Житие Дионисия Глушицкого // Жития Дмитрия Прилуцкого, Дионисия Глушицкого и Григория Пельшемского. СПб., 2003.

ЖДП — Житие Дмитрия Прилуцкого // Жития Дмитрия Прилуцкого, Дионисия Глушицкого и Григория Пельшемского. СПб., 2003.

ЖКБ — Житие Кирилла Белозерского. СПб., 2000.

ЖПО, ЖСН — Жития Павла Обнорского и Сергия Нуромского. СПб., 2005.

Сл. XI–XIV вв. — Словарь древнерусского языка XI–XIV вв. Вып. 1–. М., 1988– (издание продолжается).

СЛРЯ XI–XVII вв. — Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–. М., 1975– (издание продолжается).

G. Sudakov. Common word in North-Russian hagiography in XV–XVII-th centuries

Such written sources as biographies of North-Russian saints are the base of research. One of the traits of these texts is aspiration for trustworthiness. Descriptions of everyday situations, stories of curable ailments give an opportunity to use common vocabulary, terms of folk medicine. The author of the article discovered and described an ample quantity of such occurrences.

Key words: hagiography, dialect geography, common language, lexical and phraseological dialecticisms, terms of folk medicine.

О ПРОТИВОРЕЧИЯХ В ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ НЕКОТОРЫХ ДИАЛЕКТНЫХ ДАННЫХ

В статье рассматриваются случаи непоследовательного лексикографического оформления диалектных фразеологических единиц в результате смешения их с лексическими единицами и фразеологическими сочетаниями.

Ключевые слова: севернорусские говоры, лексикография, фразеология, фразеология.

Успех составления словарей русских говоров во многом зависит от качества собранного материала, поскольку для научных исследований нужны прежде всего факты: «чем их больше, чем они разнообразнее, полнее представлены, тем больше оснований ожидать более правильных и глубоких выводов в результате их изучения»¹.

Исследователи отмечают, что одной из серьезных проблем обеспечения диалектного словаря фактическими данными является недостаток цитатного материала². Другая, не менее важная проблема заключается в не всегда высокой тщательности при разработке единиц (в нашем случае — фразеологических). Последнее означает, что современные диалектные лексикографические источники в сходных ситуациях могут не разграничивать между собой,

¹ Мельниченко Г. Г. О принципах составления областных словарей // Региональная лексикология и лексикография: избранные работы. Ярославль, 2007. С. 34.

² См. об этом: Кобелева И. А. Единичный контекст употребления как факт в истории диалектного фразеологизма // Русское слово в историческом развитии (XIV–XIX вв.): материалы Межд. филол. конф. СПб., 2005. С. 177–186.

во-первых, единицы лексического и фразеологического состава русских говоров и, во-вторых, фразеологические единицы и фразеологические сочетания³. Рассмотрим эти случаи подробно.

1. Смешение лексических и фразеологических единиц.

1.1. Известно, что к устойчивым конструкциям, представляющим собой сочетания знаменательного слова и слова служебного (прежде всего предлога), существуют разные подходы: одни ученые отказывают таким сочетаниям в праве считаться частью фразеологического состава русского языка, другие же, наоборот, расценивают их как принадлежащие к этому составу. И обе эти противоположные точки зрения оказываются одновременно представленными на страницах словарей: предложно-падежные сочетания рассматриваются и разрабатываются то как фразеологические единицы, то как единицы лексические, например:

◇ **До болести** 'очень много': *Чишишэнин до болесьти у його тут.* Вель. Лхд. (АОС, 2, 56). Ср.: **Доболести**, н а р е ч. 'очень много': *У нас веть ноне дацьникоф доболести.* Вель. Лхд. (АОС, 11, 184);

> **На первину** 'вначале, сначала': *На первину посажу корзиночку.* Чуд. (СРГК, 4, 426). Ср.: **Напервину**, н а р е ч. 'сначала, прежде всего': *Напервину в дом кошку внесут.* Кириш. (СРГК, 3, 358) и др.

1.2. Аналогичные структурно и семантически сходные диалектные единицы, которые с полным правом могли бы рассматриваться по отношению друг к другу в качестве вариантов, оформляются, тем не менее, по-разному, обретая при этом отнюдь не одинаковый статус, например:

> **Чохом-махом** 'кое-как, небрежно': *Хозяйка должна двор убирать, а не то что чохом-махом.* Кириш. (СРГК, 6, 799). Ср.: **Шагом-махом**, н а р е ч. 'кое-как, не по порядку': *Всё черескувырку я, шагом-махом да, кое-как, что забуду, что расскажу.* Тихв. (СРГК, 6, 818);

Δ **На возрасту** 'о малолетних и подростках': *Два других на возрасте умерли.* Мст. (НОС, 1, 132). Ср.: **Навозрасте**, н а р е ч. 'о 12–

³ Термин «фразеологическое сочетание» предложен А. И. Молотковым, который считает, что «фразеологизмы употребляются в речи только со словами, вступающими с ними в отношения и связи в качестве членов предложения и образуя фразеологические сочетания из категориально разных единиц языка (фразеологической единицы и слова), противопоставляемые словосочетаниям, состоящим из категориально однотипных единиц (слов)», см.: *Молотков А. И.* Послесловие к переизданию «Фразеологического словаря русского языка» // *Фразеологический словарь русского языка.* СПб., 1994. С. 537.

15-летних': *Мальчик-то он такой навозрасте, как и этот*. Мал. (НОС, 5, 130) и др.

1.3. Лексема и фразеологизм с компонентом, восходящим к этой лексеме, подаются в словаре отдельно друг от друга, несмотря на то что в иллюстративной части обеих словарных статей приводятся одни и те же контексты употребления этих единиц, например:

Безвыходный 'бездонный' Глаз — это место на болоте, безвыходный глаз зовём, сколь хошь его шуртай, до дна не доберёшься. Леш, Кеба. (СГРС, 1, 85). Ср.: \diamond **Безвыходный глаз** 'глубокая топь на болоте': Глаз — это место на болоти; безвыходный глаз зовём: сколь хошь его шуртай, до дна не доберёшша. Леш, Кеба. (СГРС, 3, 29);

Брать... 4. кого и без доп. 'охватывать, одолевать, подвергать воздействию чего-н. (о болезнях, природных явлениях)': *У Ванихи молотки сына брал родимець. У-Ц.* (СРГНП, 1, 42). Ср.: > **Родимец берёт (брал)** 'о приступах эпилепсии': *У Ванихи молотки сына брал родимець. У-Ц.* (СРГНП, 2, 226) и др.

1.4. Фразеологизм приводится в «заромбовой» части словарной статьи одной из лексем, входящих в его компонентный состав, однако контекстный материал своей роли разграничителя разных языковых единиц при этом не выполняет, поскольку является однотипным, например:

Темки 'полумрак между заходом солнца и наступлением ночи; сумерки': *Теперь робятишки с утра до темков гуляют, тепло, дак и играют*. Новг. # **До темков** 'до наступления темноты; дотемна': *Весь вечер говорили до темков*. Новг. (НОС, 11, 30);

Ляпа² 'удар плашмя чем-нибудь мягким, шлепок': *От она меня наляпала, много ляп дала!* Сямж. Монаст. \diamond **Ляпу (ляпы) дать** 'шлепнуть, ударить': *Безобразничают — дак и ляпу дадим. Это по попе ладонью. Не безобразь, а то ляпы дам!* Сямж. Монаст. (СВГ, 4, 63) и др.

Итак, претензии, которые можно предъявить к общим диалектным словарям при анализе разработанного там фразеологического материала, решительно склоняют к мысли о необходимости создавать специальные словари, в которых фразеологическая часть русских говоров описывалась бы отдельно от их лексической части, а цитатный материал, соответствуя своему назначению, был бы подлинно «доказательным», «оправдательным», «иллюстративно-оправдательным» и т. п.

2. Смешение фразеологических единиц и фразеолексических сочетаний.

В традиционном (не идеографическом) словаре каждую фразеологическую единицу принято описывать один раз: составители словарей обязательно должны определить место лексикографической разработки фразеологизма, то есть решить, в отношении каких его компонентов (начальных, грамматически или семантически опорных) они будут выдерживать алфавитный принцип. Словари современного русского литературного языка соответствуют этим требованиям, однако в словарях русских народных говоров нередко можно обнаружить отступления от них, когда одной и той же фразеологической единице, по каким-то причинам разрабатываемой в разных словарных статьях (порой с привлечением одного и того же контекста, иллюстрирующего ее употребление), приписывается разный компонентный состав и даются разнотипные толкования, например:

Δ На всю дурягу ‘очень громко’: *Что ты стонешь на всю дурягу?* Парф. (НОС, 2, 110). Ср.: # **Стонать на всю дурягу** ‘кричать громко’: *Ну что ты стонешь на всю дурягу. Не корову я потеряла.* Парф. (НОС, 10, 162);

Δ Дедова лежанка ‘тюрьма’: *Им нельзя усё сказать, а то ани на дедаву лежанку посадят.* Нев. (ПОС, 8, 179). Ср.: **Δ Посадить на дедову лежанку** ‘отправить в тюрьму кого-н.’: *Им нельзя усё сказать, а то ани на дедаву лежанку посадят.* Нев. (ПОС, 16, 561) и др.

Иной раз один и тот же фразеологизм обнаруживается даже более чем в двух словарных статьях, как это происходит, например, в Словаре вологодских говоров с фразеологической единицей **НЕ ПО МЫСЛИ**, которая оказалась «разбросанной» по корпусу словаря именно из-за различий в ее сочетаемости с необходимым глагольным окружением, ср.:

> **Не по мысли** 1. (делать, жить и т. п.) ‘нехорошо, не так, как следует’: *Не по мысли делают, худо делают.* Сок. Вяз. *Не по мысли они жили.* Сок. Андр.; 2. (быть, прийти и т. п.) ‘не по нраву, не нравиться’: *Не по мысли было старым людям, что бога ругали.* Межд. Доров. *Ей не по мысли здесь жить.* Баб. Выс. // ‘не по вкусу’: *Своего не поели, а моё, видно, не по мысли.* У-К. Залес. *Ему вода не по мысли, холодная уж пьуко.* Баб. Мин.; 3. (пойти, сойти и т. п.) ‘не по любви, не по доброй воле’: *А ноне-то и не пойдут не по мысли. Чего сходятся ноне по мысли, не то, что раньше.* Тот. Б. Горох. *Замуж меня не по мысли выдали.* Сок. Васил. (СВГ, 5, 13). Ср.: ♦ **Жить не по мысли** ‘жить не так, как хочется’:

Вот всё и жила она не по мысли. Сок. Зах. (СВГ, 2, 89); **♦ Отдавать не по мысли** ‘отдавать замуж за нелюбимого’: *Отдают не по мысли.* Тот. У-Печ. (СВГ, 6, 88); **> Сделать не по мысли** ‘сделать неправильно, не так, как следует’: *без иллюстр.* Сок. Вас. (СВГ, 9, 112).

Апеллируя к классическому труду академика В. В. Виноградова, приведем не утратившие актуальности его слова: «Трудно во всем этом найти следы или отражение какой-нибудь фразеологической теории»⁴, поскольку обнаруживается, что один и тот же материал «обработан противоположными способами»⁵. Подобные лексикографические факты являются свидетельством того, что составители диалектных словарей при словарной разработке фразеологической единицы не всегда учитывают роль такого ее важного «внешнего» параметра, как лексическая сочетаемость: фразеологизмы и слова, вступая друг с другом в определенные отношения, образуют особую синтаксическую единицу (фразеолексическое сочетание), которая употребляется в языке наряду со словосочетанием.

Из приведенных выше примеров следует, что в одних случаях в словарной статье разрабатывается фразеологическая единица (НА ВСЮ ДУРЯГУ, ДЕДОВА ЛЕЖАНКА, НЕ ПО МЫСЛИ), а в других — эта же фразеологическая единица, но в ее обязательном лексическом окружении, то есть фразеолексическое сочетание (СТОНАТЬ НА ВСЮ ДУРЯГУ, ПОСАДИТЬ НА ДЕДОВУ ЛЕЖАНКУ, ЖИТЬ НЕ ПО МЫСЛИ, ОТДАВАТЬ НЕ ПО МЫСЛЕ, СДЕЛАТЬ НЕ ПО МЫСЛЕ).

Таким образом, неразличение, с одной стороны, фразеологизмов и, с другой стороны, фразеолексических сочетаний влечет за собой игнорирование принадлежности фразеологизма к определенному лексико-грамматическому разряду и смешение этих разрядов. В результате компонентный состав фразеологизмов расширяется за счет слов постоянного лексического окружения, однотипность оформления фразеологических единиц в словарях русских говоров при этом нарушается, что вовсе не способствует выполнению предназначенной словарям роли научного источника. Поддерживаем точку зрения Л. Я. Костючук, указывающей, что лексикографы должны наиболее непротиворечиво, убедительно и достоверно ин-

⁴ Виноградов В. В. О некоторых вопросах теории русской лексикографии // Виноградов В. В. Избранные труды. Лексикология и лексикография. М., 1977. С. 249.

⁵ Там же. С. 256.

терпретировать явления живой речи, что «разнобой в <...> подаче одинаковых фактов <...> желательно устранить»⁶.

В заключение приведем еще одну красноречивую выдержку: «Как известно, существуют разные понимания, разные концепции фразеологизма и фразеологии, а потому и разные описания тех языковых фактов, которые признаются фразеологизмами, начиная от выявления состава этих фактов и кончая их классификациями. Естественно, что любой автор книги, которая или целиком, или одним из своих разделов посвящена фразеологии, должен аргументировать, почему он выбирает именно такую-то концепцию, а не другую. После этого он может описывать фразеологизмы и, в частности, классифицировать их — в духе избранной концепции, уже не оглядываясь на то, что в духе любой другой концепции описание фразеологизмов может быть другим, и не опасаясь упреков в том, что он не учел какого-либо признака, который является существенным только в другой концепции. Тут важно лишь одно: описание фразеологизмов не должно нести в себе противоречий»⁷.

Сокращения

- АОС — Архангельский областной словарь / под ред. О. Г. Гецевой. Вып. 1–12. М., 1980–2004.
- НОС — Новгородский областной словарь / отв. ред. В. П. Строгова. Вып. 1–13. Новгород, 1992–2000.
- ПОС — Псковский областной словарь с историческими данными / редкол. Б. А. Ларин и др. Вып. 1–17. Л., СПб., 1967–2005.
- СВГ — Словарь вологодских говоров / ред. Т. Г. Паникаровская, Л. Ю. Зорина. Вып. 1–12. Вологда, 1983–2005.
- СГРС — Словарь говоров Русского Севера / под ред. А. К. Матвеева. Т. 1–3. Екатеринбург, 2001–2005.
- СРГК — Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей / гл. ред. А. С. Герд. Вып. 1–6. СПб., 1994–2005.
- СРГНП — Словарь русских говоров Низовой Печоры / под ред. Л. А. Ивашко. Т. 1–2. СПб., 2003–2005.

⁶ Костючук Л. Я. Об отражении классов слов в Псковском областном словаре // Псковские говоры (Псковский областной словарь и актуальные проблемы региональной лексикографии): межвуз. сб. науч. трудов. Псков, 2001. С. 102–103.

⁷ Бурмистрович Ю. Я. Разговор о фразеологизмах может быть каким угодно, но только не противоречивым // Фразеологические чтения памяти проф. В. А. Лебединской. Вып. 2: материалы Всерос. науч. конф. Курган, 2005. С. 34.

I. Kobeleva. About contradictions in the lexicographical interpretation of the some dialect data

This article deals with the examples of the illogical lexicographical representation of Russian dialect idioms as a result of confusion them with words on the one hand and word-idioms combinations on the other hand.

Key words: Russian northern dialects, lexicography, phraseography, phraseology.

**«НАРОД ВЫРАЖАЕТ СЕБЯ
ВСЕГО ПОЛНЕЕ И ВЕРНЕЕ В ЯЗЫКЕ СВОЕМ»
(К 160-ЛЕТИЮ СО ДНЯ ВЫХОДА В СВЕТ ДОПОЛНЕНИЯ К «ОПЫТУ
ОБЛАСТНОГО ВЕЛИКОРУССКОГО СЛОВАРЯ»)**

Ключевые слова: диалектология, лексикография, Дополнение к «Опыту областного великорусского словаря».

В середине XIX столетия Российской академией наук была предпринята попытка создания общероссийского диалектного словаря. Ф. П. Сороколетов и О. Д. Кузнецова в монографии «Очерки по русской диалектной лексикографии» отмечали, что «основной причиной обращения Академии наук к диалектной лексике следует считать повышенный интерес русского общества к национальному прошлому, к устной народной поэзии, усиление движения за национальную самобытность русской культуры и русского языка, усиления внимания к народным основам языка и общественной жизни»¹. Рост национального самосознания, особенно усилившийся в российском обществе после Отечественной войны 1812 г., стимулировал и общественный интерес к русской истории, культуре, языку. Этот интерес проявлялся и в литературе, о чем свидетельствует обращение крупнейших поэтов и писателей — А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Н. В. Гоголя — к фольклору как к основе художественного творчества. Эти общественные процессы немало способствовали осознанию в самых различных социальных слоях русского общества духовной общности всех носителей русского языка, единства национальной культуры.

¹ Сороколетов Ф. П., Кузнецова О. Д. Очерки по русской диалектной лексикографии. Л., 1987. С. 21.

«Опыт областного словаря великорусского языка», вышедший в 1852 г. и содержащий 18 011 слов, был создан на основе материалов, поступивших в Академию наук более чем из двадцати губерний. Редактором его был первоначально А. Х. Востоков. Огромная заслуга в создании «Опыта областного великорусского словаря» и «Дополнения к «Опыту областного великорусского словаря», вышедшего через шесть лет, в 1858 г.², принадлежит выдающемуся русскому ученому-слависту, диалектологу и историку русского языка, академику И. И. Срезневскому, который видел в языке выразителя духовной культуры народа: «Народ выражает себя всего полнее и вернее в языке своем». Именно И. И. Срезневскому принадлежит заслуга разработки Программы словаря и правил его составления. Основные принципы лексикографической концепции словаря, выработанные И. И. Срезневским, сводились к следующему: 1) подробные этнографические комментарии при толковании диалектных слов; 2) широкое использование фольклора в качестве иллюстративного материала; 3) как можно более полная географическая характеристика диалектного слова³. Однако в силу того, что составители были ограничены присылаемым материалом, эти положения не могли быть реализованы на практике. Причиной этого стало создание И. И. Срезневским в 1852 г. «Программы для собирания образцов народного языка и словесности»⁴. В предисловии к программе подчеркивалось значение сбора диалектной лексики для изучения истории русского языка. И. И. Срезневский выделил четыре основных наречия — великорусское, белорусское, малорусское и червонорусское. При записи диалектных слов автор призывал добровольных помощников Академии наук сохранять особенности произношения диалектизмов, указывать ударение, давать географическую характеристику, приводить контексты употребления диалектных слов. Вскоре в Академию наук стали поступать материалы, в том числе и словарные⁵. На основании

² Опыт областного великорусского словаря. СПб., 1852; Дополнение к «Опыту областного великорусского словаря». СПб., 1858.

³ Балахонова Л. И. И. И. Срезневский как диалектолог // Лексика русских народных говоров (опыт исследования). М.; Л., 1966. С. 210.

⁴ Срезневский И. И. Программа для собирания образцов народного языка и словесности. СПб., 1852.

⁵ Балахонова Л. И. История составления «Опыта областного великорусского словаря» и Дополнения к нему // История русской диалектологии. М., 1961. С. 98–125.

присланных материалов было решено подготовить второй том словаря под названием «Дополнение к „Опыту областного великорусского словаря“», которое по объёму словника получилось даже большим, чем сам «Опыт». В него вошло 22 895 лексем. Слова в нем расположены, как и в «Опыте», в алфавитном порядке. Заголовочное слово выделяется особым шрифтом. После слова приводятся основные грамматические характеристики: часть речи, у существительных окончание родительного падежа единственного числа, род; у глаголов — залог, возвратность. Далее приводится географическая характеристика. Чаще всего указывается лишь губерния, реже — уезд. Иногда указывается регион — Сибирь, Урал, Поволжск. Очень редко приводится контекст на употребление диалектного слова. Примеры:

КЛАСТЬСЯ, *гл. воз.* О курицах: нести яйца. *У нас курица-то кладётся.* Вят.

ПУЗЫРИТЬСЯ, *гл. возвр.* Много пить. *Мой Иваныч с похмелья пузырится целый день над квасом. Ребёнок опузырился молоком.* Кур. Обоян. Псков. Твер. Осташ.

БАБЕНЬ, -бня, *с. ж.* Баба, жена. *Это, кажись, твой бабенъ?* Вят.

БЕЗ ПУТИ, *нар.* Напрасно. *Видит Бог. Без пути я её не бранил.* Перм.

В качестве контекстов часто приводятся цитаты из народных песен, пословицы, загадки. Примеры:

БЕСПЕЛЮХА, -и, *с. ж.* Неискусная в домашних работах.

К нам медведицу ведут,

Людоедицу ведут.

К нам неткаху ведут,

К нам непряху ведут,

Беспелюху ведут.

Арханг. Шенк.

В качестве контекста к слову *губа* приводится пословица: *Губа толще, брюхо тоньше.* К слову *катуль* 'сума' — пословица: *Взял катуль да и был оттуль.* Псков. Твер. Осташ. К фразеологизму *в доски брать* в качестве контекста приведена загадка:

Стоит Ермак,

На нём колпак,

Ни шит, ни ткан,

Ни в доски бран.

(Снег на столбе)

Владим.

Немало в словаре фразеологизмов: *мак маком сесть, на воскреси быть, балагуры вести, беспутного гонять, водить в уме, в доски брать* и многие другие. Значение слова определяется, как правило, или подбором литературного синонима, или толкованием лексического значения через его родовую или видовую принадлежность. При толковании различного рода этнографизмов применяется развернутая энциклопедическая справка. Например: БОГОРОДИЦА, -ы, с. ж. Так называется праздник Пресвятой Богородицы. Их две: первая 15 августа, а вторая Богородица 8 сентября. Псков.

Уже современники видели основные недостатки «Опыта областного великорусского словаря». В частности, В. И. Даль указывал на недостаточность сведений о диалектном слове, неразграничение в словаре областных слов и жаргонизмов, отсутствие единообразия в написании одного и того же слова, например, *азям* и *озям* и т. д. Можно указать также и на неразработанность географической характеристики, на включение в словарные статьи литературных слов — *бесприданница, беспардонный, бобыль, богомолка* и т. д. Система отсылок также имеет много недостатков. В частности, таким способом толкуются не только однокоренные слова, например: БАБУРКА, -и, с. ж. То же, что бабка во 2 значении. Псков. *Опоч.*, но и лексические синонимы: ЗАКРУТЕЛЬ, -я, с. м. То же, что завируха. Твер. *Остаи.*

Однако несмотря на все несовершенство разработок словарных статей, неполноту географической характеристики слова и ряд других очень существенных недостатков, «Опыт» и «Дополнение к „Опыту областного великорусского словаря“» имели в свое время большое значение как первый опыт создания словаря русской диалектной лексики, да и для современной диалектной лексикографии они представляют не только исторический интерес.

V. Dolgushev. “People express themselves most fully and faithfully in his language” (An 160-th anniversary of the issuance of the Supplement to “The Experience of Regional Russian Dictionary”)

The paper emphasizes the uniqueness of the Supplement to “The Experience of Regional Russian Dictionary”.

Key words: dialectology, lexicography, the Supplement to “The Experience of Regional Russian Dictionary”.

О СЕМАНТИЧЕСКОЙ ЭВОЛЮЦИИ СЕВЕРНОРУССКОЙ ЛЕКСИКИ В РУССКИХ ГОВОРАХ БАШКИРИИ

Статья посвящена проблемам эволюции севернорусской лексики в полидиалектной языковой среде переселенческих русских говоров на территории Башкирии. Автор выявляет тенденцию к ослаблению противопоставленности соответственных явлений и проникновению некоторых северных диалектных черт в говоры южного типа и, что гораздо реже, южных — в северные. В монодиалектных же структурах обнаруживается тенденция к сохранению архаических материнских лексем без существенных изменений в семантике.

Ключевые слова: диалектология, севернорусская лексика, монодиалектная структура, материнская лексема, русские говоры на территории Башкирии.

Динамика языка, как известно, наиболее очевидна на лексическом уровне, однако в диалектных системах все обстоит не так однозначно: «Лексика в диалектах более динамична, но не все новации отражают языковую динамику диалекта — усвоение новых слов вместе с новыми понятиями относится к области экстралингвистики» [Калнынь, 1997, 121]. Нельзя не согласиться и с мнением Л. И. Баранниковой о том, что диалектные системы — в том числе и на лексическом уровне — с одной стороны, отличаются большей устойчивостью, которая объясняется особенностями внутренней организации диалектных систем, их спецификой: зависимостью, открытостью; с другой стороны — повышенной пронциаемостью и вариативностью, а по сравнению с системой литературного языка — монофункциональностью [Баранникова, 1991, 15] (разрядка наша. — Г. К.). Эти положения подтверждаются наблюдениями и других исследователей: «Особенности внутренней организации диалектных систем

препятствуют интенсивному их разрушению. Именно поэтому, несмотря на активное воздействие литературного языка, современные говоры сохраняют многие архаические черты» [Орлов, Кудряшова, 1998, 5].

Систему диалектной лексики, таким образом, отличает большой запас прочности, стабильности, и здесь, как нам кажется, действуют две противоположные тенденции. С одной стороны, стремление к постоянному обновлению, словотворчеству, достижению максимальной точности выражения и наибольшей выразительности — не случайно диалектную лексику часто сравнивают с живыми родниками или камнями-самоцветами — отсюда такое многообразие лексики эмоционально окрашенной, образной. Однако для того чтобы новое слово закрепилось в данном говоре, оно должно пройти процесс «народной обработки» и получить всеобщее признание в данном языковом коллективе. Следует также отметить, что подобной «обработке» подвергаются и те лексические единицы, которые проникли из литературного языка или заимствовались у иноязычного (инодиалектного) окружения. С другой стороны, процесс утраты устаревших слов идет гораздо менее интенсивно, чем в литературном языке: прежде всего выходят в пассив слова и выражения, потерявшие свою материальную основу, исчезнувшие из живого употребления, связанные со старым укладом жизни, старыми орудиями труда и способами материального производства, но при этом некоторая часть подобной лексики сохраняется и подвергается переосмыслению. В целом же действие и противодействие обеих этих тенденций придают диалектной лексической системе, как и системе диалекта вообще, структурную устойчивость (консерватизм).

В лексике говора, таким образом, могут долгое время сосуществовать свое и чужое, старое и новое, исконное и заимствованное.

Предметом нашего изучения в данной статье являются севернорусские по происхождению диалектизмы в русских говорах Башкирии, их семантическая эволюция в новых условиях.

Известно, что словарный состав русских диалектов Башкирии сформировался в результате сложного взаимодействия различных типов русских говоров с языками тюркских и финно-угорских народов, населяющих регион. Как не раз отмечали исследователи диалектной лексики, лексическая система переселенческих говоров, с одной стороны, сохраняет сходство с материнскими говорами, а с другой стороны, значительно отличается от лексического состава первичных говоров [с.м., например, Кудряшова, 1998].

В нашем случае обращает на себя внимание тесная связь с материнскими говорами. По нашим наблюдениям, лексика большинства тематических групп анализируемой лексики имеет ареалы на севере европейской части нашей страны. В частности, это можно проиллюстрировать на примере исследованной нами ранее крупной предметно-тематической группы «Лес», основу которой составила общеславянская и восточнославянская лексика (сюда мы отнесли общие наименования дерева, леса, обозначения основных пород деревьев, термины морфологии дерева и др.). Большая часть данного лексического пласта в русских говорах Башкирии представлена общенародной лексикой, в ареальном плане прослеживается тесная связь с лексикой других территорий, прежде всего северных, северо-западных и северо-восточных областей России.

Севернорусские диалектизмы составили значительную часть собранного нами материала. Вот лишь некоторые примеры: *ба́ка* (встречается¹ также в перм., вят., оренб., Сев. Предурал., свердл., том., уфим., бир. — СРНГ, 2, 57); *барáшки* (костр. — СРНГ, 2, 110); *берёзина* (новг., пск., ленингр., олон., арх., перм., том., вят., якут. — СРНГ, 2, 251; АОС, 1, 5); *берёзник* (твер., том., куйбыш. — СРНГ, 2, 252; арх. — АОС, 1, 5); *берёзовка* (арх., сиб., вят., перм., свердл., тобол., том., иркут., енис. — СРНГ, 2, 253; АОС, 1, 6); *береста́/берестоб́/берёсто* (твер., том., перм., арх., помор., волог. — СРНГ, 2, 257); *берестяно́й* (арх. — АОС, 1, 9); *боро́к* (арх., петерб., перм., новг. — СРНГ, 3, 114; АОС, 1, 83); *бреве́нник* (волог., моск., новг., вят., перм. — СРНГ, 3, 169); *брёвно* (арх. — АОС, 1, 112); *брус* (влад., перм., барнаул., костр., нижегор., волог., твер., арх. — СРНГ, 3, 203); *бунт* (вят., арх., перм. — СРНГ, 2, 277; АОС, 2, 75; СГСР, 57); *бура́к* (олон., арх., ленингр., новг., влад., яросл., симб., вят., перм., урал. — СРНГ, 3, 280); *валёжина* (арх., том., кемер., олон. — СРНГ, 4, 22); *вересы́на* (пск., арх. — СРНГ, 4, 131); *ветви́на* (новг., яросл., том., волог., вят., свердл. — СРНГ, 4, 190); *ветляно́й* (арх., сарат. — СРНГ, 4, 196); *ветроло́м* (арх., перм., пск., калуж. СРНГ, 4, 203); *вигве́як* (арх. — СРНГ, 4, 191); *ви́ца* (арх., новг., вят., влад., твер., яросл., кемер., урал., сиб. — СРНГ, 4, 207); *ви́ча* (перм., вят., костр., арх., волог., ленингр., арх. — СРНГ, 4, 308); *ви́чка* (тобол., перм., вят., арх. — СРНГ, 4, 309); *выруб́/вырубок* (урал., перм. — СРНГ, 6, 13); *выскидняк* (арх., волог., новг. —

¹ Далее в скобках приводятся данные о том, в каких еще говорах встречаются данные лексемы.

СРНГ, 6, 20); *выскорняк* (арх., новг., урал. — СРНГ, 6, 21); *гáрево* (арх. — СРНГ, 6, 140); *гарь* (волог., пск., заурал., перм., енис. — СРНГ, 6, 148–149); *грíва/грíвка* (арх., сев.-двин., яросл., костром. — СРНГ, 7, 143); *губá* (арх., волог., вят. — СРНГ, 7, 191); *деревíна* (пск., твер., новг., печор., волог., свердл., перм., курган., новосиб., кемер., том., краснояр. — СРНГ, 8, 12); *деревкó* (вят., арх., новг. — СРНГ, 8, 12); *деревцó/дерéвьице* (вят., костр., волог. — СРНГ, 8, 15); *древесíна* (перм. — СРНГ, 8, 179); *дуб/дубá/дубовíна* (олон., сев.-двин., перм., арх., том., кемер., краснояр., пск., новосиб. — СРНГ, 8, 231, 238); *дубóвник* (перм., челяб., тюмен., свердл. — СРНГ, 8, 238); *дупл`я* (новг., яросл., волог. — СРНГ, 8, 261); *дупл`явый* (пск., смол. — СРНГ, 8, 261); *дупл`янка* (пск., свердл., челяб., перм. — СРНГ, 8, 261); *дупл`яной* (казан. — СРНГ, 8, 262); *елóха* (костр., волог., яросл., влад., твер., вят., нижегор., пск. — СРНГ, 8, 347); *елхá* (волог., вят., сарат., казан., влад. — СРНГ, 8, 350); *елхóвый* (казан., влад., вят., орл. — СРНГ, 8, 352); *елин`яг (к)* (уфим., казан., влад., перм. — СРНГ, 8, 351); *ёлка* (перм. — СРНГ, 8, 352); *жаровóй/жарóвый лес* (волог., арх., пск., костром., перм. — СРНГ, 9, 83; ССГ, IV, 14); *забóка* (перм., сиб., краснояр., том., омск. — СГСР, 167; СРНГ, 9, 236); *завóйка* (новг. — СРНГ, 9, 332); *зáростель* (арх., волог., краснояр., влад., свердл., новосиб., смол. — СРНГ, 11, 5; ССГ, IV, 106); *жáрник* (олон., каргоп. — СРНГ, 9, 81); *ýскорень* (перм. — СГСР, 215); *колóда* (перм. — СГСР, 240); *кондовóй лес* (перм. — СГСР, 244); *кряж* (пск., ленингр., арх., киров., перм. — СРНГ, 15, 362; СГСР, 265); *кряжевáтъ* (перм., ср.-урал., краснояр., новосиб. — СРНГ, 15, 363); *кряжьё* (том., арх. — СРНГ, 15, 364); *кúзов* (волог., новг., ленингр., беломор., арх., оренб. Свердл. — СРНГ, 16, 25); *кулíга/кулíжка* (перм., урал., вят., арх., иркут., куйбыш., нижегор., ряз. — СГСР, 268, 269; СРНГ, 16, 64); *лагúн* (арх., волог., калин., ряз., костр., перм., вят., казан., симб. — СРНГ, 16, 224; СГСР, 274); *лéпест* (яросл. — СРНГ, 16, 360); *лíповка* (арх., ворон. — СРНГ, 17, 57); *липовикí* (волог. — СРНГ, 17, 56); *личина* (твер., пск., влад., новг., арх., кург. — СРНГ, 17, 87); *лубóк* (арх., пск. — СРНГ, 17, 172); *лукóшка/лукóшко* (пск., калин., арх., влад., том., новосиб. — СРНГ, 17, 191); *лучóк* (арх., перм., ленингр., твер. — СРНГ, 17, 212); *л`ычи* (перм. — СРНГ, 17, 228); *л`ычные калоши* (киров. — СРНГ, 17, 229); *молокíта* (север., вят., черепов., новг. — СРНГ, 18, 235); *мóчка* (арх., перм., свердл., челяб., урал., тобол., новосиб. — СРНГ, 18, 319); *обáбочник* (пск., твер., с друг. знач. — арх., костр. — СРНГ, 21,

341); *обруб* (перм. — СГСР, 378); *оглоббельник* (урал. — СРГ Ср. Ур., III, 37); *оклад* (урал. — СРГ Ср. Ур., III, 50); *окладной* (перм. — СГСР, 391); *окладные брёвна* (перм. — СГСР, 391); *переклад* (перм. — СГСР, 433); *переруб* (урал. — СРГ Ср. Ур., IV, 19); *пестерь/пестёрь* (перм. — СГСР, 438); *пилóвочник* (перм., урал. — СГСР, 441; СРГ Ср. Ур., IV, 28); *пихтáрник* (перм., урал. — СГСР, 443; СРГ Ср. Ур., IV, 30); *ситóвый лес* (перм., урал. — Даль, IV, 189; СРГ Ср. Ур., V, 136; СГСР, 574); *тайгá* (арх., сиб. — Даль, IV, 385); *чага* (волог., сиб. — Даль, IV, 580); *чащá* (перм. — СГСР, 675; Даль, IV, 583); *черемóшник* (перм. — СГСР, 677).

В целом же диалектизмы севернорусского происхождения в рассмотренном нами лексическом материале составили более 35% от общего количества слов. Все приведенные в качестве примеров лексемы сохраняют отмеченные в материнских говорах значения. Словари, по которым проверялся диалектный материал, в подавляющем большинстве случаев отмечали для слов ареалы северо-западных, северных и северо-восточных областей, что лишний раз подтвердило сделанный ранее вывод З. П. Здобновой о том, что «на территории Башкирии преобладает в основном распространение северных по происхождению лексем...» [Здобнова, 1983, 156].

Иногда в диалектах представлена эволюция этимологического значения. Ср., например, *борть* — ‘старое дерево, дерево с дуплом’ (с. Метели Дуванского р-на): укр. *борть*, чеш. *brt* ж. и м. р. — ‘дупло дерева, в котором живут пчелы’, польск. *barc* — то же < **bortь* возможно с исходным значением ‘прорезь’ [Фасмер, I, 198]. В СРНГ слово отмечено со значениями ‘дупло в толстом дереве’ (влад.), ‘ель, на которую вешают улей’ (перм.) [СРНГ].

В СРНГ общерусское *бор* зафиксировано со значениями ‘лес вообще, большой лес’ (арх., кемер., шадр., перм.), ‘сосновый лес на сухом песчаном месте’ (волог., твер.), ‘хвойный лес по течению реки’ (сиб.), ‘густой, высокий лиственный лес, растущий на возвышенном и сухом месте’ (арх., новг.), ‘песчаное место, покрытое густым лесом или кустарником, а иногда и без леса’ (арх., тихв., новг.), ‘незаселенное лесное пространство’ (турин., тобол.), ‘высохшее болото, поросшее мелким березняком’ (арх.), ‘кладбище’ (арх.) [СРНГ, 3, 96].

Общеславянское слово *бор* на территории русских говоров Башкирии обозначает несколько реалей: 1. ‘Лес любой породы деревьев’. В *бору грибоф нын’че многъ* [СРГБ, 43]. 2. ‘Хвойный лес’. 3. ‘Старый лес’.

В русских говорах Бирского, Нуримановского, Белорецкого, Дуванского, Илишевского и некоторых других районов Башкирии лексема *бор* обозначает лес вообще, т. е. служит гиперонимом, тогда как в говоре с. Метели Дуванского р-на слово известно со значением ‘хвойный лес’. СРНГ фиксирует эти значения в Кемеровской, Шадринской, Пермской областях — ‘хвойный лес по течению реки’ в Сибири, новгородских и архангельских говорах [СРНГ, 3, 96]. По данным СРГБ и нашим наблюдениям, лексемы *бор*₁/*борок*₂ бытуют только в первом значении [СРГБ, 43]. Следовательно, на этом фоне система говора с. Метели Дуванского р-на (северо-восток Башкирии) представляется более архаичной: слово *бор* сохраняет здесь более древнее этимологическое значение ‘сосновый лес’ < * *borъ* ‘сосна’. В говоре с. Николо-Березовка Краснокамского р-на отмечен дериват *бóрон* с тем же древним значением.

Неравномерность изменений, происходящих в диалектной лексике, стремление к сохранению старых форм проявляются и в том, что в современных русских говорах РБ имеется значительное количество слов, восходящих к более ранним лексическим пластам русского языка, в том числе к древнерусским: *балакирь* ‘горшок’, *братыня* ‘емкость для разноса пива’, *выя* ‘шея’, *днесь* ‘сегодня’, *бердыш* ‘большой широкий топор’, *брезг* ‘рассвет’: *На брезгу умер* (ср. лит. *брезжить*), *шуйца* ‘левая рука’ и пр.

Чем это объясняется? По-видимому, тем, что словарный состав русских говоров Башкирии сформировался как частная диалектная макросистема под влиянием многих факторов как экстралингвистических, так и интралингвистических, что способствовало ее современному состоянию. В современном состоянии это макросистема, включающая разные типы говоров, существующих часто автономно.

Рассмотрим прежде всего неязыковые факторы, сформировавшие данную систему.

Русские говоры Башкирии переселенческие. По данным З. П. Здобновой, на территории Башкирии бытуют те же основные структуры говоров, которые характерны для исконно славянской территории. В северной части республики сосредоточены говоры северного типа (28 н. п.); на территории южной части в 34 н. п. выдержана структура южного наречия; преобладают в численном отношении говоры среднерусского типа, акающие (51 н. п.) и окающие (60 н. п.) [Здобнова, 2001].

Как же сложилась рассматриваемая диасистема?

В современном Башкортостане русские — один из трех наиболее многочисленных (наряду с башкирами и татарами) народов. По данным переписи 2002 г., численность русских в республике составила 1 490 715 тыс. чел. (более 36% всего населения).

Сельское население — 258 426 русских — распределено по территории Башкортостана неравномерно. Выделяется 5–6 компактных массивов. Самый большой занимает центральную часть республики — Уфимский, Иглинский, Чишминский, Кармаскалинский, Благовещенский районы. Непосредственно к этому региону примыкает Бирский район, здесь около половины сельчан — русские. Компактная группа, около 30 тыс., живет на северо-востоке республики в Дуванском и Белокатайском районах. Примерно столько же русского населения в трех южных районах — Мелеузовском, Кугарчинском и Куяргазинском.

Башкирия относится к территориям позднего русского заселения, основной приток которого приходился на вторую половину XIX в. Переселение в край шло двумя потоками: один был организован и контролировался царским правительством, второй представлял собой вольное переселение. Первыми жителями крепостей Башкирии и города Уфы были в основном русские служилые люди. Постепенно формировалось и крестьянское население Башкирии. Сюда стихийно шли переселенцы из центральных, средневожских и прикамских районов, из Западной Сибири. Уход их с мест прежнего жительства был связан с малоземельем и усилением феодальной эксплуатации.

Особое значение при выборе нового места жительства у переселенцев имело желание устроиться на землях, сходных по природно-климатическим условиям с их прежней родиной. Уфимская губерния по своему рельефу состояла из двух частей: западной — степной, с преимущественно тучными и черноземными землями, и восточной — гористой, заполненной отрогами уральского хребта, с менее плодородной почвой. Так, переселенцы из степных местностей практически не селились в лесных районах Бирского, Златоустовского, Уфимского уездов. Как правило, они направлялись в южные уезды губернии, например в Стерлитамакский уезд, где находили более подходящие для них природно-климатические условия. Напротив, в лесные районы шли переселенцы из северных и лесных Пермской и Вятской губерний. Особенно большое число переселенцев в лесные районы дала Вятская губерния (по данным переписи 1897 г., вятские переселенцы составляли 24 778 чел. только в Уфимском уезде),

крестьяне которой были хорошо знакомы с лесными промыслами, со столярным и плотницким делом. Там, где другие переселенцы разорялись, вятские, привыкшие к тяжелой разработке земли из-под леса, строили добротные дома и извлекали немало выгод из лесных участков. Нередко один только лес приносил им доходы, за несколько лет окупающие стоимость всей купленной земли.

В целом по Уфимской губернии в 1897 г. было 176 033 переселенца. Состав переселенцев был следующим: Вятская — 52 359 (29,7%), Казанская — 20 431 (11,6%), Самарская — 20 012 (11,3%), Пермская — 13 082 (7,4%), Тамбовская — 10 169 (5,7%), Пензенская — 7677 (4,3%), Оренбургская — 6982 (4%), Симбирская — 6294 (3,5%), Рязанская — 6227 (3,5%), Курская — 5776 (3,2%), Тульская — 3425 (2,0%), Нижегородская — 2457 (1,4%), Лифляндская — 2728 (1,5%), Костромская — 2446 (1,3%), Владимирская — 2230 (1,2%), другие губернии — 13 748 (11,5%) [Самородов, 1996, 173].

С точки зрения собственно языковой лексика русских говоров Башкирии представляется нам как некая макросистема, состоящая из целого ряда микросистем, каждая из которых может быть как полидиалектной, состоящей из двух или более взаимодействующих либо сосуществующих частных диалектных систем (ЧДС), так и монодиалектной — структурой, взаимодействующей исключительно с литературным языком и иноязычным окружением.

Словарный состав современных русских говоров Башкортостана сохраняет сходство с лексикой родственных говоров. Здесь продолжают жить слова, которые были характерны для материнских говоров: с е в е р н ы х — *ковш/ковшок, хват, сковородник, квашня, озимь/озимя, боронить, брезговать, петь песни* и ю ж н ы х — *корец, рагач, емки, чапельник, дежа, зелень/зеленя, скородить, гребовать, играть песни*.

Однако «тесные и постоянные языковые контакты представителей разных наречий в полидиалектных структурах приводят к тому, что намечается ослабление противопоставленности соответственных явлений, поскольку происходит проникновение некоторых северных диалектных черт в говоры южного типа и, наоборот, южных — в северные» [Здобнова, 2001, 61]. В одной ЧДС сосуществуют противоположные члены соответственного явления, в принципе взаимоисключающие друг друга; более того, зачастую в южнорусские говоры Башкортостана проникают северные лексемы, вытесняя собой южные соответствия, например, северные *зыбка* в прямом значении «детская колыбель, подвешиваемая к потолку

на шесте (реже на пружине)», (СРГБ, 134) и *баять* «рассказывать»: *А по вечерам скаски байали* (СРГБ, 32) распространены повсеместно. Следует, однако, отметить, что лексема *зыбка* в Бирском и Белебеевском районах РБ приобрела также производное значение «коляска мотоцикла».

Справедливости ради следует отметить, что обратный процесс — вытеснение северных лексем южными — также наблюдается, но гораздо реже. Так, З. П. Здобнова среди южных слов, прочно утвердившихся в севернорусских говорах Башкирии, называет следующие: *зипун*, *люлька*, *пахать*, *погода* в значении «хорошая погода» [Здобнова, 2001, 61]. В этом ряду можно также назвать, например, *гребовать* «брезговать»: *Ты не гребуй, всё тут своё чистойо* [СРГБ, 81], *брехать* «лаять (о собаке)»: *Выт'-ка што-тэ собака брешэт* [СРГБ, 45], *гутарить* «разговаривать, беседовать, говорить, рассказывать»: *Старухи собралис' гутарит'*. *Шабриха гутарила, што децки костюмчики привезли* [СРГБ, 87], но в основном подобные явления встречаются спорадически.

В заключение следует сказать, что семантическая эволюция севернорусских диалектизмов в ЧДС русских говоров Башкирии происходит в основном в полидиалектных структурах, что проявляется в ослаблении противопоставленности соответственных явлений и проникновении некоторых северных диалектных черт в говоры южного типа и реже южных — в северные. В монодиалектных же структурах обнаруживается тенденция к сохранению архаических материнских лексем без существенных изменений в семантике.

Сокращения

АОС — Архангельский областной словарь / под ред. О. Г. Гецевой. Вып. 1–9. М., 1980–1996.

Даль — *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М., 1955.

КЯРС — *Мельниченко Г. Г.* Краткий ярославский областной словарь. Ярославль, 1961.

СВГ — Словарь вологодских говоров. Вып. 1–12. Вологда, 1983–2007.

СГСР — *Беляева О. П.* Словарь говоров Соликамского района Пермской области. Пермь, 1973.

СРГБ — Словарь русских говоров Башкирии: А–Я / под ред. проф. З. П. Здобновой. Уфа, 2008.

- СРГМ — Словарь русских говоров на территории Мордовской АССР. Саранск, 1978–1986.
- СРГ Ср. Ур. — Словарь русских говоров Среднего Урала. Т. 1–5. Свердловск, 1964–1984.
- СРНГ — Словарь русских народных говоров / под ред. Ф. П. Филина. Вып. 1–41. М.; Л., 1965–2007 (издание продолжается).
- Фасмер — *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: в 4 т. М., 1964–1973.

Литература

- Баранникова Л. И.* Об устойчивости диалектной системы // Системность в языке, речи, тексте: межвуз. сборник научных трудов. Нижний Новгород: НГПИ им. М. Горького, 1991. С. 12–22.
- Здобнова З. П.* Судьба русских переселенческих говоров в Башкирии. Уфа, 2001.
- Калнынь Л. Э.* Русские диалекты в современной языковой ситуации и их динамика // Вопросы языкознания. 1997. № 3. С. 115–124.
- Кудряшова Р. И.* Специфика языковых процессов в диалектах изолированного типа (на материале донских казачьих говоров Волгоградской области). Волгоград, 1998.
- Орлов Л. М., Кудряшова Р. И.* Русская диалектология: современные процессы в говорах: Учеб. пособие. Волгоград, 1998.
- Самородов Д. П.* Русское крестьянское переселение в Башкирию в пореформенный период: 60–90-е гг. XIX в. Стерлитамак, 1996.

G. Kurbangaleeva. About semantic evolution of north-russian vocabulary in Russian dialects of Bashkiria

The article is devoted to problems of the evolution of north-russian vocabulary in polydialectal linguistic environment of resettlement Russian dialects in the territory of Bashkiria. The author reveals the tendency to weakening opposition of corresponding phenomena and penetration of some northern dialectal streaks in dialects of southern type and that is much rarer southern in northern. In monodialectal structures the tendency is discovered to preservation of archaic maternal lexemes without changes in semantics.

Key words: dialectology, north-russian vocabulary, monodialectal structure, maternal lexeme, Russian dialects in Bashkiria.

ПОЛИСЕМИЯ ИЛИ ОМОНИМИЯ?
(ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЙ И МОТИВАЦИОННЫЙ ФАКТОРЫ
В ПРАКТИКЕ СОСТАВЛЕНИЯ ДИАЛЕКТНОГО СЛОВАРЯ)¹

В статье на материале «Псковского областного словаря с историческими данными» и его картотеки рассматриваются основания для выделения омонимов в диалектных словарях. Подчеркивается роль данных этимологии при разграничении явления полисемии и омонимии. В качестве факторов, которые необходимо учитывать при разграничении явлений полисемии/омонимии, выделяются этимологический, мотивационный факторы, а также фактор народного языкового сознания.

Ключевые слова: диалектная лексикография, омонимия, полисемия, этимология.

Проблема дифференциации омонимии и полисемии была и остается одной из самых сложных и актуальных в лексикографии. Исследователи традиционно выделяют ряд проблем в идентификации слов как полисемантов/омонимов: 1) поиск лингвистических основ этих явлений; 2) соотношение синхронии и диахронии; 3) динамика семантических процессов. Так, критерием разграничения омонимии и полисемии обычно считается наличие/отсутствие связи между значениями слова: «семантическое единство слова заключается <...> в определенной связи этих самостоятельных значений друг с другом и их закреплённости за одним и тем же знаком»². Нарушение этой связи ведет к распаду полисемии и

¹ Работа выполнена при поддержке Аналитической ведомственной целевой программы «Развитие научного потенциала высшей школы (2009–2010 годы)», проект № 2.1.3/271 «Параметры семантической характеристики слова в толковом словаре».

² Шмелев Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики. М., 1973. С. 76.

образованию омонимов. Однако что считать нарушением непрерывной деривационной связи? Ведь «исторические связи и отношения в словарном составе языка взаимодействуют с живыми, активными или актуальными современными грамматическими и семантическими отношениями, охватываются ими и влияют на них. Из того факта, что язык представляет собой ряды в синхронном плане не всегда достаточно ясно и точно объединенных и согласованных, внутренне слитных напластований, вытекает историчность и традиционность многих типов и систем словесных сцеплений и группировок в современной лексике»³. Генетический принцип разграничения полисемии и омонимии, выдвинутый В. И. Абаевым⁴, сталкивается с невозможностью в ряде случаев установить происхождение слова, а также с таким живым явлением языка, как гомогенная омонимия. Кроме того, «в ряде случаев условия омонимического деления только намечаются, омонимия находится еще в процессе становления и формирования, что язык представляет большое количество явлений переходных, колеблющихся»⁵. О. С. Ахманова предлагает квалифицировать такие случаи как «завершившиеся» и «незавершившиеся» процессы расхождения значений⁶. Все это говорит о невозможности разграничения полисемантов/омонимов на основе единого принципа и о неизбежных противоречиях в трактовке этих явлений в словарях. При этом диалектная лексикография оказывается в наиболее сложной ситуации в силу недостаточной изученности объекта описания — диалектной лексики.

В отечественной диалектной лексикографии принципы выделения омонимов определяются типом словаря: в дифференциальных словарях при описании сходных явлений наблюдается тенденция к омонимии, в полных — к полисемии. Надо отметить также, что обычно в фокусе критики подачи омонимов в диалектных словарях оказываются существительные, глаголы анализируются гораздо реже, и обычно критика направлена скорее на поиск оснований для омонимии, нежели полисемии. В данной статье мы постараемся

³ *Виноградов В. В.* Об омонимии в русской лексикографической традиции // Избранные труды. Лексикология и лексикография. М., 1977. С. 291.

⁴ *Абаев В. И.* О подаче омонимов в словаре // Вопросы языкознания. 1957. № 3. С. 31–43.

⁵ *Виноградов В. В.* Указ соч. С. 292.

⁶ *Ахманова О. С.* Словарь омонимов русского языка. М., 1976.

показать особенности разработки глагольной полисемии/омонимии на примере «Псковского областного словаря с историческими данными» (ПОС).

Согласно Инструкции, в ПОС «выделение омонимов производится при наличии: 1) этимологических указаний на разное происхождение слов, совпадающих в одной звуковой форме; 2) при отсутствии преемственности и взаимной обусловленности отдельных значений»⁷. Историческая перспектива словаря «определяет тенденцию к объединению значений в пределах одного слова даже при значительном их расхождении»⁸. Основным принципом установления отношений семантической производности является принцип мотивированности значений: «Поскольку омонимия — явление лексической семантики, при определении омонимии единственным критерием, отвечающим самой природе омонимии, является критерий семантический, а обязательным признаком полисемичного слова является наличие в нем внутренней формы... Наличие общей „внутренней формы“, мотивированность значений указывают на полисемию, отсутствие таких признаков — на омонимию»⁹. Так, А. И. Лебедева выделяет спорные случаи трактовки омонимов в ПОС (**венѣц** ‘венок’ и **венѣц** ‘веник’ — образованы от **вить** и имеют общую внутреннюю форму (нечто свитое, связанное), **брѣдень** ‘заболоченное место’ и **брѣдень** ‘мелкое место в реке’ объединены общим признаком ‘часть ландшафта, покрытая водой’) и предлагает считать их скорее полисемантами, так как «в этих словах еще не утратилась внутренняя мотивировка, связывающая их»¹⁰, тогда как для омонимов характерен разрыв смысловых связей, немотивированность значений при попытке объединить их. Однако трудность вызывает как раз установление существования этой связи. Основной вопрос звучит так: кто устанавливает связь между значениями слова/слов и между звучанием и значением слова? Должна ли существовать эта связь в языковом сознании говорящих (диалектоносителей), или ее устанавливает лингвист, привлекая для

⁷ Инструкция Псковского областного словаря с историческими данными (2-я редакция) // Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 15. СПб., 2004. С. 29.

⁸ *Корованенко Т. А.* Многозначность и омонимия в русской диалектной лексикографии: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1981. С. 9.

⁹ *Лебедева А. И.* Омонимия в Псковском областном словаре (На материале I–III выпусков) // Псковские говоры: сб. науч. трудов. Л., 1979. С. 72–75.

¹⁰ *Лебедева А. И.* Указ. соч. С. 74.

этого материалы этимологии и истории языка? Представляется, что ведущая роль принадлежит ученому, но нельзя игнорировать и факты проявления языкового сознания, хотя связь между языковыми явлениями носители языка чаще всего выражают имплицитно, и нередко эта связь ошибочна. Избежать ошибок поможет «этимологический аспект в изучении многозначности и омонимии (т. е. принцип генетического родства значений или отсутствия такового)»¹¹.

Одним из путей развития глагольной многозначности может быть разрушение устойчивых сочетаний. Так, А. И. Корнев предполагал такой путь развития речевого значения у глагола **бить**: «Источником его (речевого значения глагола *бить*. — Е. П.) является ряд синонимических идиоматических сочетаний, бытующих в псковских говорах, означающих ‘болтать, пустословить’ (*бить языком, бить язык о зубы, бить язык, бить санками, бить блинником, бить набёлками*). Не вызывает сомнений то, что в основе этих фразеологизмов лежит метафоризация прямого значения глагола *бить*. <...> В аналогичных по внутренней форме сочетаниях со значением ‘пустословить, болтать’ представлены глаголы, каждый из которых соответствует одному из значений (‘ударять’, ‘колоднить’, ‘делать быстрые движения’, ‘производить звук, шум ударами’). Так, имеем *трепáть, молóть, болтáть, борудíть языком* (‘делать беспорядочные быстрые движения’), *звякáть, ласкотáть языком* (‘греметь, стучать’). Скорее всего, все три прямых значения способствовали возникновению фразеологизма *бить языком*, т. к. все они представлены у глагола *бить*. <...> Глагол *бить*, пройдя через фразеологизм *бить языком*, приобрел значение ‘говорить попусту, болтать’: *Бьёт многа пустых слов, няпутёвый*. Беж. (ПОС 2, 17). Глагол в этом значении приобрел переходность, но это явление обычное у глаголов говорения (ср. *болтáть чепуху, молóть вздор*). Итак, во всех рассмотренных случаях семантическое развитие идет по сходной схеме: глагол *бить* с прямым значением в устойчивом (по разным причинам, в том числе и экстралингвистическим) сочетании — метафоризация значения глагола в составе устойчивого сочетания — десемантизация глагола как самостоятельной, в составе фразеологизма, единицы — разрушение (стяжение фразеологизма), приобретение глаголом значения, возникшего у фразеологизма в результате

¹¹ Корованенко Т. А. Указ. соч. С. 17.

метафоризации»¹². Итак, речевое значение глагола **бить** является результатом метафоризации: движения языка во рту уподобляются вращательным и/или монотонным, повторяющимся движениям. Аналогичный путь развития речевого значения можно предположить и для глагола **болтать**. Словари литературного языка традиционно описывают глагол **болтать** в виде двух омонимичных глаголов, один из которых группирует значения качания, кручения, круговых повторяющихся движений (*болтать микстуру, болтать ногой*), а другой — говорения, пустословия/многословия (*болтать вздор*) (см., напр., Ушаков, МАС, Ожегов). Так же описаны эти глаголы и в ПОС (ПОС 2, 91): **болтать**¹ ‘говорить о чем вздумается’; ‘передавать слухи, сплетни’ и **болтать**² ‘делать движения из стороны в сторону, качать’; ‘крутить, вертеть’; ‘перемешивать что-н. жидкое’. Однако в народной речи глаголы **болтать** ‘качать, крутить’ и **болтать** ‘говорить’ сближаются благодаря фразеологизму **болтать языком**, и в диалектном словаре их вполне можно трактовать как значения многозначного слова. При этом народным сознанием фиксируется связь между говорением и повторяющимися движениями языка, что отражается в метаязыковых высказываниях: *Вы спрашивайтя, а то я многа набью языком, я в адну секунду сто абаротаф магу сделать*. Пушкин. (КПОС); *Ана такая якушка баба, языком дерк, дерк*. Оп. (КПОС); *У няво [немца] язык-та фся равно абарачивался ни так, как у мяня*. Остр. (КПОС); *Спина ни гнёца, руки гудят, токо язык болтаит*. Ляд. (КПОС).

Аргументом в пользу полисемии глагола *болтать* может служить и семантическая структура существительного **язык**, лексикографическое описание которого в Толковом словаре русского языка под ред. С. И. Ожегова подвергалось критике В. В. Виноградовым: «Открытие в слове *язык* четырех омонимов, сделанное в „Словаре русского языка“ С. И. Ожегова, представляется внутренне не мотивированным. В самом деле, если выделение слова *язык* „народ“ исторически оправдано, а слова *язык* „пленный“ грамматически и фразеологически весомо, то дальнейшее дробление слова *язык* и его значений на омонимы связано с механическим расчленением живой ткани языка. Так, к „омониму“ *язык* „орган

¹² Корнев А. И. Историко-этимологические разыскания в области семантики русских глаголов (БИТЬ, БРИТЬ, БРОСАТЬ и однокоренные с ними слова): дис. ... канд. филол. наук. Л., 1970. С. 80–82.

в полости рта“ отнесена вся фразеология, характеризующая этот орган именно как орган речи: *держатъ языкъ за зубами* (перен.: молчать, когда это нужно), *длинный язык* или *язык без костей у кого-либо* (перен.: о болтливом человеке); *злые языки* (перен.: сплетники, клеветники); *остер на язык* (остер в своей речи); *вопрос был на языке у кого-нибудь* (кто-нибудь был готов задать вопрос); *что на уме, то и на языке*; *придержатъ языкъ, развязать языкъ, распустить языкъ, прикусить языкъ; языкъ чешется у кого-нибудь; языкъ не повернется сказать что-нибудь* и т. п. Тем страннее кажется, что значение „речь“, „способность говорить“ выделяется и включается в омоним *язык*, у которого в качестве семантической базы выдвигается значение „система“ звуковых и словарно-грамматических средств, закрепляющих результаты работы мышления и являющихся оружием общения людей, обмена мыслями и взаимного понимания в обществе»¹³. Таким образом, В. В. Виноградов предлагает объединить значения существительного *языкъ* ‘орган в полости рта’ и ‘речь’, ‘способность говорить’ в одной словарной статье и основанием для такого объединения считает как раз фразеологизмы с речевыми значениями, включающие компонент *язык*.

В качестве омонимов трактуются в ПОС глаголы *барахлѣть*¹ ‘рыхлить землю’; *барахлѣть*² (1) ‘беспорядочно размахивать руками, ногами’; (2) ‘лезть в драку, буянить’; *барахлѣть*³ (1) ‘говорить, болтать’; (2) ‘ругаться, скандалить’ (ПОС 1, 115). На первый взгляд перед нами гетерогенная омонимия, тем более что и носители языка связывают *барахлѣть* в речевых значениях с существительным *барахлѣ* ‘малоценная вещь, предмет’, перен. ‘о человеке с какими-н. ущербными качествами’: *Барахлѣ, у, ту, барахлѣт, балтѣет. Есь такѣ барахлѣ, ракѣче, ракѣче, а слѣхатъ явѣ ни хтѣ ни хѣче*. Н-Рж. (ПОС 1, 116); *Нажрѣѣся и барахлѣть, барахлѣ нясчѣснае, гаварѣт многа и фсѣ няпрѣвда*. (КПОС). Однако такую лексикографическую трактовку можно оспорить. Семантическая структура существительного *барахлѣ* (‘старая одежда, тряпьѣ’, ‘личные вещи, предметы обихода’, ‘малоценная вещь, предмет’) (ПОС 1, 115) и его производных (*барахлѣвка, барахѣловка, барахлѣна, барахлѣшко*) (ПОС 1, 114–116) не демонстрирует никаких связей с речью или же повторяющимися движениями. Причиной этого является то, что существительное *барахлѣ* является заимствованием из монгольского

¹³ Виноградов В. В. Указ. соч. С. 290.

языка¹⁴ и никак не связано с глаголом **барахлить**, что позволяет объединить значения глагола и описать его как полисемант, в котором речевые значения являются производными от значений повторяющихся движений.

Данные этимологии позволяют установить историческую непрерывность в развитии значений многозначного слова. Этимологический фактор важен при идентификации диалектных, уходящих и малоупотребительных, забытых говорящими слов, что является источником их неверного употребления или затруднений в определении значения. Так, глагол **мурить** имеет значение ‘болтать, говорить вздор’ *Вот муря́, за чужо́й хólкай и даганя́й Аме́рику, то мури́ш — гавари́ш фсе́ парóжняе*. Кр. (ПОС 19, 65). На первый взгляд производящим является существительное **мурá** ‘глупости, ерунда’ *У мяня́ бы́ла свято́и письмо́ напы́сана, там бы́ла напы́сана така́я мура́*. Пушкин. (ПОС 19, 55). Однако глагол **мурить** имеет и другое значение: ‘о водном потоке: быстро течь, перекачиваться, образуя небольшие волны на отмелях, камнях’ *Где мури́т пасильне́я вада́, там брóдють*. Остр. (ПОС 19, 65). Связь между двумя значениями глагола **мурить** становится явной, если рассмотреть значения существительного **мурá**. Это значения (1) ‘кушанье из кусочков хлеба, размоченных в воде, молоке и т. п.’ *Мури́ в дярэвни любили́, кто тю́пка звал, кто мура́; мури́ хляба́ть, накро́шут хлэ́ба чо́рствава, старáлись мякиша́, и вадо́й залью́т, пасбо́лют, а пато́м по́снава ма́сла*. Беж.; (2) ‘гуцца, отходы при приготовлении кваса’ *Сало́мы накладе́ш в квасни́к, што́п мура́ ни бе́гала, мура́ — э́та кро́шки хлэ́бныи*. Палк.; (3) ‘шелуха, мусор’ *Шу́ма — э́та така́я, зна́иш, мура́: как лён сцэ́шут, э́та шылу́ха и фсе́, кто там, атлиты́т*. Палк.; (4) ‘мельчайшие капли влаги в воздухе, изморось’ *Дажжа́ нет, мура́ е, пы́лиця така́я, мури́т, мура́*. Остр. (ПОС 19, 55). Во всех значениях наблюдаются семы ‘жидкость’, ‘мелкие частицы’. Эти значения имеют соответствия и в других говорах и славянских языках: «*мура́* воронежск. ‘плесень’ (Даль), чеш. *mour* ‘сажа, копоть’, словц. *túr* — то же, лит. *táuras*, мн. *taurai* ‘грязь, тина’, артауроти ‘покрыться мохом’, с др. ступенью вокализма — лит. *túras* ‘размокшая земля, грязь’, *mùrti, mùrstu* ‘мокнуть,

¹⁴ Откупщиков Ю. В. О происхождении слова *барахло* // Этимологические исследования по русскому языку. Вып. V. М., 1966. С. 77; Пурицкая Е. В. Звукоподражательные лексемы с компонентом *бара* (*бар-*) — *бала*-(*бал-*) в русских народных говорах // Лексический атлас русских народных говоров-2009. СПб., 2009. С. 132–137.

становиться вязким', *mùrdyti* 'загрязнять', лтш. *murít, -ĩju, murét, -ėju* 'загрязнять', далее сближается с *мил* 'ил', 'мыть, мою', ср.-нем. *moder* 'гниль, болото' (из **muÞra*)» (Фасмер III, 10–11), «србхорв. диал. *му́ра* 'грязь, раскисшая земля', 'вид глины', 'осадок, подонки'» (ЭССЯ 20, 191). Подтверждение этой связи можно найти в Этимологическом словаре славянских языков: «Ясно, что перед нами древнее слово с безусловно и.-е. родословной. Вместе с тем столь же видны и ранние задатки экспрессивности его семантики и употребления 'грязь'. На этом древнем в общем значении базируется непосредственно такое уже сугубо экспрессивное значение, как 'кушанье из воды, хлеба, тюря' и т. п. названия полужидкой пицци. Прямо от последнего (а не наоборот, как может показаться современному носителю русского языка) идет значение *мура́* 'дребедень'» (ЭССЯ 20, 191). Таким образом, значение 'о водном потоке: быстро течь, перекатываться' — древнейшее значение глагола **мурить**, от которого образовано и переносное речевое значение, и связь его с существительным **мура́** не словообразовательная, а скорее историческая. Сказанное позволяет трактовать глагол **мурить** в ПОС как полисемант.

Аналогичные связи наблюдаются и в семантике глагола **лудить**. Глагол **лудить** имеет в псковских говорах значение 'бить, колотить' (ПОС 17, 206), а также 'лгать, обманывать' *Не луди́, не уавари́ла я пра хрѣськинава мужы́ка*. Пуст. (ПОС 17, 206); *Што ты луди́ш, што ты брѣди́ш, дѣфка?* Пуст. (КПОС). М. Фасмер связывает глагол **лудить** 'обманывать' с *луд* 'дурак': «др. русск., цслав. *лудъ*, болг. *луд*, сербохорв. *луд* м., *луда* ж. 'сумасшедший, слабоумный, глупый', словен. *lúd* (м.), *lúda* (ж.) — то же, чеш. *lud* 'дурак', отсюда *лужу*, *лудить* 'обманывать, вводить в заблуждение', укр. *лудити*, сербохорв. *лудити* се 'дурачиться, делать глупости', словен. *lúdití* 'одурачивать, заманивать', чеш. *louditi* 'сманивать, соблазнять', словц. *lúdit'*, польск. *łudzić* — то же. Возможно, родственно лит. *liūstù*, *liūsti* 'грустить', *liūdnas* 'печальный, грустный, скучный', др.-прусск. *laustineiti* 'унижаете', наверняка — гот. *liuts* 'лицемерный, ханжеский', *liutai* мн. *ρόπηες* 'фигляры, мошенники'» (Фасмер II, 528). Однако, на наш взгляд, возможно также связать глагол **лудить** 'лгать' с существительным *луда́*: «*луда* 'илистая холодная глинистая почва, суглинок', перм., *лудик, лудяк* 'серая илистая почва', вятск., перм. (Даль II, 271). Отсюда, вероятно, диал. ряз. *луда* 'завара, саламата'; ср. лит. *týrė* 'каша': *týguliai* 'болотные пространства'» (Фасмер II, 529). В пользу этой версии говорит комплекс значений

существительного *лúдá*: ‘нечто влажное, сырое (болото, тина, ил, грязь)’ → ‘жидкое однородное кушанье’ → ‘о речи: ложь, болтовня’. Подобный комплекс наблюдается и в семантической структуре существительного *мурá*, рассмотренного выше.

Рассмотренные явления являются яркой иллюстрацией того, что «современное речевое употребление — при обязательном условии точности его описания, записи — хранит большие потенции вскрытия непрерывного действия этимологических связей»¹⁵.

В качестве омонимов подаются в ПОС глаголы **карзáть1** (1) ‘рассказывать, сообщать’ *Да как я вам бúду гаварíть, да я ужé и фсýчи-ну карзáла*. Пск.; (2) ‘говорить, о чем вздумается’ *Идú, не карзáй, а дóма я с табóй пагаварю*. Палк.; (3) ‘говорить неправду, лгать’ *Не карзáй, гаварíт, ня ври знáча, ésta блáгобе слóва*. Порх.; (4) ‘овладевая речью, произносить неправильно’ *Я люблю рябят мáленьких, кагда́ нацынáют карзáть; гаварíть; ня вы́гаварить, а фсё карзáя*. Остр. (ПОС 13, 498) и **карзáть2** ‘разрезать небрежно, неаккуратно’ *Кавó ты карзáш?* Остр. (ПОС 13, 498). Согласно мнению М. Фасмера, возможны два варианта этимологии этого глагола: «обрубать, обрезать сучья, ветки», олонек., новгор., белозерск., ленингр.; *корзать* ‘обрубать сучья, снимать кору’. По-видимому, заимств. из вепс. *karžin, karšta* — то же, фин. *karsia*. Но ср. словен. *křzati* ‘резать плохим ножом’, сербохорв. *křzati* ‘стирать, стачивать, обтачивать’, которые делают вероятным исконнослав. происхождение из **kъrzati*» (Фасмер, II, 199). Согласно точке зрения С. А. Мызникова, различные семантические филиации глагола **карзáть (карзáть)** имеют разную ареальную дистрибуцию: значение ‘обрубать сучья’ восходит к прибалтийско-финскому гнезду (значение распространено преимущественно в Карелии, Архангельской, Ленинградской областях), значение ‘чесать шерсть’ соотносится с балтийским материалом и распространено преимущественно в Новгородской области¹⁶. На различное происхождение указанных значений глагола указывает и А. С. Герд¹⁷. По мнению этих исследователей, и лекси-

¹⁵ Трубачев О. Н. Приемы семантической реконструкции // Сравнительно-историческое изучение языков разных семей. Теория лингвистической реконструкции. М., 1988. С. 198.

¹⁶ Мызников С. А. Омонимы в областных словарях // Псковские говоры (Псковский областной словарь и актуальные проблемы региональной лексикографии): межвуз. сб. науч. трудов. Псков, 2001. С. 149–150.

¹⁷ Герд А. С. Материалы для этимологического словаря севернорусских говоров // Севернорусские говоры. Вып. 8. СПб.: СПбГУ, 2004. С. 184.

кографическая трактовка данных глаголов в диалектных словарях должна отражать гетерогенную омонимию. Однако возникает вопрос о происхождении комплекса речевых значений глагола **карзать**. Можно предположить развитие речевых значений данного глагола как переносных от значения ‘чесать шерсть’ на основе общей семы ‘повторяющиеся, монотонные движения’ (или же ‘звуки от повторяющихся, монотонных движений’) (в этом случае глагол **карзать** можно было бы трактовать как полисемант со значениями ‘чесать шерсть’, ‘прясть шерсть’, ‘рассказывать’, ‘сообщать’ и т. д.). Однако глаголы с тождественными значениями (‘чесать шерсть’) в псковских говорах (**карзавить**, **карзайть**, **карзакать**, **карзэкать**, **карзйкать**) не демонстрируют речевых значений, из чего можно заключить, что метафорический перенос ‘чесать шерсть’ → ‘говорить, болтать’ не является регулярным. Очевидно, перед нами случай параллельного развития нескольких комплексов глагольных значений, соответственно, лексикографическая трактовка глаголов **карзать1** и **карзать2** в ПОС качестве омонимов является правильной.

Таким образом, при разграничении явлений полисемии/омонимии в диалектном словаре необходимо учитывать мотивационный и этимологический факторы, а также факты народного языкового сознания.

Сокращения

Даль — *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1–4. М., 1955.

КПОС — Картотека Псковского областного словаря с историческими данными. Хранится в Межкафедральном словарном кабинете им. проф. Б. А. Ларина на филологическом факультете Санкт-Петербургского государственного университета.

МАС — Словарь русского языка. Т. I–IV. М., 1981–1984.

Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка. М., 1990.

ПОС — Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 1–20. Л.; СПб., 1969–2007 (издание продолжается).

Ушаков — Толковый словарь русского языка / под ред. Д. Н. Ушакова. Т. I–IV. 1935–1941.

Фасмер — *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Т. I–IV. М., 1964–1973.

ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / отв. ред. О. Н. Трубачев. Вып. 1–27. М., 1974–2000.

E. Puritskaya. Homonymy or polysemy? (Etymological and motivational factors in creation of dialect dictionaries)

Basing on material from “Pskov regional vocabulary with historical data” and its data files the author identifies principles for the selection and description of homonyms in dialect dictionaries. The role of etymology for the demarcation of the phenomenon of polysemy and homonymy is stressed. The main factors to be considered in the delimitation of the phenomena of polysemy / homonymy are etymological, motivational, and “popular linguistics”.

Key words: dialect lexicography, homonymy, polysemy, etymology.

ВОСПОМИНАНИЯ¹

В мои студенческие годы каждое лето я отправлялась в диалектологические экспедиции, которыми руководил Борис Александрович Ларин. Мне посчастливилось быть в составе группы Печорской экспедиции в Пустозерск (с посещением могилы протоппа Аввакума). Руководителем моей дипломной работы был Б. А., первую научную публикацию я подготовила по его благословиению, а по окончании университета, работая в группе Словаря русских народных говоров Института языкознания РАН сначала научно-техническим сотрудником, а много лет спустя научным сотрудником, продолжала по возможности посещать Межкафедральный словарный кабинет. На моих глазах разрастались огромные словарные картотеки МСК, словарная страда продолжалась и длится до сего дня, и даже в девяностые годы, когда оскудела материальная поддержка государства, ларинцы не остановили свою подвижническую работу, выстояли, а теперь уже существует ларинская лексикографическая школа!

Теперь Пустозерск не значитяся как поселок, селение или какой-либо еще населенный пункт, а тогда, в 1951 году, наша небольшая группа из пяти человек прошла километров 30 — от пристани Оксина до поселка по лесной дороге, сопровождаемая жужжанием, писком и укусами воинственных комаров. Шли бодро, спеша увидеть знаменитое селение, где в 1682 году по указу царя Федора Алексеевича был сожжен протопп Аввакум, о котором поэт Н. Клюев скажет «Сгорел в метельном Пустозерске... мой прадед

¹ Воспоминания являются откликом на статьи А. С. Герда «Ларинская лексикографическая школа Петербургского университета» и В. П. Фелицыной «Вспоминная ДРС...»; опубликованы в сб. «Русская историческая лексикология и лексикография» (вып. 7. 2008).

Аввакум» («Где рай финифтяный и Сирин Поет на ветке расписной...». Песнослов).

Однако в 1951 году Пустозерск составляло небольшое количество домов. Борис Александрович распределил нас по этим немногим избам вести беседы, собирать диалектные слова. Мне было назначено вести работу в доме, где жил Филипп Федорович Ноготысый, ненец-оленевод с женой-коми, разговор же шел по-русски. Филипп Федорович был почтенных лет, свой возраст он исчислял по количеству царей. «Жил я, — говорил мой информатор, — при царе Александре III, при царе Николае II, а теперь живу при царе Иосифе». Мудрено было мне постигать смысл его коми-ненокских фраз, переведенных на русский язык. Эти записи стали основным материалом моей курсовой работы.

Память об «огнепальном Аввакуме» в Пустозерске, как оказалось, сохранилась. Подросток лет двенадцати-четырнадцати проводил нас на старое городище и указал на небольшой могильный холмик, где был сожжен опальный протопоп. Мальчик добавил, что Аввакум, охваченный огнем, до последнего момента, сгорая, держал вытянутую вверх правую руку с двуперстным знамением.

Дорóгой Б. А. беседовал с нашим проводником. В этот момент мимо нас довольно низко пролетела какая-то птица. «Это чирок», — сказал наш проводник. Б. А. как-то настойчиво переспросил: «Чирок или *чирек*?» Название с уточненным вариантом произношения нашло отражение в словарных записях Р. Джемса, прокомментированных и реконструированных в изданном в «Русско-английском словаре-дневнике Р. Джемса (1616–1619)» в 1959 году. Это свидетельство того, что, путешествуя по Северу и наблюдая речевые особенности, Б. А. уже вынашивал планы будущих трудов. Тогда же он сочинил о себе шутивную песенку, где, как говорится, «шутка шуткой, а смех на сторону». Вот некоторые куплеты этой песенки на мотив известного «Сурка»:

Напрасно спорить стали б вы,
Что я лингвист по духу,
Диалектолог из любви
И фонетист по слуху:

Хожу с мешком, с сухим пайком
И мой блокнот со мною,
И мой всегда, и мой везде,
И мой блокнот со мною.

Уж нет моих учителей,
Друзей уж многих нету,
И Ваньки Терина дряхлей
Те, кто не канул в Лету.

Пройдет еще лет пятьдесят,
А мой блокнот со мною.
Уж внуки свой поход трубят,
Страна стала иною.

Сижу, лежу, уж не хожу,
А мой блокнот со мною.
Последний мой блокнот всегда
Останется со мною.

Собранный тогда мною материал был обработан и представлен в качестве курсовой работы под названием «Об отражении и следствиях двуязычия в печорских говорах». Когда по возвращении из экспедиции началась работа, Б. А. предложил мне прежде всего познакомиться со статьей Л. В. Щербы «К вопросу о смещении языков». Статья была напечатана по-французски, перевода на русский тогда не было. Б. А. достал небольшую в мягкой обложке книжицу из своей библиотеки и предложил ознакомиться прежде всего с этой небольшой работой. Но использовать термин Л. В. Щербы «смещение языков» в тот год было невозможно, так как вышла статья корифея всех наук об ошибочности марровской науки, и марровская терминология изымалась из обращения.

Прошло еще несколько лет. Я трудилась в Институте языкознания, но при малейшей возможности старалась бывать в МСК. На занятиях обсуждались проблемы, связанные с созданием картотек лексики, собранной во время регулярных полевых экспедиций на Псковщину, по Печоре, по Северной Двине и т. д. После возвращения из Литвы, после снятия опалы, Б. А. — вновь в университете, у него огромная нагрузка, связанная с работой декана, с развертыванием работ организационного характера, но занятия в МСК идут полным ходом. На этих занятиях — ученики Б. А., от студентов до аспирантов, преподавателей. Часто можно было встретить проф. Б. Л. Богородского, пожизненного ученика Б. А.

Вспоминаю одно из таких занятий. Б. А. вошел, достал из портфеля тоненькую папку и положил прямо передо мной, а затем поспешил начать занятие. Папка казалась мне знакомой. Раскрыв ее, я увидела, что это моя курсовая работа, написанная по материалам, собранным мною в 1951 году в Пустозерске. В тот год Б. А. был посреди учебного года направлен в Вильнюс, а чтобы курсовая работа была признана выполненной, требовалась разрешительная подпись руководителя. Б. А. находился в Вильнюсе в больнице после наезда на него мотоциклиста, когда Б. А. с женой переходил дорогу. Собрав несколько курсовых, написанных под руководством Б. А., я повезла их в Вильнюс. Сначала я отправилась по домашнему адресу, чтобы узнать, каким образом передать курсовые работы Б. А., но оказалось, что Б. А. был выписан из больницы в этот день.

На другой день я получила прочитанные и завизированные курсовые. С тех пор прошло немало лет, формально я была бывшей студенткой, работала по специальности, но не в университете. Возможно, я бы не вспомнила об этой курсовой, не сохранила бы ее, как не сохранила прежние литературоведческие курсовые первых трех курсов. Эта курсовая работа была опубликована после прочтения на Псковской диалектологической конференции 1964 года в сборнике «Псковские говоры-II» (Псков, 1968), с посвящением «Памяти Б. А. Ларина»². В этой статье есть ссылка на статью Б. А. «Материалы по литовской диалектологии», в которой Б. А. предлагает различать разные стадии усвоения разноязычных фонетических систем в условиях бытового билингвизма: стадии *активного* и *пассивного* смешения. Такой метод анализа произносительных норм разноязычных фонетических систем является, в сущности, универсальным при исследовании явлений билингвизма.

Б. А. не раз возвращался к мысли заняться составлением Словаря Припечорья. Нам было известно, что главную надежду на исполнение этого многотрудного замысла Б. А. возлагал на одну из участниц похода на Пустозерск — Люсю Ивашко. И тут поражаешься пронизательности учителя. Тогда в кабинете русского языка трудилась лаборантка, старинный друг семьи Лариных, Елизавета Константиновна Писаренко — представительница старой интеллигенции. Елизавета Константиновна рассказала мне, что Б. А. рассказывал ей об этой экспедиции, причем особенно отметил Люсю Ивашко, называя ее «героической девушкой»³.

Б. А. принадлежит идея создания Словаря Припечорья⁴. Он нашел и кандидатуру, способную осуществить этот замысел. Людмила Александровна Ивашко не только была участницей и бессменной руководительницей сбора материалов для картотеки Словаря русских говоров Низовой Печоры, но и бессменным руководителем и составителем Словаря русских говоров Низовой Печоры. Словарь в двух томах опубликован в 2003–2005 годах. Это непрерывная

² Ларин Б. А. Язык и литература. Т. 1. Вып. 1–2. Л., 1926. С. 103.

³ Насчет «героической девушки». В конце печорской экспедиции заболела дизентерией Тереза Браже, ее положили в больницу в Нарьян-Маре. Нужно было кому-то остаться с ней и привезти в Ленинград. Я осталась. — *Примеч. Л. А. Ивашко.*

⁴ Составлять Словарь печорских говоров предложила я, и Б. А. Ларин меня горячо поддержал. Также поддержал он замысел выпустить сборник «Печорские говоры». Я стала собирать статьи. После кончины Б. А. эти статьи вошли в 1-й выпуск сборника «Севернорусские говоры». — *Примеч. Л. А. Ивашко.*

работа, которая велась Людмилой Александровной параллельно с преподавательской штатной нагрузкой, работой над докторской диссертацией (успешно завершённой), не прерывавшаяся в губительные для энтузиазма 1990-е годы — это все иначе как героизмом не назовешь.

Другой пример проницательности Б. А. Я уже говорила выше, что в МСК на занятия Б. А. собирались не только студенты, аспиранты, кандидаты, иногда и профессора, как, например, Борис Леонидович Богородский. Вспоминаю и то ли еще студента, то ли уже аспиранта Сашу Герда во время горячего обсуждения какой-то идеи на семинаре. Боже мой! Прошло более полувека! Но память сохранила отчетливо этот эпизод. Саша Герд внес какое-то свое соображение по поводу ларинской идеи, на что Б. А. горячо возразил: «*Вот когда у вас будет своя лаборатория, там вы и осуществите свое желание*». Я хорошо помню это выражение: «своя лаборатория». Тогда лаборатории в гуманитарных науках еще не носили такого технического названия в таком распространенном ныне значении. Помнит ли профессор Александр Сергеевич Герд этот эпизод?

Время летних отпусков мы семьей проводили на Псковщине. Так было и в 1962 году. Мы остановились в деревне Мясово в 36 домов, составляющих единственную улицу, километрах в сорока между Мясовским озером и рекой Алолью (правый приток реки Великой). Деревня Мясово Пустошкинского района Псковской области по дореволюционному административному делению принадлежала Себежскому уезду Витебской губернии, находясь на самой границе Псковских земель. Жители Мясова сохранили память об этом делении, что отразилось и на составе мясовской лексики, отдельные элементы которой свидетельствуют о литовско-латышском воздействии на диалект. Например, *шакала* ‘щепка, лучина’, согласно словарю М. Фасмера, заимствование из литовского.

В это лето я, как всегда, делала записи бесед, помня, что в МСК шло полным ходом создание картотеки. Собрав свои записи и расписав материал на карточки, я отправилась в МСК. Там былолюдно, видимо, только что закончились занятия, которые проводил Б. А., потому что он спешил уйти. Ему пришлось идти мимо меня, я стояла у дверей, держа в руках мои летние записи. Я поспешила объяснить свое появление, протянула стопку карточек из деревни Мясово, верхней оказалась карточка со словом *удра́* ‘выдра’. Взглянув только лишь на эту запись, Б. А. сказал: «Напишите об этом слове статью и отнесите ее в издательство университета завтра,

не позже 11 часов, потому что сборник в 12 часов должен быть в типографии». Нужные словари, слава богу, находились у меня под рукой. Отобрав из собранного материала несколько слов, либо вовсе не зафиксированных Далем и некоторыми областными словарями, либо имеющих в говоре своеобразное значение, а в отдельных случаях сохранивших, по выражению З. И. Чернышева, «свежесть первобытного языка», я обратилась к *ўдре*. Тут выяснилось, что форма *удра́* говорам неизвестна, только *ўдра*, известная латышскому, литовскому, эстонскому языкам, известная русскому языку как *вьдра* (согласно фонетическим требованиям), а вот *удра́* в Мясове звучит так же, как в древнеиндийском! В результате, когда наступил сентябрь, я обратилась с просьбой к В. И. Кальянову разрешить мне посещать его занятия со студентами 1-го курса, изучавшими санскрит. В. И. разрешил и строго требовал наряду с первокурсниками выполнения всех упражнений.

На втором (или третьем?) курсе я посещала семинар Б. А. по изучению языка художественных произведений, главным образом языка драматургии. В обязательном порядке мы должны были ознакомиться с классическим трудом К. Станиславского «Моя жизнь в искусстве», для доклада выбрать любую пьесу, и из числа участников семинара назначался обязательный оппонент, а далее — обсуждение доклада. До сих пор помню эти занятия и мой доклад о пьесе А. Глобы «Пушкин». Семинар посещали не только мои однокурсники — И. Городецкая, Марина Розе, Леня Емельянов, но и студенты других курсов — Алла Невжинская и др., также преподаватели чешского языка чехи Ярослав Моравец и Владимир Барнет, которые были также участниками диалектологических экспедиций по Русскому Северу. Володя Барнет впоследствии — профессор, доктор филологических наук в Чехословакии.

Помню, что на этих занятиях были широко использованы термины «широкий контекст», «подтекст», словом, учитывалась игра смыслов в тексте. Этот метод широкого контекста, подтекста Б. А. применял при анализе художественных текстов, именуя его различными определениями, например, «скрытый, утаенный второй смысловой план», «слова с осязательной экспрессивностью, выводящей их из сферы нейтрального словаря»⁵. При анализе текстов метод широкого контекста весьма доказателен и неоспорим. Так, при анализе лермонтовского «Паруса» на фоне широкого контекста очевидно,

⁵ Ларин Б. А. Библиографический указатель по славянскому и общему языкознанию / Сост. И. С. Лутовинова и др. Самарканд, 1987. С. 71.

что под парусом разумеется *судно* на ходу в море, а не полотнище, прикрепленное к мачте⁶. Не учитывая этого, исследователь впадает в некритическое восприятие художественного текста, что и отразилось в толковании слова *парус* не как судна, вопреки лермонтовскому употреблению. Писатель Федор Абрамов, читавший лекции по русской литературе, работавший на кафедре русской литературы, оставил в дневнике запись: «Как прекрасен Ларин! Человек редкой души и благородства... мудрый и прозорливый в человеческих делах... В нем есть удаль и озорство Васьки Буслаева, язвительность и неукротимость огнепального Аввакума... кипучая энергия и любовь к устройению русской жизни и выращиванию молодых Петра I...»⁷

Когда во время похода в Пустозерск мы услышали бодрую песенку на мотив «Сурка», у меня сложился ответный куплет, который я не смела огласить и потому, что не умела их сочинять (у нас по этой части была прима — Люся Ивашко), и потому, что я стеснялась нарочитой пафосности, и по многим еще, как теперь говорят, по многим составляющим, но эти вирши сохранились в памяти, и я здесь их приведу. Вот они:

Прославят внуки наш поход
И твой блокнот с тобою,
И будут вновь из года в год
Бродяжничать с сумою...

Как заметила Анна Ахматова: «Что в стихах, то сбывается».

В Пскове каждый год 26 марта отмечается День памяти Бориса Александровича. Не помню, сколько лет назад в этот день я была во Пскове. Кроме студентов и преподавателей, были выпускники, а одна выпускница (Ю. Гарник) приехала со своими школьными учениками... Я разговорилась с одной студенткой, речь шла о Б. А., и вдруг собеседница спросила меня с изумлением: «Вы видели ЖИВОГО Ларина?»

И я в полной мере ощутила, что Ларин стал легендой, харизматической личностью. Он обладал оригинальностью замыслов, его методики носили новаторский характер, и он твердо отстаивал свои научные позиции в те дни, когда «всё коснело на Руси... раболепствуя покорно».

⁶ См. «Белеет парус одинокий» в книге «Русская историческая лексикология и лексикография» (Вып. 6. СПб., 2005).

⁷ Абрамов Ф. Из дневников, записных книжек / Сост. Л. Крутикова // Нева. 1995. № 7.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Антушева Мария Александровна (1982 г. р.) — аспирантка Словарно-отдела ИЛИ РАН.

Адрес: 188544 Ленинградская область, г. Сосновый Бор, ул. Солнечная, д. 26, кв. 21.

☎ +7-951-688-34-54

E-mail: amariy1@rambler.ru

Бунчук Татьяна Николаевна (1964 г. р.) — канд. филол. наук, доцент кафедры русского и общего языкознания филологического факультета Сыктывкарского государственного университета.

Адрес: 167001 г. Сыктывкар, Октябрьский пр., 55.

☎ 43-34-26 (раб.), 8 (8212) 66-53-07 (дом.)

E-mail: tnbunchuk@mail.ru.

Герд Александр Сергеевич (1936 г. р.) — д-р филол. наук, профессор, зав. кафедрой математической лингвистики филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета.

Адрес: 199034 г. Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 11, филологический факультет.

☎ (812) 328-97-20

E-mail: msk.philol@mail.ru.

Долгушев Вадим Григорьевич — д-р филол. наук, профессор кафедры русского языка филологического факультета Вятского государственного гуманитарного университета.

Адрес: 610002 г. Киров, ул. Ленина, д. 111.

☎ (8332) 67-89-46610021

Кобелева Ирина Арнольдовна (1961 г. р.) — канд. филол. наук, доцент кафедры русского и общего языкознания филологического факультета Сыктывкарского государственного университета.

Адрес: 167000 г. Сыктывкар, ул. Орджоникидзе, д. 18, кв. 3.

☎ 8(8212)24-10-63 (дом.), 8.912.965-50-53 (моб.)

E-mail: kobir@list.ru.

Крылова Анна Борисовна (1983 г. р.) — аспирантка кафедры русского языка Вологодского государственного педагогического университета, ассистент кафедры русского языка Вологодского государственного педагогического университета.

Адрес: 160035 г. Вологда, ул. Сергея Орлова, 6, ВГПУ.

☎ (8172) 72-91-00, 8-911-521-96-39

E-mail: anna-krylova2005@mail.ru, ngl05@rambler.ru

Курбангалеева Гузель Мансуровна — канд. филол. наук, доцент кафедры общего языкознания филологического факультета Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы.

Адрес: 450099 г. Уфа, ул. Гагарина, д. 74, кв. 52.

E-mail: koyabgpu@mail.ru.

Маркова Нина Владимировна (1955 г. р.) — канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка Петрозаводского государственного университета.

Адрес: г. Петрозаводск, Ленина, д. 30, кв. 12.

☎ 89114334235.

Михайлова Любовь Петровна (1939 г. р.) — канд. филол. наук, профессор Карельского государственного педагогического университета.

Адрес: 185030 г. Петрозаводск, ул. Чайкиной, д. 3, кв. 48.

☎ 8 (8142) 77 32 14; 8 911 428 8714; +7 911 431 9607

Мызников Сергей Алексеевич (1957 г. р.) — д-р филол. наук, заведующий Словарным отделом Института лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург).

Адрес: г. Санкт-Петербург, Тучков пер., д. 9, ИЛИ РАН.

☎ +7 (812) 328-16-11; 950-014-01-63

Новикова Людмила Николаевна — канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка филологического факультета Тверского государственного университета.

Адрес: 170002 г. Тверь, пр. Чайковского, 70, филологический факультет ТвГУ.

☎ (4822) 34-74-85

E-mail: filfak@tversu.ru.

Попова Наталья Васильевна — канд. филол. наук, научный сотрудник Словарного отдела Института лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург).

E-mail: msk.philol@mail.ru.

Пурицкая Елизавета Владиславовна (1972 г. р.) — канд. филол. наук, научный сотрудник Института филологических исследований филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета.

Адрес: 199034 г. Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 11, филологический факультет.

☎ (812)328-97-20

E-mail: purichi@list.ru

Судаков Гурий Васильевич (1940 г. р.) — д-р филол. наук, профессор кафедры русского языка Вологодского государственного педагогического университета.

Адрес: 160035 г. Вологда, Советский пр., д. 24 Б, кв. 22.

☎ 8-817- 2-729100 (раб.), 211656; 729276 (дом.)

E-mail: sudakovgv@rambler.ru

Сьянова Елена Ивановна (1978 г.) — канд. филол. наук, докторант Института лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург).

Адрес: г. Санкт-Петербург, ул. Коллонтай, д. 24, корп. 1, кв. 58.

☎ 8-906-227-4007

E-mail: syanovaei@mail.ru.

Черепанова Ольга Александровна — д-р филол. наук, профессор кафедры русского языка филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета.

Адрес: 199034 г. Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 11, филологический факультет.

☎ (812)328-94-25

CONTENTS

<i>Gerd A.</i> Modern dialectology in the range of other disciplines . . .	3
<i>Novikova L.</i> The Parity of types of word-formation values and ways of word-formation in northrussian to lexicon of the Tver region	10
<i>Krylova A.</i> Functional and typological dynamics of collective nouns on modern vologda dialects	19
<i>Markova N.</i> The nominative negative existential constructions in one north-russian private dialect system	25
<i>Mikhailova L.</i> About the degree of influence of phonetic system speaking another language on Russian lexicon of the North and the Northwest	34
<i>Myznikov S.</i> About some new Finno-Ugric etymologies	50
<i>Gerd A.</i> A few comments on the S. Myznikov's article "About some new Finno-Ugric etymologies"	59
<i>Syanova E.</i> About some lexical correspondences of southern Russian and northern Russian dialects (as an example, the Russian-Ukrainian dialects of the Voronezh region)	61
<i>Cherepanova O.</i> A fantastic world of folk mythology of the Russian North: informative and semiotic relation of verbal and visual codes	79
<i>Bunchuk T.</i> Linguo-mental Image of a Plant in the North Russian Folk Culture: the Radish	89
<i>Antusheva M.</i> The names of some fences and fence's parts in Russian northern dialects (on the data of pinegskiy dialects)	99
<i>Sudakov G.</i> Common word in North-Russian hagiography in XV–XVII-th centuries	114
<i>Kobeleva I.</i> About contradictions in the lexicographical interpretation of the some dialect data	125
<i>Doligushev V.</i> "People express themselves most fully and faithfully in his language" (An 160-th anniversary of the issuance of the Supplement to "The Experience of Regional Russian Dictionary") . . .	132
<i>Kurbangaleeva G.</i> About semantic evolution of north-russian vocabulary in Russian dialects of Bashkiria	136
<i>Puritskaya E.</i> Homonymy or polysemy? (Etymological and motivational factors in creation of dialect dictionaries)	146
<i>Popova N.</i> Memoirs	157
Сведения об авторах	164

СОДЕРЖАНИЕ

<i>А. С. Герд.</i> Современная диалектология в кругу других дисциплин	3
<i>Л. Н. Новикова.</i> Соотношение типов словообразовательных значений и способов словообразования в севернорусской лексике Тверской области	10
<i>А. Б. Крылова.</i> Функционально-типологическая динамика собирательных имен существительных в современных вологодских говорах	19
<i>Н. В. Маркова.</i> Двусоставные отрицательные бытийные предложения в одном современном севернорусском говоре	25
<i>Л. П. Михайлова.</i> О степени влияния иноязычной фонетической системы на русскую лексику Севера и Северо-Запада	34
<i>С. А. Мызников.</i> О некоторых новых финно-угорских этимологиях	50
<i>А. С. Герд.</i> Несколько замечаний по поводу статьи <i>С. А. Мызникова</i> «О некоторых новых финно-угорских этимологиях»	59
<i>Е. И. Сьянова.</i> О некоторых лексических соответствиях южнорусских и севернорусских говоров (на примере русско-украинских смешанных говоров Воронежской области)	61
<i>О. А. Черепанова.</i> Фантастический мир народной мифологии Русского Севера: содержательное и семиотическое соотношение вербального и изобразительного кодов	79
<i>Т. Н. Бунчук.</i> Лингвоментальный образ растения в севернорусской народной культуре: редька	89
<i>М. А. Антушева.</i> Наименование изгородей и их частей в севернорусских говорах (на материале пинежских говоров)	99
<i>Г. В. Судаков.</i> Живая речь в севернорусских житиях XV–XVII вв.	114
<i>И. А. Кобелева.</i> О противоречиях в лексикографической интерпретации некоторых диалектных данных	125
<i>В. Г. Долгушев.</i> «Народ выражает себя всего полнее и вернее в языке своем» (К 160-летию со дня выхода в свет Дополнения к «Опыту областного великорусского словаря»)	132
<i>Г. М. Курбангалеева.</i> О семантической эволюции севернорусской лексики в русских говорах Башкирии	136
<i>Е. В. Пурицкая.</i> Полисемия или омонимия? (этимологический и мотивационный факторы в практике составления диалектного словаря)	146
<i>Н. В. Попова (Горбунова).</i> Воспоминания	157
Сведения об авторах	164

СЕВЕРНОРУССКИЕ ГОВОРЫ

Межвузовский сборник

В ы п у с к 11

Ответственный редактор профессор *А. С. Герд*

Корректоры *Н. В. Пивоварова, Г. С. Якушева*

Технический редактор *Е. М. Денисова*

Художественное оформление *С. В. Лебединского*

Лицензия ЛП № 000156 от 27.04.99.

Подписано в печать 30.11.2010. Формат 60 × 84 ¹/₁₆.

Усл. печ. л. 10,5. Тираж 100 экз. Заказ № .

Филологический факультет

Санкт-Петербургского государственного университета.
199034 Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 11.

Лаборатория оперативной печати
факультета журналистики СПбГУ,
199004, Санкт-Петербург, 1-я линия В. О., д. 26